

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

8
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.3. Literary theory (Philology)

5.9.4. Folkloristics (Philology)

5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Cultural Studies)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(History)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: itk@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: itk@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetzkaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

B.L. Shapiro, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.A. Sharoff, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom

I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.O. Shaytanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Sideltsev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

A.E. Skvortsov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

N.A. Slioussar, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

A.Yu. Sorochan, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation

A.N. Taganov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Ya.G. Testelets, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Yu.I. Tsvetkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Tyupa, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.G. Vladimirova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

V.I. Zabolotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Zagidullina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

A.V. Zimmerling, Dr. of Sci. (Philology), RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

Executive editor

I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анциферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Куцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Колумбийский университет, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

И.А. Шаронов, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. <i>Шаронов И.А.</i> Диалогические клише и другие стереотипные формулы в языке и коммуникации	14
--	----

Часть 1. Диалогические клише в речевой коммуникации

<i>Шмелева Т.В.</i> Новые диалогические клише интернет-коммуникации	19
<i>Заботкина В.И., Куракина Н.А.</i> Клишированные комплименты в манипулятивном пространстве дискурса: когнитивно-прагматический аспект	30
<i>Брагина Н.Г., Васютина Е.В.</i> Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности	42
<i>Занадворова А.В., Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я.</i> Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога	56
<i>Занадворова А.В.</i> Речевые клише в сетевом общении	71
<i>Нистратова С.Л.</i> Клишированные конструкции с <i>ты-/Вы-</i> формами в диалогической речи и особенности их перевода на итальянский язык	82
<i>Федорова Л.Л.</i> <i>Не то слово!</i> – подтверждение или опровержение?	100
<i>Прохватилова О.А.</i> Речевые клише в общении православных верующих на конфессиональных интернет-форумах	114

Часть 2. Стереотипизация современной речи

<i>Колосовская Т.Л.</i> Синтаксическая конструкция <Р в подмётки (не) *годится N ₃ > в современной русской речи	125
<i>Богданова-Бегларян Н.В., Сунь Сяоли</i> <i>Сидит как этот самый...</i> : о трех витках идиоматизации местоимения <i>самый</i> в русской повседневной речи	136

<i>Сян Янань</i> О функциях маркера <i>типа там</i> в русском устном дискурсе	147
<i>Нань У.</i> Антонимические пары форм-идиом в русском повседневном дискурсе	157
<i>Кульпина В.Г.</i> Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации	166
<i>Фуфаева И.В.</i> Русская идиома <i>в никуда</i> как разговорное клише и поэтизм	181
<i>Албей Е.О.</i> Гендерные стереотипы: <i>настоящий мужчина</i>	193
Часть 3. Теоретические вопросы клишированности речи и текста	
<i>Карасик В.И.</i> Прагматические рестрикции	205
<i>Шилихина К.М.</i> Функционирование клише в ироническом дискурсе	219
<i>Крейдлин Г.Е.</i> Концепт «отвращение» I: общая характеристика и стимулы отвращения	230
<i>Гомес Диас В.Б.</i> Проблемы исследования невежливости в современной коммуникации	240

CONTENTS

Preface. <i>Igor A. Sharonov</i>	
Dialogic clichés and other stereotyped formulas in language and communication	14

Part 1. Dialogic clichés in speech communication

<i>Tatiana V. Shmeleva</i>	
New dialogic clichés of Internet communication	19
<i>Vera I. Zabotkina, Natalia A. Kurakina</i>	
Clichéd compliments in manipulative discourse. Cognitive-pragmatic aspect	30
<i>Natalia G. Bragina, Elizaveta V. Vasyutina</i>	
Apology speech act in the context of modern online publicity	42
<i>Anna V. Znadvorova, Grigory E. Kreidlin, Elena Ya. Shmeleva</i>	
Paralanguage units in initial and response dialogue replicas	56
<i>Anna V. Znadvorova</i>	
Speech clichés in online communication	71
<i>Svetlana L. Nistratova</i>	
Clichéd constructions with <i>мы-/вы-</i> forms in dialogical speech and peculiarities of their translation into Italian	82
<i>Liudmila L. Fedorova</i>	
<i>Ne to slovo! (Wrong word!)</i> – confirmation or refutation?	100
<i>Olga A. Prokhvatilova</i>	
Speech clichés in the communication of Orthodox believers on confessional Internet forums	114

Part 2. Stereotyping of modern speech

<i>Tatiana L. Kolosovskaya</i>	
The syntactic construction <P <i>v podmetki (ne) *goditsya N₃</i> > in modern Russian speech	125
<i>Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Sun Xiaoli</i>	
<i>Sidit kak etot samyi...</i> : about three twists of idiomatization of the pronoun <i>samyi</i> in Russian everyday speech	136

<i>Xiang Yanan</i>	
On the functions of the marker <i>tipa tam</i> in Russian oral discourse	147
<i>Wu Nan</i>	
Antonymous pairs of forms-idioms in Russian everyday discourse	157
<i>Valentina G. Kulpina</i>	
Defraseologization of dialogic cliché as a way to grammaticalization	166
<i>Irina V. Fufaeva</i>	
Russian idiom <i>v nikuda</i> 'to nowhere' as a colloquial cliché and poeticism	181
<i>Elizaveta O. Albey</i>	
Gender stereotypes: <i>a real man</i>	193
Part 3. Theoretical issues of the clichéd nature of speech and text	
<i>Vladimir I. Karasik</i>	
Pragmatic restrictions	205
<i>Ksenia M. Shilikhina</i>	
The functioning of clichés in ironic discourse	219
<i>Grigory E. Kreydlin</i>	
The concept 'otvrashchenie' (disgust) I. General characteristics and stimuli of disgust	230
<i>Vassili Blajenoi Gomes Dias</i>	
Challenges of researching impoliteness in modern communication	240

Диалогические клише и другие стереотипные формулы в языке и коммуникации

Вводящая тематический выпуск журнала статья повторяет наименование прошедшей в октябре 2023 г. международной конференции. Собранные по материалам докладов статьи посвящены речевой идиоматике – одной из наименее исследованных областей языка. Разговорная речь стала по-настоящему доступной для изучения только с появлением серьезных корпусов письменных текстов и устной коммуникации. Диалогические клише, бытовые и публицистические штампы, прагматемы, коммуникативы, фразеосхемы (они же синтаксические фразеологизмы), формулы речевого этикета и речевая идиоматика в целом требует фиксации и разностороннего лингвистического анализа. К рассмотрению в статьях предлагается широкий круг вопросов, общетеоретических и конкретных исследовательских, связанных с понятием клишированности в разговорной фразеологии, в грамматике, прагматике, теории речевых актов, рассмотренных с позиций смены поколений, интернет-общения, категории вежливости и речевого этикета и т. д. Комплексное разноуровневое описание единиц речевой идиоматики в языке и коммуникации позволяет выявлять многие их неявные свойства и особенности использования.

Первый раздел тематического выпуска журнала носит наименование «Диалогические клише в речевой коммуникации». Представленные в нем статьи касаются разностороннего анализа клишированных реплик в бытовом, официальном и интернет-общении.

Татьяна Викторовна Шмелева в статье «Диалогические клише интернет-коммуникации» обращается к анализу диалогических клише в интернет-коммуникации на материале комментариев к музыкальному стриму на YouTube-канале. Анализ языкового материала позволяет автору сделать вывод об интенциональной характеристике наиболее клишированных реплик стрима: это речевые акты благодарности, оценки и самопрезентации. Такого рода предлагаемые в стриме реплики быстро становятся популярными, превращаясь на какое-то время в диалогические клише.

Анализу речевых клише в сетевом общении, их нестандартным формам и истокам посвящена и статья Анны Владимировны Занадворовой «Речевые клише в сетевом общении». Автор обращает внимание на связь заголовочных речевых клише в сетевых постах с определенным дискурсом или речевым жанром. Это свойство клише может помочь читателю определить жанр поста, его интенцию, например просьбу, объявление, вопрос, философические заметки и т. п.

В статье Веры Ивановны Заботкиной и Наталии Александровны Куракиной «Клишированные комплименты в манипулятивном пространстве дискурса: когнитивно-прагматический аспект» проводится анализ комплиментов как клишированных речевых актов. Комплимент рассматривается как элемент этикетной культуры в бинарной оппозиции «правда – ложь», поскольку не исключает манипулятивной интенции лести. В статье рассматриваются наиболее частотные английские конструкции, передающие комплимент.

Традиционные и новомодные формы представления извинения и их клишированные формулы рассматриваются и анализируются в статье Натальи Георгиевны Брагиной и Елизаветы Валерьевны Васютиной «Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности». Авторы фокусируют внимание на все чаще входящих в практику публичных видеоизвинениях. Такие извинения имеют ритуализованный характер. Они строятся по определенной схеме и содержат устойчивые речевые клише.

В статье Светланы Леонидовны Нистратовой «Клишированные конструкции с ты-/Вы- формами в диалогической речи и особенности их перевода на итальянский язык» рассматриваются экспрессивные клишированные конструкции с референтным и нереферентным использованием местоимений 2-го лица: *Да ты/Вы что; Ну что ты/Вы; Ну что ты скажешь; Вот тебе (и) на; Иди ты; Ух ты!* и др. В ряде случаев предлагаются итальянские аналоги. Автор обращает внимание на трудности в адекватной передаче экспрессивных значений при переводе на иностранный язык.

В близкой по материалу работе Валентины Григорьевны Кульпиной «Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации» автор обращается к описанию синтаксических фразеосхем, включающих местоименные компоненты в дательном падеже, который автор рассматривает как «дательный этический». Это единицы типа: *Тожe мне X, На кой мне Y* и т. п. Валентина Григорьевна делает попытку классификации таких структур по степени их фразеологизации и грамматикализации.

Татьяна Леонидовна Колосовская в статье «Синтаксическая конструкция '*Р в подмётки (не) *годится N₃*' в современной русской речи» обращается к теории грамматики конструкций для описания структуры, описывающейся в традиционной русистике как фразеосхемы. Структура *<Р в подмётки (не) *годится N₃>* рассматривается как сравнительно-оценочная конструкция с широкой вариативностью глагольной формы и относительной свободой отрицательной частицы. Указывается, что глагол *не годится* может быть заменен на синонимы: *не стать, не идти, не выступать*,

не катит при сохранении семантики принижения одного объекта перед другим. Отмечается важность описания подобных конструкций для поиска адекватного перевода на другие языки и в практике преподавания русского языка иностранным студентам.

Коллективная статья Анны Владимировны Занадворовой, Григория Ефимовича Крейдлина и Елены Яковлевны Шмелевой «Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога» обращается к проблеме лексикографического описания использования в речи и текстах звуков, не принадлежащих естественному языку. В диалоге такие параязыковые единицы выполняют информативную и фатическую функции.

Нюансы использования диалогических клише в позиции ответной реплики раскрываются в статье Людмилы Львовны Федоровой «*Не то слово!* – подтверждение или опровержение?». Автор пишет, что клише *Не то слово!* наряду с близкими ему *(И) не говори(те)!* и *Да уж!* входит в интенциональный ряд согласия с мнением собеседника. При этом обращается внимание на несоответствие формы отрицательных реплик *Не то слово!* и *(И) не говори(те)!* их прагматическому значению, а в реплике *Да уж!* обнаруживается негативно-ироническая коннотация. Выводы о прагматических тонкостях оценивания рассматриваемых реплик проверяются автором на основе экспериментальной проверки интуиции группы студентов РГГУ.

Второй раздел тематического выпуска журнала носит наименование «Идиоматические сочетания в современной разговорной речи». Представленные в нем статьи касаются разностороннего анализа стереотипных слов и частотно встречающихся сочетаний в современной разговорной речи.

В совместной статье Натальи Викторовны Богдановой-Бегларян и Сунь Сяоли «Сидит как этот самый...: о трех витках идиоматизации местоимения *самый* в русской повседневной речи» обосновывается методика веерного шкалирования. Местоимение *самый* рассматривается в трех витках идиоматизации: где идиоматизации подвергается форма суперлатива: *самое плевое дело, в самом черном виде*; в сочетании с разными частями речи в качестве компонента устойчивого выражения: *по самую шею* и в качестве хезитатива: *как это самое*. Авторы подчеркивают полезность полученных результатов для коллоквиальных исследований, преподавания РКИ и для практики перевода.

Близкое по тематике исследование представлено в двух следующих работах. В статье Сян Янань «О функциях маркера *тип там* в русском устном дискурсе». Сочетание двух полифункциональных частиц как единого сочетания рассматривается автором

на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка и корпуса повседневной русской речи «Один речевой день». На основе частотности использования сочетания *типа там* утверждается, что к первичным функциям комбинации относится хезитация, аппроксимация и введение в речь интерпретация чужой речи.

Статья У. Нань «Антонимические пары форм-идиом в русском повседневном дискурсе» посвящена синтаксическим особенностям антонимичных оборотов: *в кайф – не в кайф, в мать – не в мать, к добру – не к добру, в духе – не в духе, в себе – не в себе*, построенных на наличии – отсутствии отрицания. Указывается как на различия в синтаксических позициях: *не к добру* побаливает (дополнение) VS *к добру* / и *ко злу* (обстоятельство), он *не в духе* (сказуемое) – *в духе* Средневековья (предлог, часть сказуемого).

История становления поэтического оборота в разговорное клише представлена в статье Ирины Владимировны Фуфайевой «Русская идиома *в никуда* как разговорное клише и поэтизм». Указывается время появления поэтизма – начало XX века, его более позднее проникновение в бытовую речь и параллельное сосуществование обоих употреблений с несовпадающими функциями в современных разговорном и поэтическом дискурсах.

Заключительный раздел тематического выпуска журнала носит наименование «Теоретические вопросы клишированности речи и текста». Представленные в нем статьи касаются различных аспектов социальной жизни, влияющих на формирование и укоренение в узусе стереотипных форм диалогической речи. Открывается раздел статьей Владимира Ильича Карасика «Прагматические рестрикции». Автор понимает под прагматическими рестрикциями ограничения, накладываемые на не всегда гласные нормы тех или иных типовых коммуникативных ситуаций. Ограничения имеют градуальный характер с точки зрения их силы в тот или иной социальный период общественного развития, начиная с абсолютно неприемлемых до допустимых в неформальной обстановке с близкими людьми. Прагматические рестрикции подразделяются в статье на этикетные, религиозные, рационально обоснованные, ритуальные, политкорректные и дискурсивно-стилистические.

Лингвистическое описание основ гармоничной коммуникации и путей их нарушения в современном коммуникативном взаимодействии предлагается в статье Вассили Блаженной Гомес Диас «Проблемы исследования невежливости в современной коммуникации». Статья выполнена в виде широкого реферативного обзора западной и российской лингвистической литературы последних десятилетий. Автор останавливается на теориях вежливости в работах П. Браун, С. Левинсона и Дж. Лича и критике этих

теорий со стороны исследователей, придерживающихся метода дискурсивного анализа языка. Указывается, что высказывание говорящего независимо от его формы может оцениваться собеседником как вежливое или невежливое в зависимости от целого ряда параметров, связанных с взаимопониманием собеседников, формой и стилем ведения разговора.

Например, в русском бытовом общении широко распространен шутивно-иронический стиль общения со своим набором клише, анализ которых представлен в статье Ксении Михайловны Шилихиной «Функционирование клише в ироническом дискурсе». Как утверждает автор, устойчивые оценочные обороты часто используются в речи с целью перевернуть оценку с положительной на отрицательную. Адекватное восприятие иронического смысла достигается нестандартным использованием единицы. Однако популярность иронических употреблений может приводить к их узуализации (ср.: *(ну да) конечно, как смешно, прекрасно, люблю такое, поздравляю*), и такие употребления, пусть и нерегулярно, фиксируются словарями.

В статье Григория Ефимовича Крейдлина «Концепт “отвращение” I: общая характеристика и стимулы отвращения» обсуждается глубинная связь языковых и неязыковых средств описания отвращения и стереотипных эмоциональных реакций на это чувство. Анализируются типы объектов, стимулирующих эмоциональные проявления, рассматриваются законы сходства и заражения, обуславливающие связь реальных объектов и их наименований с реакцией на них субъекта состояния.

Проведенная в 2023 г. конференция «Диалогические клише и другие стереотипные формулы в языке и коммуникации» и построенный на ее основе тематический выпуск журнала демонстрируют актуальность изучения современной коммуникации и ее механизмы, включающие стереотипизацию языковых форм для облегчения выражения мысли и интенции говорящим лицом и упрощения восприятия его речи собеседником. Рассмотренные вопросы, результаты конкретных исследований раскрывают новые перспективы и области для изучения коммуникативных характеристик социального взаимодействия, ставят перед исследователями новые задачи, решать и обсуждать которые необходимо на научных конференциях, при встречах и в новых публикациях.

И.А. Шаронов

Часть 1

Диалогические клише в речевой коммуникации

УДК 81'27:004.738.5

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-19-29

Новые диалогические клише интернет-коммуникации

Татьяна В. Шмелева

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия, szmiel@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о диалогических клише интернет-коммуникации, которая занимает все более значительное место в повседневном общении современного человека. Анализ проведен на материале комментариев к музыкальному стриму на YouTube-канале с более чем тремя миллионами подписчиков, что говорит о массовости наблюдаемых фактов. С учетом современных представлений о речевых клише, их семантических и дискурсивных возможностях, а также о стриме как новом гипермедиажанре проводятся наблюдения над клишированными репликами в комментариях, выявляется их типология, оценивается новизна и специфичность. Так, оказывается, что клишируются прежде всего реплики самопрезентации, благодарности и оценки. Отмечается роль стримера, который не только ведет диалог, но и задает лексикон, некоторые правила коммуникации и, в частности, предлагает реплики, которые подхватываются зрителями, получая возможность стать диалогическими клише. Хотя материал стрима не позволяет сделать глобальные обобщения о клише в интернет-коммуникации, можно заключить, что для нее формирование новых и востребованность классических клише характерны как для разговорной речи, а реальный состав клишированных реплик задается контентом стрима и условиями общения, важнейшим из которых надо признать характер отношений между стримером и зрителями, которые становятся комментаторами.

Ключевые слова: русский язык, клише, разговорная речь, интернет-комментарий, стрим

Для цитирования: Шмелева Т.В. Новые диалогические клише интернет-коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 19–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-19-29

© Шмелева Т.В., 2024

New dialogic clichés of Internet communication

Tatiana V. Shmeleva

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Veliky Novgorod, Russia, szmiel@mail.ru

Abstract. The article discusses the issue of dialogical clichés of Internet communication, which takes an increasingly significant place in everyday communication of modern man. The analysis was carried out on the material of comments on the musical stream on the YouTube channel with more than three million subscribers, which indicates the mass of the observed facts. Given modern ideas about speech clichés, their semantic and discursive capabilities, as well as stream as a new hypermedia genre observations on clichéd remarks in the comments, their typology is revealed, novelty and specificity are evaluated. So, it turns out that primarily replicas of self -presentation, gratitude and assessments are clicked. The role of a streamer is noted, which not only leads a dialogue, but also sets the vocabulary, some rules of communication and, in particular, offers replicas that are picked up by the audience, getting the opportunity to become dialogical clichés. Although the stream material does not allow making global generalizations about clichés in Internet communications, it can be concluded that for it the formation of new clichés ones and the demand for classic ones is characteristic, as for colloquial speech, while the actual composition of the clicked replicas is set by the content of the stream and the conditions of communication, the most important of which one should recognize the nature of the relationship between the streamer and the spectators who become commentators.

Keywords: Russian, cliché, conversational speech, Internet commentaries, stream

For citation: Shmeleva, T.V. (2024), “New dialogic clichés of Internet communication”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 19–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-19-29

Изучение реальной речевой практики приводит к пониманию того, что она обеспечивается действием различных принципов обращения с языком, которые можно расположить на двух полюсах – креативности и клишированности. Если первый предполагает *создание* необходимых высказываний и часто лексических ресурсов, то второй – *воспроизведение* готовых речений, не говоря о лексических единицах. Исследователей языка, и прежде всего

в изящной словесности, привлекают в первую очередь продукты креативной речевой деятельности, недаром все популярнее становится термин *лингвистика креатива* (кстати, недавно стал выходить журнал с таким названием). Однако и на противоположном полюсе можно увидеть важные и интересные моменты, например в отношении языка и речи, чем объясняется устойчивый интерес лингвистов к речевым клише. Можно сказать, что он наиболее ощутим в ряде прикладных лингвистических сфер, в первую очередь в лингводидактике и практике перевода, в коллоквиалистике. Однако и теоретическая лингвистика находит в этом объекте разные аспекты изучения, как подчеркивается в одной из недавних публикаций на эту тему [Брагина 2023].

Можно напомнить, что оживление интереса к клише наблюдалось во время активного изучения русской разговорной речи, в чем убеждает фундаментальный труд [Лаптева 1976]. В нем сформулированы важные характеристики синтаксиса разговорной речи, в частности сосуществование в нем разных по структурному статусу конструкций – *типизированных, слабооформленных и клишированных* [Лаптева 1976, с. 119]. Последние «обязаны своим возникновением свойству автоматизма речи, появляются в речевом потоке в условиях высокочастотных повторяющихся ситуаций. ... Частотность ситуаций ведет к частотности реакции, которая превращается в частотную формулу, шаблон» [Лаптева 1976, с. 124]. Особо подчеркивается, что клишированные конструкции не относятся к высокочастотным, они функционируют именно в рамках известных ситуаций.

Изменения речевой практики возвращают нас к этой синтаксической проблеме. Присоединяясь к пониманию клише как «одни-и-многословных диалогических единиц, устойчиво и стереотипно воспроизводимых, прагматически связанных с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций» [Брагина 2023, с. 10], нельзя не отметить, что в изучении этого феномена получены существенные результаты. Так, в работах, построенных на материале разных языков, выявлены семантические типы клише [Косогорова, Морозова 2020], их дискурсивное разнообразие – от политических до футбольных, при этом особое внимание уделяется клише в интернет-коммуникации [Загоруйко 2017]. Неудивительно, что в последнем случае обозначился аспект выявления новых клише, или неоклише [Сафарова и др. 2020; Цыпина и др. 2020; Голокова 2022]. В рамках этого тренда в настоящей статье излагаются соображения о новых клише, которые сложились (или только складываются?) в специфической дискурсивной ситуации – комментариях к стриму на видеохостинге YouTube.

Стрим как новая реальность интернет-коммуникации рассматривается исследователями как гипермедиажанр, который предполагает трансляцию видео с монологом /диалогом стримера/ стримеров и реакцию на них зрителей [Болотнов 2021]. Следует при этом отметить, что языковое воплощение всех реплик, и в частности представляющие основной интерес в настоящей работе комментарии, в значительной степени зависит от тематики и конкретного контента стрима, речевого поведения стримера, его гостей и ряда других условий коммуникации. Стремление максимально конкретизировать эти условия приводит к наблюдениям над комментариями в рамках одного стрима – музыкального канала певицы Александры Капустиной в 2023 г.

Ее стримы собирают поклонников певческого таланта Александры, которая одна или с гостями ведет общение со зрителями и поет для них, чаще всего кавер-версии известных песен, учитывая пожелания, которые зрители выражают в чате, отправляя ей донаты. Зрители и участники коммуникации ощущают себя сообществом, у которого даже есть название с историей: кто-то из критиков певицы написал, что если она и Капустина, то квашеная. Этот нелестный эпитет она сделала своим никнеймом и адресом канала – @kvashenaya, а сферу интереса к ней обозначила как страну – Квашляндию, своих поклонников – ее обитателей – квашляндцами. Подписчиков на ее канале – более трех миллионов, под каждым стримом – сотни, а иногда и тысячи комментариев. Комментарии в рамках интернет-коммуникации привлекают лингвистов, считающих это особой разновидностью медиаречи, как утверждает в работе [Выровцева, Малышев 2020], или особым медиажанром [Полоян 2023], в рамках которого изучается использование разного типа лексики, например экспрессивной [Гуц, Миллер 2023] или выражение определенных смыслов, чаще всего оценочности, как, например, в работе [Пасечная, Щербина 2020]. Таким образом, современная лингвистика располагает опытом изучения интернет-комментариев в разных аспектах.

Наблюдения над комментариями к стримам Квашеной убеждают, что эта дискурсивная ситуация создает реальные условия для формирования клише. Прежде всего стоит отметить, что сложился сценарий таких стримов: певица приветствует своих зрителей, поддерживает с ними коммуникацию (фатическое общение в чистом виде), проводит опросы о песнях, которые они хотели бы послушать в ее исполнении, благодарит за донаты, шутит и поет. Речь стримерши наполнена общими клише – приветствия, благодарности, комплименты и ответы на таковые; сложились

и ее собственные типа *Все будет по кайфу, Спасибо за донат / донатик / донателло, Я вас обожаю*.

Однако куда больше клише находим в комментариях. Во-первых, здесь авторов – масса, как было сказано, они оставляют тысячи откликов к каждому стриму. Во-вторых, так как основной состав комментаторов составляют поклонники, если не сказать обожатели стримерши, то их реакции сводятся к оценкам, преимущественно позитивным. В-третьих, скорость общения, постоянная «смена декораций» и сюжетов почти не оставляет возможности для развернутых высказываний, «обрекая» комментаторов на короткие реплики, что характерно для клише. Кроме того, стримерша сама часто «запускает» реплики, которые становятся массово употребляемыми комментаторами, двигаясь в сторону клишированности; так, она предлагает зрителям фантастические формы типа *Любимба, обо-жамба*, и они действительно часто фигурируют в комментариях.

Итак, комментарии к стриму представляют интересный лингвистический материал. Обращение к нему в синтаксическом аспекте позволило выявить репертуар моделей предложения, которые используются комментаторами [Шмелева 2023], а также увидеть и другую сторону этих речевых произведений – их клишированность. Правда, при этом неизбежно возникает вопрос: сколько раз должна повториться реплика, чтобы ее можно было считать клише? В работах о клише этот вопрос особо не обсуждается, а между тем он представляется не праздным. Останемся здесь в рамках интуитивных представлений и наблюдений о неоднократном использовании реплики, узнавании ее в речевом потоке, чтобы она воспринималась как клише.

Комментарии в качестве иллюстраций к лингвистическим утверждениям здесь приводятся без указания автора, установить которого невозможно, как правило, и без даты, так как комментарий остается на канале; это тем более оправданно, когда речь идет не об уникальных репликах, а о клише. Следует отметить, что при возможности сохраняется и графический вид комментария – знаки пунктуации, строчные / прописные буквы, с которыми комментаторы обращаются весьма своеобразно, написание слов.

Что удастся увидеть при таком подходе? Если представить клише как серию смысловых типов, то можно получить такой ряд.

Самое популярное клише стрима можно квалифицировать как выражение принадлежности к сообществу, или **самопрезентации** – *я квашляндец, яквашляндец, Яквашляндец, я – квашляндец; мне повезло ЯКВАЩЛЯНДЕЦ*. Оно воспроизводится в начале комментариев, в финале и иногда составляет собственно комментарий.

Клише с семантикой благодарности **благодарности** переполняют комментарии: *Спасибо за стрим; Спасибо за прекрасный стрим); спасибо за стрим; Спасибо за тепейший стрим!)*. Их можно наблюдать едва ли не в каждом комментарии.

И самыми многочисленными оказываются **оценочные** клише. При этом стоит отметить два типа оценок комментаторов: в первых объект оценки – голос, исполнение, внешний вид стримерши; а во вторых – впечатления зрителей-комментаторов. Интересно, что первые выражаются типизированными конструкциями с довольно широким диапазоном моделей и оценочных предикатов, если не считать уже указанного клише *Любимба, обожамба*, о котором уже шла речь и которое действительно можно увидеть в комментариях буквально к каждому стриму, а вторые – преимущественно клишированными репликами.

Приведем наиболее популярные из них, к которым можно отнести **все по кайфу**:

По кайфу; Всё было по кайфу; ВСЕПОКАЙФУ; По кайфу; Спасибо за стрим, Саша.

Всё по кайфу, хорошо посидели; Саша стрим великолепный просто все по кайфу;

Сашулька красатулька, спасибо за тепейший стрим, было по кайфу.

Характерно в этом отношении клише с семантикой **предела сильных впечатлений до мурашек**. Оно представляет собой трансформ идиомы *мурашки бегают по коже / по телу*: «Седая ночь» это было что-то с чем-то. До мурашек прям; До мурашек... Это просто нечто! Спасибо девчушки.

Менее распространенным, но тоже выражающим эмоциональное состояние автора комментария оказывается клише **Нет слов, одни эмоции**, которое используется как самодостаточное для текста комментария и в составе более развернутого высказывания: *Невероятный стрим, невероятное исполнение Нет слов, одни эмоции.*

Рождение клише можно наблюдать на одной реплике, которая выражает оценки не конкретных проявлений стримерши, а общее отношение к ней; эта реплика появилась больше года назад, но повторяется чуть ли не на каждом стриме **Люблю не могу шучу могу**. Пунктуационно ее оформляют по-разному, например, *люблю не могу – шучу могу; Люблю не могу, шучу, могу!; Люблю Тебя Не Могу!!! Шучу, могу!!!;*), что не мешает воспринимать ее как клише.

Кроме того, нельзя не отметить, что в новых дискурсивных условиях появляются новые клише – визуальные: лайки, сердечки, эмодзи, гифки. И это реальность интернет-коммуникации, которая стала частью повседневного общения, однако здесь она оказывается за рамками обсуждения, поскольку интерес представляют речевые клише.

Итак, можно сделать ряд выводов. В дискурсивных условиях, которые складываются в конкретном музыкальном стриме, формируются специфические диалогические клише. Их репертуар объясняется характером коммуникации: комментаторы маркируют свою принадлежность к сообществу, благодарят певицу за пение и общение, наконец высказывают свои оценки и впечатления от всего происходящего. Уникальной кажется ситуация, когда лингвист не только может зафиксировать клише, но и увидеть, как они складываются. И речь идет не о разговорной речи (хотя в ней тоже могут быть такого рода инновации), а об интернет-коммуникации, которая сейчас не просто заполняет наше коммуникативное пространство, но и удивляет разнообразием форматов, жанров, дискурсивных ситуаций, появляющихся на наших глазах. Это разнообразие позволяет наблюдать формирование синтаксических способов выражения смыслов или решения коммуникативных задач, в том числе и с помощью клише в ситуациях, которые оказываются частотными, как отмечала О.А. Лаптева, «вызывая частотную реакцию».

Как показывает проведенный анализ, новая дискурсивная ситуация может «приспосабливать» классические клише – например, *Спасибо за стрим*, а может потребовать формирования новых или во всяком случае специфичных для этой ситуации, как клише самопрезентации *Яквашляндец*. Характерно, что новые клише иногда пишутся в одно слово – как хештэги, по обычаям интернет-коммуникации.

Разумеется, тенденцию к клишированности речи нельзя воспринимать в этом жанре как единственную, она действует наряду с тенденцией к использованию всех возможностей русской грамматики и лексических ресурсов, а также с тенденцией к креативности, которая поощряется в сообществе, имеющем собственное название – Квашляндия – и практикующем специфические версии ряда слов. Так, жанр коммуникации наряду с его типовым названием стрим именуется певицей и комментаторами *стримчик*, *стримище*, *стримчанский*; *донаты* – *донатиками* и *донателло*. Важен и аспект языковой рефлексии, попутные замечания гостей стрима и авторов комментариев; так, один из гостей оценил номинацию *донателло*, отметил, что звучит по-итальянски, красиво.

Все это говорит о том, что жанр интернет-комментария представляет интерес для лингвистов, предъявляя классические и новые факты русской речи, появление которых оказывается ответом на запросы интернет-коммуникации в ее расширяющемся разнообразии.

Литература

- Болотнов 2021 – *Болотнов А.В.* Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. № 20 (2). С. 111–120. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10
- Брагина 2023 – *Брагина Н.Г.* Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 5 (300). С. 10–15. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Выровцева, Малышев 2020 – *Выровцева Е.В., Малышев А.А.* Грамматика ответной комментирующей речи в массмедиа // Медиалингвистика славянских стран: Монография / Под науч. ред. Л.Р. Дускаевой; Отв. ред. Л.Ю. Иванова. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 93–124.
- Голокова 2022 – *Голокова М.С.* «Что? Да!» – новое клише в медиаречи // Медиа в современном мире: 61-е Петербургские чтения: Статьи участников ежегодного апрельского научного форума. Т. 1. СПб., 2022. С. 80–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48411074> (дата обращения 16 августа 2024).
- Гуц, Миллер 2023 – *Гуц Е.Н., Миллер В.А.* Функционирование экспрессивной лексики в интернет-комментариях // Коммуникативные исследования. 2023. № 4. С. 706–721. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).706-721
- Загоруйко 2017 – *Загоруйко И.Н.* Эмотивно-оценочные клише в клиповой интернет-культуре // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 6. С. 856–860. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32358450> (дата обращения 16 августа 2024).
- Косогорова, Морозова 2020 – *Косогорова Х.Г., Морозова А.А.* Использование коммуникативных клише в речи французской молодежи (на материале блогов) // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Сборник материалов 74-й Международной научной конференции, а также материалы 5-го межрегионального научно-практического семинара «Перевод в современном мире. Современный мир в переводе». Т. 18. Ярославль, 2020. С. 132–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43946697> (дата обращения 16 августа 2024).
- Лаптева 1976 – *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 397 с.
- Пасечная, Щербина 2020 – *Пасечная Л.А., Щербина В.Е.* Способы выражения оценки в интернет-комментариях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 87–92. URL:

- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44248605> (дата обращения 16 августа 2024).
- Поляян 2023 – Поляян А.В. Жанр интернет-комментария как объект исследования // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 521–525. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53811530> (дата обращения 16 августа 2024).
- Сафарова и др. 2020 – Сафарова И.А., Тимергалиева Э.Б., Цыпина А.Р. Кличе и неокличе в высказываниях современных политических лидеров // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всероссийской с международным участием заочной научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2020. С. 73–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46213410> (дата обращения 16 августа 2024).
- Цыпина и др. 2020 – Цыпина А.Р., Ардаширова А.А., Набиева К.И., Лукманова А.А. Лингво-психологическая манипуляция при помощи клише, неокличе (на материале английского и испанского языков) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 2 (55). С. 144–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44496217> (дата обращения 16 августа 2024).
- Шмелева 2023 – Шмелева Т.В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

References

- Bolotnov, A.V. (2021), “Stream as a new hypermedia genre”, *Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, no. 20(2), pp. 111–120, DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10
- Bragina, N.G. (2023), “Speech clichés: aspects of linguistic study”, *Russian language abroad*, no. 5 (300), pp. 10–15, DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Golokova, M.S. (2022), “‘What? Yes’ – a new cliché in media speech”, *Media in the modern world. 61st St. Petersburg Conference. Articles by participants of the annual April scientific forum*, vol. 1, St. Petersburg, Russia, pp. 80–81, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48411074> (Accessed 18 August 2024).
- Guts, E.N. and Miller, V.A. (2023), “Functioning of expressive vocabulary in Internet comments”, *Communication Studies*, no. 4, pp. 706–721, DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).706-721
- Kosogorova, H.G. and Morozova, A.A. (2020), “The use of communication clichés in the speech of French youth (based on blogs)”, *Yazyk i obshchestvo. Dialog kul'tur i traditsii: Sbornik materialov 74-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, a takzhe materialy 5-go mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara «Perevod v sovremennom mire. Sovremennyyi mir v perevode»*. [Language and Society. Dialogue of cultures and traditions: A collection of proceedings

- from the 74th international scientific conference, as well as those from the 5th interregional scientific and practical seminar “Translation in the modern world. The modern world in translation”], vol. 18, Yaroslavl, Russia, pp. 132–136, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43946697> (Accessed 18 August 2024).
- Lapteva, O.A. (1976), *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian colloquial syntax], Nauka, Moscow, Russia.
- Pasechnaya, L.A. and Shcherbina, V.E. (2020), “The ways of expression for evaluation in Internet commentaries”, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 9 (152), pp. 87–92, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44248605> (Accessed 18 August 2024).
- Poloyan, A.V. (2023), “The genre of Internet commentary as an object of research”, *Cognitive studies of language*, no. 1 (52), pp. 521–525, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53811530> (Accessed 18 August 2024).
- Safarova, I.A., Timergaliev, E.B. and Tsykina, A.R. (2020), “Clichés and neo-clichés in the statements of modern political leaders”, *Slovo i tekst v kul'turnom i politicheskom prostranstve: materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem zaochnoi nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov* [Word and text in the cultural and political space. Proceedings of the All-Russian correspondence scientific conference of students and post-graduate students with international participation], Syktyvkar, Russia, pp. 73–75, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46213410> (Accessed 18 August 2024).
- Shmeleva, T.V. (2023), “Evaluative statements in comments to the stream”, *VERBA. North-West linguistic journal*, no. 2 (7), pp. 89–102, DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102
- Шмелева 2023 – Шмелева Т.В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102
- Tsykina, A.R., Ardashirova, A.A., Nabieva, K.I. and Lukmanova, A.A. (2020), “Linguistic and psychological manipulation using clichés, neo-clichés (based on the material of English and Spanish languages)”, *Bulletin of the Bashkir M. Akhmetov State Pedagogical University*, no. 2 (55), pp. 144–155, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44496217> (Accessed 18 August 2024).
- Vyrovtsseva, E.V. and Malyshev, A.A. (2020), “Grammar of response commentary speech in the mass media”, Duskaeva, L.R. (ed.), *Medialingvistika slavyanskikh stran: Monografiya* [Medialinguistics of Slavic countries, monograph], FLINTA, Moscow, Russia, pp. 93–124.
- Zagoruiko, I.N. (2017), “Emotive-appraisive clichés in the clip internet culture”, *Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 27, no. 6, pp. 856–860, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32358450> (Accessed 18 August 2024).

Информация об авторе

Татьяна В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173003 Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; szmiel@mail.ru

Information about the author

Tatiana V. Shmeleva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; bld. 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, Russia; szmiel@mail.ru

Клишированные комплименты
в манипулятивном пространстве дискурса:
когнитивно-прагматический аспект

Вера И. Заботкина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zabortkina@rggu.ru*

Наталья А. Куракина

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта
Калининград, Россия, NaPetrusevich1@kantiana.ru*

Аннотация. В статье осуществляется анализ комплиментарных инфлуктивов в когнитивно-прагматическом аспекте с целью выявления структурных моделей построения данных высказываний и концептуальных/когнитивных структур, лежащих в их основе. Мы утверждаем, что комплимент по своей природе является клишированным речевым актом. Мы также утверждаем, что комплимент имеет амбивалентную природу и может употребляться не только с интенцией похвалы и уважения как элемент этикетной культуры, но и с интенцией лести, коррелируя с аксиологической бинарной оппозицией «правда – ложь». В этом случае он будет вовлечен в процесс манипуляции. Можно констатировать, что комплимент формирует основу категории инфлуктивности в силу того, что он содержит эмоционально-оценочную лексику; в случае употребления комплимента с интенцией лести теряется гарантия истинности, что и приводит к манипулятивному воздействию на адресата. В процессе анализа выделяются наиболее частотные синтаксические модели, подтверждающие клишированный характер комплиментов. Анализ проводится на материале английского языка. Мы доказываем, что в основе льстивых комплиментов лежит конфигурация фреймов, таких как «манипуляция, доверие, контроль, комфорт» и др. Внутри данной конфигурации происходит динамическое взаимодействие, основывающееся на механизмах концептуального проецирования.

Ключевые слова: речевой акт, комплимент, клише, экспрессив, фрейм, манипуляция, концептуальные структуры

Для цитирования: Заботкина В.И., Куракина Н.А. Клишированные комплименты в манипулятивном пространстве дискурса: когнитивно-

© Заботкина В.И., Куракина Н.А., 2024

прагматический аспект //Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 30–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-30-41

Clichéd compliments in manipulative discourse. Cognitive-pragmatic aspect

Vera I. Zabotkina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, zabotkina@rggu.ru*

Natalia A. Kurakina

*I. Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia, NaPetrusevich1@kantiana.ru*

Abstract. The article addresses the issue of the cognitive-pragmatic approach to the complimentary expressive influctive speech acts. We aim to identify structural models for constructing these statements and the conceptual/cognitive structures underlying them. We argue that a compliment by its nature is a clichéd speech act. We also argue that a compliment has an ambivalent nature and can be used not only with the intention of praise and respect as an element of etiquette, but also with the intention of flattery, correlating with the axiological binary opposition “truth – lie”. In that case, compliment will be involved in the manipulation process. We state that a compliment forms the basis for the category of influctivity due to the fact that it contains emotional and evaluative vocabulary. If a compliment is used with the intention of flattery, the epistemic guarantee is lost, which leads to a manipulative effect on the addressee. During the analysis, the most frequent syntactic models are identified, confirming the clichéd nature of compliments. We draw on the English language material analysis. We prove that flattering compliments are based on a configuration of frames such as “manipulation, trust, control, comfort”, etc. Within such configuration there is a dynamic interaction based on the mechanisms of conceptual projection.

Keywords: speech act, compliment, cliché, expressive speech act, frame, manipulation, conceptual structures

For citation: Zabotkina, V.I. and Kurakina, N.A. (2024), “Clichéd compliments in manipulative discourse. Cognitive-pragmatic aspect”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 30–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-30-41

В статье осуществляется анализ комплиментарных инфлуктивов в когнитивно-прагматическом аспекте с целью выявления структурных моделей построения данных высказываний и их концептуальных основ. Мы утверждаем, что комплимент по своей природе является клишированным речевым актом. Мы также утверждаем, что комплимент имеет амбивалентную природу и может употребляться не только с интенцией похвалы, но и с интенцией лести, коррелируя с аксиологическими бинарными оппозициями «хорошо – плохо», «правда – ложь». В этом случае он будет вовлечен в процесс манипуляции.

Обращаясь к рассмотрению инфлуктивных речевых актов, необходимо отметить, что в этот класс входят речевые акты эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия [Телия 1991].

Инфлуктивы входят в категорию экспрессивов согласно классификации Дж.Р. Серля [Searle 1965].

Известно, что Дж.Р. Серль выделил пять классов речевых актов на основе связи коммуникативного намерения говорящего и перлокутивного эффекта, направленного на слушающего: «репрезентативы или ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации» [Searle 1965]. Особого внимания заслуживает изучение экспрессивов.

Речевой акт «комплимент» может быть отнесен в класс экспрессивов, так как экспрессивные высказывания – это высказывания, передающие психическое состояние говорящего, его чувства и эмоции, отношение к тем или иным поступкам, действиям, событиям другого человека.

Некоторые ученые также эксплицитно включают глагол «комплиментировать» в список глаголов, входящих в класс экспрессивов. Так, согласно Д. Вандервекену, экспрессивные иллокутивные глаголы называют иллокутивные силы, основной задачей которых является описание психических состояний говорящего, к которым относятся радость, одобрение или, напротив, недовольство. В ходе общения говорящий может также прибегать к использованию невербальных средств коммуникации совместно с вербальными [Vanderveken 1988, p. 199].

Изучим структурные особенности англоязычного комплимента для подтверждения *клишированности* данного речевого акта.

Желание адресанта комплиментарного речевого акта высказать положительное мнение относительно объекта комплимента в форме одобрения является его основной функцией, что находит отражение в словарных дефинициях лексемы *a compliment*. Так, например, Oxford Learner's Dictionary дает следующее определение данной лексеме:

1. a comment that expresses praise or approval of somebody;
2. (formal) polite words or good wishes, especially when used to express praise and approval¹.

Лексема *compliment* употребляется в следующих частотных коллокациях:

to return the compliment ('Tom Mooney, returned the compliment when Strang was in Scotland last summer')²

to pay somebody a compliment ('He was paying me a compliment' (British National Corpus),

to take something as a compliment ('I hope that he will take it as a compliment' (British National Corpus)),

to regard something as a compliment ('He regards that as a compliment' (British National Corpus)),

to fish for compliment ('I fish for complements' (British National Corpus)),

to compliment somebody on something ('I compliment the National Farmers Union on bringing out an adventurous scheme' (British National Corpus)).

Данные клишированные коллокации представляют собой идиомы или устойчивые выражения, которые в результате чрезмерной употребительности подвергаются десемантизации.

Согласно данным Британского национального корпуса, ядерное существительное *compliment* чаще коллоцирует со следующими прилагательными: *great, ultimate, considerable, enormous, rich, full, generous, effective, real, tremendous*.

Комплимент может быть амбивалентным, что вытекает из дефиниционного анализа как англоязычных, так и русскоязычных лексикографических источников: помимо выражения одобрения и похвалы комплимент может быть употреблен с интенцией лести. Так, словарь Collins English Dictionary дает следующее определение комплименту:

1. a formal act or expression of courtesy or respect; 2. something said in admiration, praise, or *flattery*.

¹ Oxford Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/compliment_1?q=compliment (дата обращения 25 ноября 2023).

² British National Corpus. URL: <http://www.english-corpora.org/bnc/> (далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

1. формальный акт / выражение вежливости или уважения;
2. нечто, сказанное в знак восхищения, похвалы или *лести*³.

Обращаясь к русскоязычным лексикографическим источникам, следует отметить, что С.И. Ожегов понимает под комплиментом «любезность, лестные слова, содержащие похвалу»⁴.

Русские лексикографы также определяют комплимент как «преувеличенное, угодливое восхваление чьих-либо качеств или действий»⁵. Итак, можно выделить две категории комплиментарных инфлуктивов в зависимости от коннотации: комплименты, выражающие похвалу, благодарность и уважение; комплименты, выражающие лесть.

Рассмотрим первую категорию комплиментарных инфлуктивов с интенциями похвалы, благодарности и уважения.

Для *похвальных* комплиментов характерна структурная модель «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное». По данной модели строится 28% комплиментов нашей выборки.

Как известно, в основе любой структурной языковой модели лежит концептуальная структура, когнитивная модель. Мы полагаем, что в основе всех комплиментарных структурных моделей лежит фрейм «комплимент». Основываясь на данных FrameNet, можно выделить центральные и периферийные слоты данного фрейма, где в ядерную структуру фрейма входят слоты *агенса*, *пациенса*, *диктума*, *внешняя причина*, *действие* и *эффект*, а к периферийной структуре фрейма принадлежат слоты *место*, *время*, *средство*, *способ*, *степень*, *частотность*, *основание*, *внутренняя причина* и *результат*⁶.

В качестве комплиментарного речевого акта, построенного по указанной модели, приведем пример высказывания из произведения «Тихая гавань» Н. Спаркса:

“I like her. **She’s a bright spirit – a real personality**”⁷.

В похвальных комплиментах часто используются сравнительные обороты. Такие комплименты строятся по модели «личное

³ Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/compliment> (дата обращения 20 ноября 2023)

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь / Под ред. Л.И. Скворцова. М.: Оникс, 2010. 736 с. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

⁵ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

⁶ FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/> (дата обращения 25 ноября 2023)

⁷ Sparks N. Safe Heaven. Grand Central Publishing, 2010. P. 60.

местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой». Данная модель встречается в 11% случаев выборки. Обратимся к примеру комплимента, взятого из произведения «С первого взгляда»:

“And you are even lovelier than usual. Engagement definitely suits you, my dear”⁸.

В основе данной структурной модели лежит фрейм «комплимент-похвала». Адресант комплимента (Геркин) соотносится со слотом *агенса*, адресат (Лекси) – с *пациентом*, содержание комплимента-похвалы – с *диктумом*.

Реже встречаются англоязычные похвальные комплименты, структурно оформленные согласно следующим моделям:

1) личное местоимение + глагол + прилагательное (**“It’s perfect”⁹**);

2) личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное (**“You have a really excellent brain, Mr. Healey”¹⁰**);

3) указательное местоимение / притяжательное прилагательное + существительное + глагол + прилагательное (**“Your play’s brilliant”¹¹**);

4) существительное / личное местоимение + глагол + существительное (**“You’re a genius”¹²**);

5) восклицательная конструкция «вопросительное местоимение “какой / какая” с неопределенным артиклем + существительное / именная группа!» (**“Gorgeous! What a house! Marvelous!”¹³**) / «вопросительное местоимение “как” + прилагательное» или «вопросительное местоимение “как” + прилагательное + личное местоимение + глагол!» (**“How clever you are, Michael!”¹⁴**);

⁸ Sparks N. At First Sight. Grand Central Publishing, 2005. P. 19.

⁹ Moyes J. Honeymoon in Paris. P. 41. URL: https://vk.com/original_books/short_stories (дата обращения 29 ноября 2023).

¹⁰ Fry S. The Liar // Mreadz.net. P. 9. URL: <http://читать-онлайн.рф/new/index.php?id=685&pages=> (дата обращения 25 ноября 2023).

¹¹ Maugham S. Theatre. P. 29. URL: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=127593> (дата обращения 20 ноября 2023).

¹² Steel D. Toxic bachelors. P. 124. URL: <http://rattythegameworm.files.wordpress.com/2012/10/danielle-steel-toxic-bachelors.pdf>

¹³ Foer J.S. Everything is illuminated. NY: Houghton Mifflin Company, 2002. P. 162. URL: http://www.reflexionesmarginales.com/biblioteca/15/Documentos/Jonathan_Safran_Foer:Everything_is_%20illuminated.pdf

¹⁴ Maugham S. Theatre. P. 26.

6) местоимение + глагол + определитель «такой / такая» с неопределенным артиклем + именная группа (*“You are such a sweet husband”*¹⁵);

7) личное местоимение + глагол + прилагательное в превосходной степени сравнения (*“You’re the most marvelous man that ever existed!”*¹⁶).

8) личное местоимение / существительное + глагол + наречие + причастие (*“The modelling’s very well drawn”*¹⁷).

Комплименты, имеющие своей целью выразить *благодарность*, направлены на выражение чувства признательности за оказанное добро, внимание, помощь, поддержку. Такие речевые акты входят в категорию похвальных комплиментов и имеют ритуальный характер, так как являются составной частью этикета с целью достигнуть успеха в общении через выражение высокой оценки действий адресата. Следуя этикету, любое положительное действие, совершенное во благо адресата, может предусматривать благодарность с его стороны.

Комплименты с интенцией благодарности чаще всего строятся согласно модели «личное местоимение + глагол + прилагательное», употребляемой в 37% случаев выборки.

В основе данной структурной модели лежит фрейм «комплимент-благодарность». Структура данного фрейма соответствует структуре фрейма «комплимент-похвала». Однако в структуре *диктума* комплимента-благодарности чаще встречается вокатив *dear*. Адресант комплимента соотносится со слотом *агенса*, адресат – с *пациентом*, содержание комплимента-благодарности – с *диктумом*. Слот *внешняя причина* соотносится с клишированной формулой благодарности за проявление искренней заботы и внимания, что служит комплиментарному *действию* в виде признательности за услугу и вызывает *эффект* в виде уклонения, что снижает иллюкутивную силу комплимента.

В категорию похвальных комплиментов также входит комплимент с интенцией *уважения*. Комплименты с интенцией уважения преимущественно строятся согласно модели «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», употребляемой в 32% случаев выборки.

Таким образом, для комплиментов с прагматическими намерениями похвалы, благодарности и уважения характерно построение

¹⁵ Foer J.S. Everything is illuminated. NY: Houghton Mifflin Company, 2002. P. 123. URL: http://www.reflexionesmarginales.com/biblioteca/15/Documentos/Jonathan_Safran_Foer:Everything_is_%20illuminated.pdf

¹⁶ Christie A. Lord Edgware Dies. U.K.: FONTANA/Collins, 1954. P. 14.

¹⁷ Maugham S. Of human bondage. P. 458. URL: http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/of_human_bondage_nt.pdf

по следующим структурным моделям: «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», «личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой», «личное местоимение + глагол + прилагательное». В основе этих моделей лежит родовой фрейм «комплимент».

Обратимся к рассмотрению комплимента с интенцией лести. Наше исследование проводится в русле «коммуникативного и когнитивного маневрирования» [Демьянков 2023]. Льстивые комплименты преимущественно строятся согласно модели «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное», чаще в усеченной форме «наречие + прилагательное + существительное» или «наречие + прилагательное», зафиксированной в 30% случаев выборки.

В основе данной структурной языковой модели лежат фреймы «комплимент-лесть» и «манипуляция». Происходит взаимодействие между слотами этих фреймов: ядерный слот комплиментарного фрейма *агенса* соотносится с ядерным слотом манипулятивного фрейма *манипулятор*, *пациент* – с *жертвой*. Концептуальное проектирование происходит также между ядерными слотами *действие*, *диктум*, *эффект*, *результат* указанных фреймов и периферийными слотами *время*, *место*, *цель*, *средство*, *способ*, *степень*, соответственно. В случае выражения комплимента с намерением лести происходит эпистемический дефолт [Демьянков 2023], что приводит к манипулятивному воздействию на пациента.

Итак, рассмотрим примеры второй категории клишированных комплиментарных инфлюктивов с интенцией *лести*.

“– **A singularly good-looking man. *Il vous ressemble un peu*,**” he bowed in a complimentary fashion.

– Of course! I realized now why the butler’s face had struck me as being faintly familiar when I first saw it.

“– You flatter me,” said Bryan Martin with a laugh”¹⁸.

Взаимодействие между слотами и содержанием высказывания выглядит следующим образом: адресант комплимента – *манипулятор* соотносится со слотом *агенса*, адресат (Брайен) – с *пациентом* – *жертвой*, содержание комплимента-лести – с *диктумом*. Использование наречия “singularly” в значении “very much, particularly” в рамках диктума содержит явное преувеличение. Льстивый *эффект* усиливается высказыванием на французском языке: “*Il vous ressemble un peu*” («Он чем-то на Вас похож» или

¹⁸ Christie A. Lord Edgware Dies. P. 115.

«Он чем-то Вас напоминает»). Желание войти в доверие пациенту привело к льстивому комплиментарному *действию*. Неискренний характер комплимента не остался незамеченным Брайаном (*patient*), что, как *результат*, прослеживается в вербальной реакции ‘*You flatter me*’ и в невербальной реакции в виде смеха.

Для комплиментов с прагматическим намерением лести также весьма характерна повышенная эмоциональность, достигаемая за счет употребления различных средств художественной выразительности, что можно обосновать тем, что агент, прибегая к использованию таких средств, старается придать комплиментарным речам большую убедительность и достичь желаемых целей.

Рассмотрим следующий пример комплимента льстивого характера.

- ... I think **you’re a genius**
- It’s sweet of you to say so
- ... **You’ve got everything. You’re the right height, you’ve got a good figure, you’ve got an indiarubber face**
- Flattering, aren’t you?¹⁹

Многочисленные витиеватые комплименты формируют *диктум* и содержат параллельные конструкции с фразами “you’ve got” и “that’s”, повторы – анафору со словом “face” и повторы – анадиплосис со словами “voice” и “far”, имеющие своей целью подчеркнуть качества личности и придающие комплименту выразительность, что усиливает льстивый *эффект*. Желание извлечь выгоду от *агенса* (получить роль в театральной постановке) привело к льстивому комплиментарному *действию*. Льстивые комплименты в *результате* первоначально были восприняты как похвала: “*It’s sweet of you to say so*”, но, по мере их увеличения, возникли подозрения, что это лесть, о чем свидетельствует вербальная реакция: “*Flattering, aren’t you?*”.

Из этого следует, что две основные категории комплиментов (комплимент-похвала и комплимент-лесть) принадлежат к полярным областям концептуального континуума. Комплимент-лесть способен вызывать двойственные чувства у *пациенса*: положительную реакцию принятия, если *пациент* поддается манипулятивному воздействию, и отрицательную реакцию, если *пациент* распознает неискренние намерения *агенса*.

Заслуживает внимания тот факт, что в перлокутивном отношении реакция на комплимент может выражать определенную степень недоверия адресанту, которая лингвистически оформлена клишированной

¹⁹ Maugham S. Theatre.

фразой *backhanded compliment* в вопросительной / восклицательной конструкции со значением «непонятный и означающий противоположное тому, что означает»²⁰, например:

- a) – *You look like a film star!*
– **Back-handed compliment?**” (British National Corpus).
- b) – *You must be a deceptively good listener.*
– That sounds a **back-handed compliment!**” (British National Corpus).

Лексически для комплиментов также характерно употребление обращений *'honey', 'baby', 'sweetie', 'doll', 'cutie'* (например, “**Honey, as long as you know how to make a man as happy as you making me, you don't need to know nothing else**”²¹), которые, будучи частотными вокативами, претерпевают десемантизацию и представляют клише в чистом виде.

Как отмечалось выше, манипулятивный эффект успешно достигается в силу повышенной эмоциональности льстивого комплимента. В этом случае эмоциональные фильтры реципиента доминируют над рациональными, что ведет к когнитивным ошибкам. Когнитивные ошибки, основанные на когнитивных иллюзиях, предотвратить сложно, так как, поддаваясь когнитивным иллюзиям, человек получает удовольствие от того, что он слышит. Он доверяет своим предчувствиям и, пребывая в хорошем настроении, оценивает ситуацию как комфортную, рассуждая поверхностно. Так рождается эффект когнитивной легкости [Канеман 2016, с. 60]. Так как комплимент по природе имеет преимущественно положительную коннотацию, направлен на установление контакта между людьми и порождение положительных эмоций, у реципиента снижается бдительность, а приподнятое настроение от полученного комплимента создает иллюзию отсутствия угрозы, что влечет когнитивную ошибку поспешного вывода. В результате это является причиной искаженного восприятия реальной ситуации. В данном случае фрейм «комплимент» взаимодействует с фреймом «комфорт», а также с фреймом «доверие». Кроме того, агент в ходе манипуляции постоянно держит пациента под контролем, то есть происходит взаимодействие с фреймом «контроль» [Заботкина 2023, с. 43–47].

Человек склонен преувеличивать последовательность и когерентность увиденного или сказанного. В целом это приводит

²⁰ Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/backhanded>

²¹ Baldwin J. Another country // BookReader. P. 10. URL: <http://bookreader/?file=1379724>

к тому, что создается упрощенная картина реальности. Человек предпочитает уверенность сомнениям и преимущественно верит льстивым комплиментам, поддаваясь манипулятивному воздействию. Особенно если эти комплименты сопровождаются частыми повторами, ведь частые повторы – это надежный способ заставить людей поверить неправде [Канеман 2016, с. 121].

В результате проведенного анализа мы доказали, что комплимент по своей прагматической природе представляет собой клишированный экспрессивный инфлюктивный речевой акт с установкой на достижение определенного прагматического эффекта (с интенцией похвалы или лести). Нами были выделены основные клишированные синтаксические модели, характерные для двух типов комплиментов.

В основе указанных выше структур лежит конфигурация фреймов, между фреймами происходит динамическое когнитивное взаимодействие, основывающееся на концептуальном проецировании между входящими в них слотами.

Благодарности

Публикация статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-18-00594.

Acknowledgements

Publication of the article is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00594.

Литература

- Демьянков 2023 – Демьянков В.З. Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 36–40.
- Заботкина 2023 – Заботкина В.И. Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиа-дискурсе // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 43–47.
- Канеман 2016 – Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016. 653 с.
- Телия 1991 – Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 14–56.
- Searle 1965 – Searle J.R. What is a Speech Act? // Philosophy in America / Ed. by M. Black. London: Alien and Unwin, 1965. P. 221–239.
- Vanderveken 1988 – Vanderveken D. Les actes de discours: Essai de philosophic du langage et de l'esprit sur la signification des enonciations. Bruxelles: Mardaga, 1988. 226 p.

References

- Dem'yankov, V.Z. (2023), "Communicative and cognitive maneuvering", *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], Izdatel'skii dom "Derzhavinskii", Tambov, Russia, pp. 36–40.
- Kahneman, D. (2016), *Dumai medlenno... reshai bystro* [Think slow... decide quickly], AST, Moscow, Russia.
- Searle, J.R. (1965), "What is a Speech Act?", Black, M. (ed.), *Philosophy in America*, Alien and Unwin, London, UK, pp. 221–239.
- Teliya, V.N. (1991), "Expression as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation", *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in language. Language mechanisms of expression], Nauka, Moscow, Russia, pp. 14–56.
- Vanderveken, D. (1988), *Les actes de discours: Essai de philosophic du langage et de l'esprit sur la signification des enonciations*, Mardaga, Bruxelles, Belgium.
- Zabotkina, V.I. (2023), "Cognitive mechanisms of manipulative influence in media discourse", *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], Izdatel'skii dom "Derzhavinskii", Tambov, Russia, pp. 43–47.

Информация об авторах

Вера И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zabotkina@rggu.ru

Наталья А. Куракина, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14; NaPetrusevich1@kantiana.ru

Information about the authors

Vera I. Zabolkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zabotkina@rggu.ru

Natalia A. Kurakina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevskogo Street, Kaliningrad, Russia, 236041; NaPetrusevich1@kantiana.ru

УДК 81'27:004.7

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности

Наталья Г. Брагина

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Россия, Москва, natasha_bragina@mail.ru*

Елизавета В. Васютина

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Россия, Москва, lizavass18@yandex.ru*

Аннотация. Центральной проблемой статьи является языковое оформление современного речевого акта извинения в русской лингвокультуре. Нами проанализированы наиболее частотные клише извинения, среди которых встречаются как конвенциональные и привычные императивные, так и заимствованные. В статье также рассматривается специфика речевого жанра извинения и его популярная в последние годы реализация – видеоизвинения. Извинения на камеру возникают как один из жанров современной сетевой публичности. Они ритуализованы: в публичном извинении присутствуют устойчиво повторяющиеся речевые клише, монолог или диалог строятся по определенной схеме. Речевые клише становятся атрибутом извинения в силу стандартизации самого речевого акта, а также могут выбираться «автоматически» как готовое и самое подходящее языковое средство. В работе проанализированы два видеоизвинения: диалогическое и монологическое, – выявлены их отличительные черты.

Ключевые слова: речевой акт извинения, речевой жанр извинения, клише извинения, публичные извинения, сетевая публичность, видеоизвинения.

Для цитирования: Брагина Н.Г., Васютина Е.В. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 42–55. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Apology speech act in the context of modern online publicity

Natalia G. Bragina

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia, natasha_bragina@mail.ru*

Elizaveta V. Vasyutina

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia, lizavass18@yandex.ru*

Abstract. The main focus of the article is the verbal formulation of the modern speech act of apology in the Russian linguaculture. We analyzed the most frequent apology clichés, among which there are both conventional and customary imperative and borrowed. The article also considers the specifics of the speech genre of apology and its popular in recent years implementation of the video apology. On-camera apologizing arises as one of the genres of modern online publicity. They are ritualized: in public apologies there are persistent repetitive speech clichés, monologues or dialogues are built according to a certain pattern. Speech clichés become an attribute of apologies due to the standardization of the speech act itself, and can be chosen «automatically» as the ready and most suitable language. We analyzed two video apologies: dialogical and monological, and their distinctive features.

Keywords: apology speech act, apology speech genre, apology cliché, public apology, online publicity, video apology

For citation: Bragina, N.G. and Vasyutina, E.V. (2024), "Apology speech act in the context of modern online publicity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 42–55, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Вступление

«Человек говорящий» и продукция его речи оказываются в центре современных лингвистических исследований, поэтому интересны исследования особенностей высказываний в конкретных коммуникативных ситуациях. Теория речевых актов, к которым мы обращаемся в настоящей статье, отвечает на данный научный интерес и изучает непосредственные механизмы передачи интенций от говорящего к слушающему в процессе коммуникации. При этом социокультурная значимость самих речевых актов может меняться под влиянием экстралингвистических условий. Ярким примером

таких изменений может служить речевой акт извинения, который приобретает новые формы, появляется новый жанр – извинения на камеру, или видеоизвинения, которые становятся в последнее время популярными и частотными. Видеоизвинения – это записанные на видео, публично предъявляемые и воспроизводимые, а иногда и тиражируемые в социальных сетях извинения. Они возникают как отдельный жанр современной сетевой публичности.

Видеоизвинения известных людей создают инфоповод, они обсуждаются в новостях, их комментируют в чатах социальных сетей. Их появление и популярность во многом обусловлена общими социокультурными процессами: развитием социальных сетей, серьезным образом изменивших сферу приватности. Видеоизвинения, с одной стороны, наследуют традиции публичного покаяния, публичного раскаяния, а с другой стороны, – являются следствием развития массмедийных связей, по сути дела поглощающих зону приватного, в которую традиционно включались личные дневники, диагнозы болезней, интимные отношения, непубличные извинения и многое другое. Такое поглощение в целом служит развитию сетевой публичности, которая, будучи массмедийным продуктом, основывается на стандартизации моделей речевого поведения. Речевой акт извинения, в частности, также подвергается стандартизации. Появляются, например, шуточные видео: как надо извиняться перед девушкой; как нужно добиваться извинения у девушки и, конечно, видео с извинениями известных людей.

Стандартизованные модели речевого поведения обеспечивают стандартизованными языковыми средствами – набором существующих речевых клише. Под речевыми клише понимаются одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций [Брагина 2023, с. 10].

Рассмотрим некоторые речевые клише, оформляющие извинение и являющиеся наиболее частотными в современной русской речевой коммуникации.

Русские речевые клише извинения: особенности функционирования

Вслед за классическими работами Дж. Серля мы рассматриваем извинение в качестве экспрессивного речевого акта с понятной иллокутивной целью: «выразить названное в условиях искренности состояние, связанное с обозначенным в пропозициональном

содержании положением вещей» [Searle 1982, p. 34]. Логично предполагать, что экспрессивный компонент данного речевого акта связан с сопровождающим чувством сожаления и раскаяния. Кроме того, из определения Серля следует, что извиняющийся должен искренне сожалеть о совершенном поступке. Если же компонент искренности отсутствует, речевой акт извинения превращается в буквальную противоположность, сарказм. Однако в более современных исследованиях высказываются точки зрения о полиинтенциональной, или «гибридной» иллокутивной природе речевого акта. Так, Р. Ратмайр считает, что извинение призвано «изменить сложившееся положение обиды посредством извинения, выраженного вербально» [Ратмайр 2018, с. 237], а Н.А. Трофимова предполагает, что оно интегрирует несколько интенций, включая директивную [Трофимова 2008]. Действительно, часто полноценное извинение предполагает еще некоторое количество коммуникативных намерений, к которым относятся оправдание, объяснение своего проступка, признание собственной вины, выражение обеспокоенности и так далее.

Стоит отметить, что вслед за Р. Ратмайр мы разграничиваем понятия «извинение-вежливость» и «извинение по существу». Первая группа вежливых извинений ситуативна и обусловлена социальным контекстом. Говорящий в данном случае извиняется за невежливый проступок (или который может быть потенциально расценен как невежливый) и стремится избежать социального неодобрения. Чаще всего вербальные реализации в таком случае будут наиболее стилистически нейтральными и дистанцированными (например, в русском языке – вежливая форма «Извините» второго лица множественного числа). «Извинения по существу» представляют из себя более развернутый речевой акт, который реализуется в ситуациях причинения серьезного материального или морального ущерба. Наиболее частотной формулой извинения-вежливости в русском языке являются конструкции «Извини(те) / Прости(те)», что подтверждают данные НКРЯ. Осуществляя поиск точных форм, мы получили следующие данные:

- словоформа «прости» встречается 10929 раз, «простите» – 12 592 раза;
- словоформа «извини» встречается 4061 раз, «извините» – 12 047 раз;
- сочетание «мне жаль», взятое для сопоставления частотности, встречается 1290 раз;
- перформативная формула «прошу прощения», взятая для сопоставления частотности, встречается 870 раз.

Отметим также, что в ситуациях покаяния, раскаяния, в обращениях к Богу, в молитвах возможно только «прости(те)»,

а не «извини(те)», ср.: *Простите меня, люди добрые! Господи, прости!* <...> *прости, Боже, преступления наша вольные и невольные* <...>. Это показывает, что в паре «извини(те)» – «прости(те)» первое имеет более этикетный, светский характер в сравнении со вторым.

В русской разговорной речи, особенно в речи молодежи и интернет-коммуникации, частотны также заимствованные / производные от заимствованных речевые клише «сорри» и «сорян». Их можно найти в Национальном корпусе русского языка, преимущественно в онлайн-статьях или материалах СМИ (лексема «сорри» встречается 161 раз) [Савчук и др. 2024]. В социальных сетях встречаются также варианты «сорюшки», «сорьки». Таким образом, можно отметить суффиксальный способ образования новых вариантов заимствованного слова и их последовательную русификацию.

В ситуации дружеского общения такие заимствованные формулы могут полностью замещать стилистически нейтральные формулы извинения-вежливости. Это объясняется, конечно, функционированием заимствований в современном русском языке (англицизмов, в частности). Они очень емкие и точные, а при дружеском и неформальном общении звучат менее официально, чем стандартные формулы «Прости/Извини», «Мне жаль» и др. Кроме того, заимствованные единицы не содержат коннотаций, свойственных русским речевым клише. То есть речевой акт извинения, начинающийся, например, со слова «Сорян» вряд ли предполагает интенцию покаяния, раскаяния, искреннего сожаления и так далее. Это, в частности, отмечают и интернет-пользователи, ср.:

- (1) Сначала люди, которым нужно извиниться, но трудно сказать «прости», замаскировали его под sorry. Но и этого оказалось мало. Тяжелое эго и скрываемое чувство вины превратили слово в сорян (А. Кудрявцев).
- (2) У соряна ещё есть пренебрежительный оттенок. Т. е. если «извините» – это когда человек реально смущён своим косяком, обычное sorry – для каких-то мелких ситуаций, то сорян – это когда человек сделал другому не очень хорошо, но либо не считает себя виноватым, либо ему наплевать на чувства другого, однако по этикету полагается извиниться. «Да, у меня есть любовник, и я к нему ухожу, сорян» (Л. Булгаков)¹.

В русском языке наиболее употребительными в речевом акте извинения остаются императивные клише, хотя существуют и другие

¹ Примеры взяты с сайта сайта: <https://yandex.ru/q/> «Откуда взялось слово “сорян”? Орфография и пунктуация сохранены.

формы: «Мне жаль», «(Это) моя вина», «Виноват(а)», более старое заимствование «Пардон» и др.

Отметим, что использование императивных клише в речевом акте извинения типично для русского языка, хотя употребление императивных конструкций не является универсальной формой извинения. Например, в арабском языке наиболее частотна именная конструкция «أنا أسف».

Как отмечалось выше, в современном русском языке наблюдается также тенденция к использованию заимствований из английского (американского) языка. Они встречаются прежде всего в речевой коммуникации молодежи. Англицизмы присутствуют во многих современных языках, однако, степень их популярности различается. В арабском языке, например, совсем не отмечено актуальных речевых клише извинения, заимствованных из английского языка. В разговорном языке молодежи одной из самых частотных формул остается сокращенная «أسف», представляющая собой прилагательное. Вероятно, заимствование от английского «Sorry» неактуально для арабского языка, так как уже существует именная формула «أنا أسف», которая является самой частотной.

Речевой жанр видеоизвинения как разновидность сетевой публичности

Структура речевого акта извинения может расширяться до речевого жанра извинения и включать следующие элементы, соотносимые с социальной функцией извинения: иллокутивный акт (собственно извинение и выражение сожаления); пояснение или объяснение (объяснение причин или обстоятельств, приведших к совершению неправильного действия); признание вины (признание своей ответственности за произошедшее) и обещание исправиться (выражение намерения не повторять совершенную ошибку и изменить свое поведение). Под речевым жанром часто понимают совокупность нескольких речевых актов, которые объединены одной иллокутивной целью, а среди признаков называют целостность, экспрессию и воспроизводимую жанровую форму [Стексова 2023]. Следуя за этим определением, мы предполагаем, что современные видеоизвинения, набирающие популярность в русской лингво- и медиакультуре, становятся ярким примером формирования особого речевого жанра.

Видеоизвинения являются публичными извинениями, которые в свою очередь имеют ряд функциональных особенностей. Их можно рассматривать как один из жанров современной сетевой публичности.

Наиболее частыми причинами публичного извинения становятся такие коммуникативные феномены, как клевета, распространение слухов и диффамация. Помимо этого, в настоящее время публичные извинения приносят за поступки, не соответствующие моральным представлениям какой-либо социальной группы (например, принесение публичных извинений за грубое отношение или эксцентричное действие). Многие исследователи, в том числе и социологи, считают, что массовое распространение практики извинений на камеру обусловлено «формированием дискурса новой чувствительности», где одними из главных ценностей становятся чувства, эмоции и личные границы индивида. Среди этих чувств особо выделяются обида и уязвимость [Кошкарлова 2021, с. 55].

Собственно, видеоизвинения не так сильно отличаются от публичных извинений в своем прямом значении. Выделим их основные характеристики:

1) *нацеленность на аудиторию*. Принося публичное извинение, говорящий обращается к целому коллективу людей или обществу, которое осуждает (осудило) его слова или проступок. Такие извинения основываются на бинарной оппозиции «свой – чужие». Их причиной как раз служит диссимилиация провинившегося с какой-либо социальной группой и последующее обвинение с ее стороны. Заметим, что именно поэтому так часто в публичных извинениях применяется тактика сближения с аудиторией. В основе этой тактики лежит интенция продемонстрировать, что провинившийся – «свой» человек, не отрекающийся от социальной группы, понимающий неодобрение в свою сторону и признающий действующие порядки и нормы;

2) *ответная реакция аудитории*. И в случае традиционного извинения на публику, и в случае видеоизвинения говорящий может получить мгновенную (или практически мгновенную) ответную реакцию. В случае извинения на камеру это, конечно, комментарии под постом с видео или набирающий популярность жанр видеореакций, в которых автор говорит, верит ли он просмотренным извинениям.

3) *принудительность/добровольность*. Публичные извинения всегда являются вынужденными, поскольку говорящему надо исправить последствия произошедшего. Но они могут представлять собой монолог или речь, записанные добровольно, или же «покаяние на камеру» в более грубой форме. Такие извинения часто представляют собой записанные кем-то извинения, во время которых говорящий ведет диалог с неизвестным за камерой, отвечает на его вопросы и обвинения.

С лингвистической точки зрения публичные извинения – это яркий пример жанра покаяния. Действительно, в речи извиняющего часто эксплицированы моральные ценности, например сожаление («Я сожалею о содеянном»), почитание авторитетов («[Авторитетное лицо] был прав, когда обвинил меня...»), ассимиляция с группой («Я хочу доказать, что я достойный гражданин»). В аксиологическом пространстве «покаянных речей» также можно встретить и указание на антиценности: заблуждение, ослушивание, нарушение установленных норм. Стоит отметить, что исконно религиозный жанр покаяния, основными компонентами которого являются самобичевание и самоуничижение, претерпевает культурные изменения в XX в., когда публичные речи политизируются. Авторитеты сдвигаются из духовной сферы в политическую, концептуальным ядром данного речевого жанра становится предательство государства, идеологии, общественных моральных устоев.

Публичные извинения часто начинаются с ретроспективного взгляда на поступок говорящего. Его действия описываются как «безответственные», «эгоистичные», «глупые», «неправильные». Оценка направлена на прошедшие действия, и часто говорящим подчеркивается дистанция между его поступком в прошлом и эмоциями по поводу произошедшего в настоящем времени. Признание проступка или нарушения обязательны для публичного извинения. Далее говорящий может описать текущее состояние, акцентируя внимание на чувствах «стыда», «смущения», «сожаления» и «разочарования». Завершает хорошо продуманное публичное извинение «взгляд в будущее» – обещание не повторять совершенную ошибку.

Говоря о языковом выражении публичных извинений, которые часто являются подготовленным письменным извинением (речью), стоит отметить, что они воспроизводят несколько искусственный язык. Это объясняется их формальным характером и осторожностью говорящего. Принося публичное извинение, говорящий стремится сгладить острый конфликт, избежать нежелательных последствий и минимизировать отрицательную реакцию большого количества людей. Именно направленность на аудиторию может быть решающим фактором в выборе тактики публичного извинения. В таком случае нет одного слушающего, с которым можно установить личные отношения, опираясь на контекст взаимодействия, поэтому в публичных извинениях часто используются общепринятые речевые клише.

Другая важная черта публичного извинения – интенция принятия ответственности за совершенные действия. Человек признает свою причастность к какому-либо проступку или происшествию, которое вызывало отрицательную реакцию общественности. Акт публичного извинения может быть продолжен актом возмещения.

Публичные извинения – это такие события, которые требуют продуманной подготовки. Многие цели определяют их структуру и форму. В их числе – цель речевого акта, а также подходящие речевые тактики и их регулярные вербальные реализации. Под ними мы понимаем речевые клише, «нейтральное понятие, имеющее информативно-необходимый характер и относящееся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [Кошкарлова 2020, с. 220].

Как мы упомянули выше, публичные извинения часто формальны и ритуальны, поэтому для них часто используются одни и те же языковые средства, стереотипные языковые единицы. Мы постараемся проанализировать то, как некоторые речевые клише функционируют в набирающем популярность жанре видеоизвинения.

Речевые клише небезосновательно постоянно воспроизводятся в одних и тех же коммуникативных ситуациях. Они удобны, готовы к употреблению, соответственно, человеку говорящему не нужно прилагать усилия для поиска другой вербальной формулы. Кроме того, речевые клише отмечены в коллективном сознании носителей языка как подходящие для той или иной ситуации. Поэтому, хоть речевые штампы действительно «шаблонны и стереотипны»², как их характеризуют исследователи, их использование позволяет добиться нужного отклика в силу установившейся уместности.

Причин употребления штампов в речевом акте извинения несколько. Во-первых, это может быть желание затратить минимум усилий для успешной коммуникации. Во-вторых, речевые клише и штампы часто достаточно функциональны. Они экономичны и не предполагают словотворчества, а также традиционно повторяемы. Стоит отметить, что речевые клише в разговорной речи отражают тематическую и ситуационную специфику, поэтому часто «приходятся кстати» [Давкуш, Колосова 2022]. Они автоматизируют процесс воспроизведения и облегчают процесс восприятия информации.

Некоторые ученые разделяют понятия речевого клише и речевого штампа и отмечают, что использование штампов часто немотивировано, стилистически необоснованно и чрезмерно. Кроме того, штамп – единица со стертой экспрессивностью, поэтому часто признается недостатком речи, который используется вследствие отсутствия воображения. Штампы могут представлять собой плеоназмы, а также языковые единицы, несоответствующие стилистической норме. Вместе с тем дифференциация данных понятий применительно к разговорному стилю речи не такая четкая.

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. С. 197.

Описаны многие дискурсивные штампы как явление отрицательное (юридические штампы, педагогические штампы, штампы в академической речи).

Таким образом, при стилистическом подходе речевые клише и речевые штампы различаются. Мы рассматриваем речевые штампы как разновидность речевых клише со стертой экспрессивностью, используемые говорящим часто принудительно в силу писаных или неписаных правил («так надо») и воспринимаемых слушающим как нечто скучное, банальное, но при этом функционально соответствующее определенному типу дискурса. Речевые штампы могут служить маркерами определенного типа дискурса. Они часто, хотя и необязательно, имеют отношение к канцеляриту. Для речевого акта извинения, например, высказывание: «Это / такое (больше) не повторится», – может рассматриваться как речевой штамп.

Важно понимать, что коммуниктивная цель видеоизвинения направлена на убеждение большого количества людей в невиновности, демонстрацию публичного раскаяния. Стереотипные выражения, называемые ситуационные клише, воспроизводятся механически в определенной речевой ситуации. Можно сказать, они даже обязательны, ведь часто становятся атрибутами определенной интенции.

Публичные видеоизвинения в жанре монолога и диалога

Анализ видеоматериала позволяет предположить, что жанр видеоизвинения в значительной степени ритуализован. Вероятно, использование речевых клише в разных роликах такого типа связано как раз с увеличением частотности и стандартизацией этих роликов. В национальном сознании у аудитории, таким образом, формируется определенный канон публичного извинения.

Жанр публичного видеоизвинения может быть представлен в форме монолога, когда превращается в высказывание или даже исповедь одного человека, или же в форме диалога особого типа, когда собеседник будто «подталкивает» извиняющегося к выбору нужных формулировок. Чаще всего ситуация второго типа предполагает принудительное или вынужденное извинение. В таком случае мы наблюдаем за несколько карикатурным повторением, когда «голос за кадром» задает вопросы и получает четкие ответы. Рассмотрим несколько случаев.

Глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина опубликовала в своем Telegram-канале видеоизвинение певца Шарлота. Ранее он сжег свой гражданский паспорт, записав само действие

на видео. Сотрудники Центра по противодействию экстремизму задержали певца в аэропорту Пулково и провели с ним беседу, инициирующую принудительное принесение Шарлотом извинений. Рассмотрим фрагмент беседы:

- По какой причине доставлен сюда, понимаешь?
- Да.
- Назови.
- Осечка в понимании происходящего.
- Что ты сделал?
- Я сжег паспорт.
- Какой паспорт?
- Российской Федерации.
- Зачем ты это сделал?
- Потому что был ошибочно помешан на ложной информации.
- Ты раскаиваешься в содеянном?
- Да. Простите.
- Что-то еще, может, хочешь добавить?
- Я больше так не буду (Екатерина Мизулина. Телеграм-канал. 22.11.2023).

Мы видим, что и Шарлот, и, вероятно, сотрудник, ведущий с ним диалог, используют речевые штампы, характерные для речевого акта извинения («раскаиваться в содеянном», «я большое так не буду»). Ситуация волнения и напряженности побуждает говорящих к выбору наиболее привычных формулировок. Кроме того, штамп «Я больше так не буду» свидетельствует о не совсем искреннем раскаянии, поскольку такие устоявшиеся формулы не предполагают глубокой рефлексии. Кроме того, эта фраза более типична для ребенка, уличенного в провинности, что не вполне подходит взрослому человеку. Судя по реакции в Телеграмм-канале, речевой штамп вызывает отрицательный отклик у аудитории. Это подтверждает наши слова о том, что стандартизированные вербальные выражения не способствуют эффективному коммуникативному акту.

Другой тип видеоизвинения, в форме монолога, проанализируем на примере видеообращения блогера Насти Ивлеевой по поводу проведения вечеринки, которая многим показалась неуместной и вызвала отрицательную реакцию у властей. В своем извинении на камеру Настя Ивлеева также использует речевые штампы: *«прошу дать мне второй шанс», «это крик души», «жаль от всего сердца»* (Анастасия Ивлеева. Телеграм-канал. 24.12.2023). Вероятно, их наличие призвано облегчить процесс коммуникации и добиться расположения аудитории через понятные, привычные речевые

клише. В видео блогер также применяет некоторые речевые тактики, направленные на достижение сочувствия у публики. Во-первых, общение интимизируется: блогер напоминает зрителям о «той старой Настюшке», которую любит и помнит аудитория. Во-вторых, происходит солидаризация с целевой аудиторией: «Я понимаю вашу злость, вашу агрессию – это неприемлемо». Кроме того, в речи присутствуют клише: «Я приношу свои глубочайшие извинения» (Анастасия Ивлеева. Телеграм-канал. 24.12.2023).

Заключение

В статье мы проанализировали некоторые особенности функционирования речевых клише, используемых в речевом акте извинения. Особое внимание было уделено возникновению в рунете видеоизвинений – особого жанра современной сетевой публичности. В будущем предстоит определить, отражает ли появление и развитие этого жанра общие процессы, происходящие в разных сетевых лингвокультурах, либо это специфично именно для русской сетевой лингвокультуры.

Благодарности

Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Acknowledgements

The reported study is funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Телеграм-канал Анастасии Ивлеевой. URL: <https://t.me/ivleeva360>

Телеграм-канал Екатерины Мизулиной. URL: https://t.me/ekaterina_mizulina

Литература

Брагина 2023 – Брагина Н.Г. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 5 (300). С. 10–15. DOI 10.37632/PI.2023.300.5.001. EDN FEYTMV.

- Давкуш, Колосова 2022 – Давкуш Н.В., Колосова Н.Н. Речевые клише и штампы в профессиональной педагогической речи // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-klishe-i-shtampy-v-professionalnoy-pedagogicheskoy-rechi> (дата обращения: 10 июня 2024).
- Кошкарлова 2021 – Кошкарлова Н.Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. №2 (46). С. 53–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-harakteristi> (дата обращения 27 мая 2024).
- Кошкарлова 2020 – Кошкарлова Н.Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–221.
- Савчук и др. 2024 – Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кунецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
- Ратмайр 2018 – Ратмайр Р. Вежливость в русской и австрийской культурах: Мифы и реальность // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 234–245.
- Стексова 2023 – Стексова Т.И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 219–228. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228> (дата обращения 11 июня 2024). EDN: JETSCX.
- Трофимова 2008 – Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе: Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
- Searle 1982 – Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 248 p.

References

- Bragina, N.G. (2023), "Speech cliches: aspects of linguistic study", Russian language abroad, no. 5 (300), pp. 10–15, DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001. EDN FEYTMV
- Davkush, N.V. and Kolosova, N.N. «Speech cliché and stamps in professional pedagogical speech», *Issues of modern pedagogical education*, no. 74 (2), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-klishe-i-shtampy-v-professionalnoy-pedagogicheskoy-rech> (Accessed 10 June 2024).
- Koshkarova, N.N. (2020), "Public apology: yesterday, today, tomorrow", Speech genres, no. 3 (27), pp. 214–221.
- Koshkarova, N.N. (2021), "Axiological characteristics of new sensibility discourse. How language reflects the reality", Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, no. 2 (46), pp. 53–68, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-harakteristi> (Accessed 27 May 2024).

- Rathmayr, R. (2018), "Politeness in Russian and Austrian Culture. Myths and Reality", Sharonov, I.A. (ed.), *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii, Materialy Mezhdunar. nauch. konf., sostoyavsheisya v Institute lingvistik RGGU 23–24. oktyabrya 2018 g* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication, Proceedings of International Scientific Conference, The Institute of Linguistics in Russian State University for the Humanities], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 234–245.
- Savchuk, S.O., Arkhangelskiy, T.A., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N., Lyashevskaya, O.N., Orekhov B.V. and Podryadchikova, M.V. (2024), "Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 7–34, DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
- Searle, J.R. (1982), *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Steksova, T.I. (2023), "Speech genres of negative reaction", *Speech Genres*, vol. 18, no. 3 (39), pp. 219–228, DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228, EDN: JETSK.
- Trofimova, N.A. (2008), *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom disкурсе: Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz: Monografiya* [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis. A monograph], Izd-vo VVM, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Наталья Г. Брагина, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; natasha_bragina@mail.ru

Елизавета В. Васютина, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; lizavass18@yandex.ru

Information about the authors

Natalia G. Bragina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485, ; natasha_bragina@mail.ru

Elizaveta V. Vasyutina, postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485; lizavass18@yandex.ru

Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога

Анна В. Занадворова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия, annazann@gmail.com

Григорий Е. Крейдлин
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gekr@iitp.ru

Елена Я. Шмелева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия, eshkind@mail.ru

Аннотация. Прежде чем строить словарь русских параязыковых единиц, необходимо изучить их поведение в монологе и диалоге. Основное внимание в работе уделяется поведению этих единиц в диалоге. Показано, что такие единицы могут встретиться как в инициальных, так и в ответных репликах диалога. Из трех основных категорий параязыковых единиц в работе рассматриваются две. Это одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означаться, или приобретать значение. Кроме того, рассматриваются отдельные лингвокультурологические эмоциональные комплексы и некоторые инструментальные звуки, которые сопровождают те или иные действия, часто вместе с языковыми обозначениями таких действий.

Параязыковые единицы в диалогах выполняют, по меньшей мере, две функции: они служат для сообщения информации, а также являются средством поддержания диалога, то есть маркером фатического общения. Описывается поведение параязыковых единиц в диалогах разных типов, рассматриваются семантика и функциональное назначение этих единиц в инициальных и ответных репликах. В работе ставятся некоторые важные теоретические и практические задачи, связанные с параязыковыми единицами русского языка. Утверждается, что без решения этих задач трудно построить хороший словарь русских параязыковых единиц.

Ключевые слова: параязыковые единицы, их виды и функции, семантика, многозначность, русский язык, диалог

Для цитирования: Занадворова А.В., Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 56–70. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-56-70

Paralanguage units in initial and response dialogue replicas

Anna V. Znadvorova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, annazann@gmail.com*

Grigory E. Kreidlin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gekr@iitp.ru*

Elena Ya. Shmeleva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, eshkind@mail.ru*

Abstract. In compiling a dictionary of paralinguistic units, it is important to study the behavior of those units in a dialogue. The main focus of the paper is exactly on that behavior. The article demonstrates that Russian paralinguistic units are used in initial and response dialogue replicas. Of the three main categories of paralinguistic units the work considers two. They are single sounds or sequences of sounds that do not belong to the natural language but which in a specific act of communication can acquire meaning. Besides, authors consider linguocultural emotional complexes and some instrumental sounds that accompany certain actions, often together with their linguistic designations.

It is shown that paralinguistic replicas in a dialogue have two or more functions: they serve to convey information and are also a means of maintaining dialog, i.e. a marker of phatic communication. The article describes the behavior of many paralinguistic units in dialogues of various types, the semantics of those units as well as their functions in initial and response replicas. The paper sets some important theoretical and practical tasks related to paralinguistic units of the Russian language. It is argued that without solving those issues, it is difficult to build a good dictionary of Russian paralanguage units.

Keywords: paralinguistic units, their types and functions, semantics, polysemy, Russian, dialogue

For citation: Zanaadvorova, A.V., Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya. (2024), "Paralanguage units in initial and response dialogue replicas", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 56–70, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-56-70

Введение

Предметом настоящей статьи являются параязыковые единицы русского языка. Русские параязыковые единицы отличаются от параязыковых единиц других языков, ср.: «Одни и те же звуки окружающего мира по-разному изображаются в разных языках. Так, вода, льющаяся из бутылки, по-русски звучит **«буль-буль»**, англичанин слышит **«глаг-глаг»**, китаец – **«глоб-глоб»**, индонезиец – **«крук-крук»**, а испанцам тут кажутся три слога: **«тот-тот-то»**. Русские и польские ружья стреляют **«пиф-паф!»** либо **«бум!»**, французские – **«пан-пан!»**, а японские – **«бак-вум!»** («Наука и жизнь». 2008. № 4, см. также [Влахов, Флорин 1980]).

Сразу же отметим, что мы отделяем явления, относящиеся к параязыковым лексическим единицам, от связанных с ними явлений, касающихся близких, но не тождественных единиц обычного языка. Мы имеем в виду такие явления, как деление слова на слоги, различные коверкания слов, разные виды хезитаций и некоторые другие.

Из трех основных категорий параязыковых единиц мы остановимся на двух:

1) одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означиваться, или семиотизироваться, то есть приобретать значение. Примерами таких единиц являются последовательности *a-a-a!* (лексема русского параязыка, одно из значений которой 'торжество'), *o-o-o!* со значением 'удивления', а также различные сочетания параязыковой единицы с языковой, образующие своеобразные межкодовые фразеологизмы, ср. сочетание *A-a-a! Попался!* и др.

2) лингвокультурологические комплексы, такие как стон, смех, крик, плач, или комплексы так называемых инструментальных звуков (*вжжжж, вжжж, жжжжж*), то есть звуков, сопровождающих те или иные действия, возможно, вместе с их языковыми обозначениями. Отметим попутно, что звуки смеха, отображаемые на письме как *хи-хи-хи*, не такие же, как звуки смеха *ха-ха-ха* или *гы-гы-гы*. Точно так же крик человека, заблудившегося в лесу и зовущего «своего», не такой, как крик человека, находящегося в городе и зовущего

на помощь. Все перечисленные различия между параязыковыми элементами являются смысловыми.

Третью категорию параязыковых единиц – *фонации*¹ – мы здесь рассматривать не будем. Скажем только, что под фонациями понимаются изменения звучания традиционных звуков речи или отдельных звуков параязыка, возникающие вследствие изменений разных параметров речи или мелодики интоном, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов (см. [Крейдлин 2002]).

Некоторые параязыковые единицы были рассмотрены в работах И.А. Шаронова как разновидность междометий, см., в частности, его книгу «Междометия в речи и языке» [Шаронов 2008] и последующие за ней статьи [Шаронов 2009; Шаронов 2023] и др. Кроме того, ряд параязыковых единиц описан в «Толковом словаре русской разговорной речи»². Отдельные параязыковые единицы встречаются и в других толковых словарях русского языка, см., например, МАС, БТС³ и др. Отметим также, что отдельным классам параязыковых единиц посвящены специальные монографические исследования. Например, звукоподражательные единицы русского языка были проанализированы в монографии С.С. Шляховой «Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику» [Шляхова 2003] и в кандидатской диссертации О. Канерва «Русские звукоподражательные глагольные междометия в свете экспериментальных и корпусных данных» [Канерва 2023].

Обсуждаемый материал и ограничения материала

Материал нашей статьи составили диалоги, представляющие собой письменную фиксацию устной речи, а также диалоги, взятые из художественной литературы и из НКРЯ⁴. Во всех этих текстах параязыковые единицы встречаются либо в качестве инициальной, либо ответной реплики. Параязыковые реплики рассматриваются нами как самостоятельные, то есть употребленные вне контекста

¹ Термин *фонация*, по-видимому, был впервые введен в широкий обиход С.В. Кодзасовым, см., например [Кодзасов 2000].

² Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–4. Вып. 5. М.; СПб: ЯСК: Нестор-История, 2014–2022.

³ Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (гл. ред.). СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

⁴ В приводимых нами примерах используются разные графические записи, поскольку они принадлежат как устной, так и письменной речи.

вербальных единиц (например, мы не анализируем здесь фразы типа *В ответ я услышал «ха-ха-ха»*).

Общим свойством параязыковых единиц является то, что они относятся не к пропозициональным единицам, а принадлежат к так называемым *сигналятивам* (*signalatives*)⁵. Сигналятивы разбиваются на несколько классов, один из которых составляют лексические единицы. К ним, помимо междометий и звукоподражаний, принадлежат также парентетические наречия, такие как *к сожалению, конечно, как мне кажется*, наречия-коннекторы типа *фактически, например*, риторические союзы, такие как *хотя* и *поскольку*, и некоторые другие группы единиц. Все лексические сигналятивы не вводят в предложения или словосочетания логические пропозиции, а являются сигналами эмоций человека или сигналами элементов его мыслительной деятельности.

Важным синтаксическим свойством многих параязыковых единиц является их употребление в диалоге. Это не случайно, поскольку оно связано с принципом экономии усилий при речевом или ином знаковом взаимодействии людей. Действительно, параязыковая реплика в общем случае требует меньше усилий от говорящего, чем полнозначная языковая единица.

Параязыковые реплики в диалоге выполняют, по меньшей мере, две функции: они служат средством сообщения информации, см. пример (1), а также являются средством поддержания разговора, то есть маркером фатического общения, см. пример (2).

- (1) Тебя завтра утром **пиф-паф**, – доверительно сообщил Дамант (*В. Ерофеев*. Белый кастрированный кот с глазами красавицы).
- (2) А потом.../ это.../ я пришёл с армии.../ а-а-а/ значить/ в шийсят первом году / применили уже мехдойку // Сократили/ **м-м-м**/ где-то процентов шийсят..... сократили/ доярок //
– **М-м-м** //
– Ага // И я пришёл с армии в шийсят втором году/ не с кем было поздороваться //
(Беседа с семьей сельских пенсионеров. 2016).

Параязыковые единицы в диалогах разных типов

Нас интересует не только собственно поведение параязыковых единиц в инициальных или ответных репликах, но также те причины, по которым коммуниканты прибегают к такого рода репликам.

⁵ Термин заимствован нами из работы И.А. Мельчука и Л.Н. Иорданской [Iordanskaja, Mel'čuk 2011].

Среди основных причин выделим минимизацию усилий, повышенную эмоциональность, черты характера, неуверенность в своих словах и др.

Все рассматриваемые нами диалоги мы разделили на несколько больших классов.

Первый класс составили диалоги взрослых и детей. Эти диалоги, в свою очередь, по признаку 'прагматическая цель' делятся на обучающие и игровые.

Один из видов обучающих диалогов с параязыковыми единицами – это диалоги, в которых происходит обучение детей звукам и звуковым последовательностям. Среди них звуки, которые издают животные, звуки живой природы, инструментальные звуки и др. Отметим, что обычно это не имитация реальных звуков, а некоторые «конвенциональные» обозначения, принятые в русском языке.

Ср. тексты (3) – обучающий диалог и (4) – игровой диалог:

(3) – Как собачка говорит?

– **Гав-гав-гав**//

(4) – Мам / пойдем гулять!

– Слышишь дождик на улице **кап-кап**?//

Второй класс – это диалоги взрослых людей. Их мы тоже делим на ряд подклассов, к которым относятся повседневные диалоги (неспециальные) или специальные, в частности социально направленные диалоги, в которых партнеры имеют разный статус (разговор врача и пациента, преподавателя и студента, мастера и рабочего и т. п.).

Ранее основное внимание в лингвистике уделялось конвенционально значимым звукоподражаниям, которые встречаются как в монологической, так и диалогической речи. В отличие от одиночных междометий, которые обслуживают прежде всего психическую сферу человека (см. об этом [Шаронов 2009]), параязыковые последовательности, которые относятся к звукоподражаниям, обслуживают также физическую сферу и сферу взаимодействия человека с природой. Ментальная же сфера обслуживается как междометиями, так и параязыковыми единицами.

Диалогические реплики мы делим по их семантике и функциям в тексте:

1) диалогические реплики, состоящие из одиночных звуков или звуковых последовательностей, обладающие свойством семиотизации. Иными словами, мы имеем в виду реплики, приобретающие значение в контексте;

2) параязыковые реплики, традиционно относимые к лингвокультурологическим комплексам. Такие реплики могут в живом диалоге модифицироваться, а именно наряду со значениями смеха, стона и др., приобретать такие значения, как ‘насмешка’, ‘ирония’ и др. В примере (5) единица *ха-ха* выражает не ‘смех’ и не ‘насмешку’, а ‘возмущение’.

- (5) – Вот дядя про тебя напишет газету, – пригрозила беззлбно бабушка.
 – Он не только читать, он и статью может.
 – **Ха-ха!** – возмутилась внучка, но тут же исчезла.

Мы видим, что параязыковым единицам в не меньшей степени, чем языковым, свойственна многозначность. При этом выражаемые значения могут относиться к разным семантическим полям.

Важным синтаксическим свойством параязыковых единиц является то, что в реальных текстах они могут комментировать-ся языковыми единицами, причем как конвенциональными, так и авторскими:

- (6) <Адик часто по выходным приходил к нам обедать.>

Это мероприятие, естественно, не обходилось без супа (шей, борща), смачного Адикова **чавканья** и соответствующих филиппик отца <**чавкал** Адик, когда ел второе>. А на первом, при посылке в рот ложки с горячей жижей, мой дядя-подросток издавал известный каждому звук, не имеющий, однако, названия. Жена говорит, что это называется **сёрбать**, но мне это слово кажется каким-то диалектным, не вызывающим правильных ассоциаций. А Тимур Кибиров считает, что подходит слово **хлопать**, но у меня оно скорее ассоциируется с **плачем** – **хлопаньем носом**. Адик же задействовал другие части лица – закатив глаза и подвывая, смачно **засасывал** содержимое ложки своими большими, яркими, сложенными в трубочку губами, а осуществив **засос**, издавал **звук поглощения**, глотательной истомы, предвкушавшей утробную эйфорию, после чего звучно выдыхал на «-а» (*С. Файбисович. Дядя Адик / Uncle Dick*).

Текст (6) наглядно указывает еще на одну малоизученную лингвистическую проблему, а именно на соотношение параязыковых звуков с именами телесных объектов, участвующих в производстве этих звуков.

Приведем примеры диалогов с параязыковыми единицами разной природы и остановимся на некоторых значениях и употреблении

этих единиц. Разумеется, мы не можем здесь рассмотреть все значения и употребления до тех пор, пока не построен упомянутый выше словарь параязыковых единиц. Мы хотим показать разнообразие значений параязыковых единиц и их реализаций в текстах диалогов.

Начнем с обсуждения бытовых диалогических текстов.

Пример (7) иллюстрирует разговор на кухне, в котором параязыковые единицы *вжик-вжик* и *чик-чик-чик-чик* отображают, соответственно, звуки работающих блендера и ножа:

- (7) – А блендером можно делать такие всякие...
– **Вжик-вжик...**
– И салатик из капусты такой/ ну/ такой...
– **Чик-чик-чик-чик!** (НКРЯ, Домашние разговоры, 2006).

В диалоге (8) мы тоже видим похожие звуки *чик-чик* и *вжик-вжик*:

- (8) – *Давай-давай! Чик-чик/ вжик-вжик/ стрижи покороче!*
Вот так! (к/ф «Сибирский цирюльник», 1998).

Этот пример иллюстрирует разговор в парикмахерской клиента и мастера. В нем близкая к *чик-чик-чик-чик* последовательность *чик-чик* передает звук стригущих ножниц, а последовательность *вжик-вжик* – звук стригущей машинки. В обоих примерах (7) и (8) письменная параязыковая последовательность *вжик-вжик* имеет одно значение, которое можно сформулировать примерно так: ‘отображение звука работающего небольшого механического устройства’.

Следующие примеры относятся к бытовым диалогам, в которых параязыковые единицы обозначают психические состояния человека, в частности его эмоции. В будущем было бы интересно и полезно соотнести отображение разных психических состояний с конкретными параязыковыми последовательностями и, тем самым, соотнести параязыковые единицы, обслуживающие психическую сферу человека с его позитивными и негативными эмоциями.

Например, в (9) единица *ай-ай* обозначает ‘испуг’:

- (9) – **Ай-ай!** – *закричал я, цепляясь за стену. – Что такое? Кто меня поднимает?*
Ай-ай! *Не балуйтесь! Это ты, Юрка? Когда ты пришел? (В. Губарев. Трое на острове).*

В этом тексте оба вхождения единицы *ай-ай* представляют собой параязыковые восклицания, являющиеся инициальными

репликами продолжающегося диалога. Фактически они образуют параязыковые клише для отображения конкретной негативной эмоции. Таким же параязыковым клише страха является единица *ой-ей-ей*:

- (10) – Я – летучий кот! – представился Васька. – **Ой-ей-ей!** – записали летучие мыши.
– Как страшно! (А. Курков. Великое воздухоплавательное путешествие).

В диалогах (11) и (12) параязыковые единицы *буэ* и *фуу* передают эмоцию ‘отвращения’:

- (11) – Водку пить будете? «Святой источник»? – **Буэ**. И так водку не люблю/ а эту и подавно (НКРЯ. Разговоры студентов. 2007).
(12) – Да/ ну да. А это с рыбой? – С кальмарами. – **Фуу!** Другой нельзя было купить/ без рыбы? – Да они не пахнут рыбой! Как белок на вкус (НКРЯ. Домашний разговор. 2007).

Здесь *буэ* и *фуу* – это не просто отдельные параязыковые единицы, а ответные диалогические реплики. Отметим, что эти параязыковые единицы трудно отличимы от междометий, поскольку представляют собой одиночные последовательности.

Если в диалоге (12) *фуу* имеет значение отвращения, то пример (13) иллюстрирует употребление той же параязыковой единицы несколько иной семантики. Она выражает психологическое состояние облегчения, наступившее после волнения.

- (13) – **Фуу!** Ну/ кажется/ не опоздали. Наш долгожданный отдых начнётся ровно через две с половиной минуты. – Ты подумай/ Геннадий/ целый месяц вдвоём! (к/ф «Мы с вами где-то встречались», 1954).

Иными словами, примеры (12) и (13) иллюстрируют разнообразие значений параязыковой вокабулы *фуу*.

Реализация разных значений единицы *фуу*, то есть разных параязыковых лексем, сопровождается разными знаковыми поведенческими (т. е. невербальными) элементами. Для *фуу1* ‘возмущение’ – это прежде всего определенные мимические выражения (поднятая верхняя губа, искривленный рот, поднятые брови), для *фуу2* ‘облегчение’ – это глубокий и относительно продолжительный выдох через рот и несколько согнутое положение тела.

Примерами параязыковых лексем, входящих в одну многозначную параязыковую вокабулу *брр*, являются тексты (14) и (15). Отметим, что одна из этих лексем обозначает определенную эмоцию ('отвращение'), а другая – конкретное физическое состояние ('ощущение холода'), то есть соответствующие лексемы относятся к разным семантическим полям:

- (14) – Какой-то кошмар. **Брр**, я себе представила! – И Лора передернула плечами с выражением мгновенного страха и отвращения (Ю. Трифонов. Обмен).
- (15) – **Бр-р**/ как холодно! Что у вас окно-то открыто?! (Запись устной речи, 2015).

В отличие от разных лексем *фуу*, которые сопровождаются разными невербальными знаковыми проявлениями, единицы *брр1* и *брр2* могут сопровождаться одними и теми же проявлениями. И при ощущении холода, и от чувства отвращения люди обычно ежатся, вздрагивают, передергивают плечами.

Отдельной задачей, стоящей перед лингвистами и семиотиками, является системное описание морфологии и морфонологии параязыковых единиц и связанных с ними процессов. Среди таких процессов выделим полное и неполное удвоение, а то и утроение, гласных или согласных, так сказать, их «умножение» (*ай-ай*, *а-а-а*, *с-с-с*, *уфф*) иногда со сменой гласных или согласных по сравнению с исходной леммой (*ай-йй-йй* при исходной лемме *ай-ай-ай*, *вжик* и *вжиг*). Кроме того, возможно удвоение или утроение частей одной параязыковой единицы (*ну-ну*, *так-так-так*).

Каждый раз, постулируя некий морфологический процесс, происходящий с какими-то параязыковыми единицами, следует предварительно понять, не ошибаемся ли мы: вдруг мы имеем дело не с одной единицей, а с двумя разными (ср. конвенционально разные языковые единицы *едва* и *едва-едва*, где единица *едва-едва* не является морфологически производной от единицы *едва*).

В собранном нами диалогическом материале имеется большое количество примеров, которые содержат параязыковые призывы и возгласы, причем у этих реплик может быть разное назначение.

Так, в диалоге (16) параязыковые единицы выражают призывы к тишине, а в диалоге (17) – к молчанию. В этих диалогах хорошо видно смысловое различие между тишиной и молчанием, а именно тишина – это отсутствие вообще каких-либо звуков, а диалогическое молчание – это отсутствие речевых звуков:

- (16) – *Давай стацим! – Давай! – Ту. – Тс-с! – Тсс! – А! – Тушш!*
(к/ф «Василиса Прекрасная». 1940).
- (17) – *Пустите меня! – Паша! – Не мешать! Цыц! Молчать! – Да что это такое! Ой!*
(к/ф «Начало», 1970).

Одной из важных функций параязыковых единиц, причем не только в диалогической, но и в монологической речи, является функция отображения жизни человеческого тела, см. об этом в статье [Крейдлин, Шмелева 2024 (в печати)]. Это прежде всего отображение параязыковыми единицами – не обязательно конвенциональными – свойственных человеку физиологических отправления. Мы имеем в виду письменную фиксацию звуков кашля (*кхе-кхе*), чихания (*апчи*, *а-а-апчи*), сморкания (*кхы-кхы*), икоты (*ик-ик*), рыгания (*гхе*), пуканья (*пук-пук*), зевоты (*а-а-а*) и т. п. Кроме того, сюда же можно отнести звуки, которые выражают позитивные эмоции человека, связанные с его телесной сферой, например параязыковые единицы, передающие удовольствие от еды (*м-м-м*); звуки потягивания, не имеющие устойчивого письменного отображения; звуки поцелуя (*чмок-чмок*), звуки удовольствия от увиденного, в частности разного рода хлопки, звуки трения рук друг о друга при предвкушении чего-то хорошего и под. К перечисленным параязыковым единицам примыкают звуки цокания языком от разных эмоций или звуки свиста, которые могут выражать не только удовольствие, но и неприязнь.

Приведем примеры диалогов, в состав которых входят параязыковые единицы с такой функцией:

- (18) – Эля, лучше выйти на улицу и показать.
– Да я простужена, Люд, – кхе, кхе (Р.С. Вереск. Хальмер-Ю).
- (19) Зима ведь скоро, – тётя Маня уже толкла в ступке чёрный перец, который прежде давила между двумя столовыми ложками.
– **Апчи!**
– Будь здорова! (В. Ланг. Калейдоскоп детства).
- (20) В носу у него вновь отчаянно защекотало, и он прихлопнул нос рукой, чтобы тот не взорвался. – **А-а-а-а-а-апчи!** (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»).

Некоторые из параязыковых единиц с описываемой функцией тоже многозначны. Например, единица *кхе* может обозначать ‘неназойливое привлечение внимания адресата’, как в (21), или ‘смущение’, как в (22):

- (21) Преподаватель входит в аудиторию и видит в углу целующуюся пару и издает горловой звук кхе, привлекая этим внимание целующихся.
- (22) Анатолий Иванович засмущался. – **Кхе!**.. – сказал он. – Я, пожалуй, в коридоре постою (С.И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной).

Встречающиеся в письменных диалогах параязыковые единицы нередко сопровождаются языковыми ремарками автора, эксплицирующими интонацию, с которой произносится данная единица, или ее значение. Такие слова можно назвать *поясняющими* разные аспекты диалога.

Например, наречие *задумчиво* в диалоге (23) определяет интонацию произносимой единицы *да-а-а*, то есть, чтобы правильно прочесть этот параязыковой фрагмент, надо сначала прочесть диалог до самого конца:

- (23) Надо оперировать, – сказал он. **Да-а-а**, – **задумчиво произнес** шеф (Ю. Крелин. Записи).

Системное описание подобных языковых ремарок параязыковых единиц, входящих в прямую речь, – это отдельная и очень интересная задача не только теории диалога, но и языковых особенностей прямой речи. К тому же решение такой задачи могло бы значительно улучшить словарное описание параязыковых единиц.

Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели диалоги с клишированными и неклишированными параязыковыми единицами. Выделены и описаны некоторые типы диалогов и указаны значения и употребления входящих в них инициальных и ответных параязыковых единиц. Попутно мы поставили важные теоретические и практические проблемы, без решения которых трудно представить себе хороший словарь русских параязыковых единиц.

Это проблема выделения и описания семантических классов русских параязыковых единиц и проблема соотнесения параязыковых единиц с именами телесных объектов, участвующих в их производстве. Кроме того, отдельные проблемы представляют собой описание функций параязыковых единиц в диалогических текстах и словообразование параязыковых единиц разных классов

(ср., например, образование единицы *ай-яй-яй* от *ай* или известных примеров образований глаголов *гавкать* от *гав*, *мяукать* от *мяу* или *капать* от *кап*).

Все перечисленные вопросы тесно связаны с еще одной проблемой, относящейся непосредственно к единицам языка, а именно описанием поясняющих текстовых единиц. Их анализ предполагает исследование морфологических и семантических процессов параязыковых и связанных с ними языковых единиц.

Еще одной важной задачей описания русского параязыка является установление связи между невербальными знаками разной природы, в частности параязыковых единиц с жестами, позами, мимикой. На наш взгляд, в словаре параязыковых единиц должна быть предусмотрена зона соотнесения входной вокабулы или отдельной лексемы с возможными сопутствующими им жестами. Подобная зона соотнесения входного жеста с сопутствующими ему невербальными телесными знаками имеется в «Словаре языка русских жестов»⁶.

Источники

- Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (гл. ред.). СПб: Норинт, 1998. 1534 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–4. Вып. 5. М.; СПб: ЯСК: Нестор-История, 2014–2022.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 с.

Литература

- Влахов, Флогин 1980 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Гл. 4. М.: Международные отношения, 1980. 349 с.
- Канерва 2023 – Канерва О. Русские глагольные звукоподражательные глагольные междометия в свете экспериментальных и корпусных данных: Канд. дис. (Хельсинки, 2023). 316 с.
- Кодзасов 2000 – Кодзасов С.В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке: Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: ЯСК, 2000. С. 502–526.

⁶ См.: Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 с.

- Крейдли 2002 – Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002. 592 с.
- Крейдли, Шмелева 2023 – Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Параязык в текстах // Русская речь. 2023. № 1. С. 45–65.
- Крейдли, Шмелева 2024 – Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Функции параязыковых единиц в русских текстах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 3 (в печати).
- Шаронов 2008 – Шаронов И. А. Междометия в речи и языке. М.: РГГУ, 2008. 288 с.
- Шаронов 2009 – Шаронов И.А. Звукоподражательные слова и эмоциональные междометия // Филологические науки. 2009. № 3 (33). С. 48–52.
- Шаронов 2023 – Шаронов И.А. Звукоподражательные слова – между речью и языком // Фундаментальная лингвистика. 2023. № 1. С. 23–30.
- Шляхова 2003 – Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003. 244 с.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2011 – Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive Parenthical Verbs in Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory. Barcelona, 8–9 September, 2011 / Ed. by I. Boguslavsky and L. Wanner. University Pompeu-Fabra, 2011. P. 120–132.

References

- Iordanskaja, L. and Mel'čuk, I. (2011), "Illocutive Parenthical Verbs in Russian", Boguslavsky, I. and Wanner, L. (eds.), *Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory. Barcelona, 8–9 September, 2011*, Pompeu-Fabra University, Barcelona, Spain, pp. 120–132.
- Kanerva, O. (2023), *Russkie glagol'nye zvukopodrazhatel'nye glagol'nye mezhdometiya v svete eksperimental'nykh i korpusnykh dannykh* [Russian verbal onomatopoeic verbal interjections in the light of experimental and corpus data]. Ph.D. Thesis, Helsinki, Finland.
- Kodzasov, S.V. (2000), "Voice. Properties, functions and nominations" in *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Collection of articles. General supervision and ed. by N.D. Arutyunova. YASK, Moscow, Russia. pp. 502–526.
- Kreidlin, G.E. (2002), *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. NLO, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya., (2023), "Paralanguage in natural language texts", *Russian Speech = Russkaya Rech'*, no. 1, pp. 45–65.
- Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya. (2024), "Functions of paralinguistic units in Russian texts", *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*, no. 3 (in print).
- Sharonov, I.A. (2008), *Mezhdometiya v rechi i yazyke* [Interjections in speech and language], RGGU, Moscow, Russia.
- Sharonov, I.A. (2009), "Onomatopoeic words and emotional interjections", *Philological sciences*, no 3, pp. 48–52.

- Sharonov, I.A. (2023), "Onomatopoeic words – between speech and language", *Linguistica Fundamentalis*, no 1, pp. 23–30.
- Shlyakhova, S.S. (2003), *Ten' smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [A shadow of meaning in the sound. Introduction to Russian phonosemantics], PGPU, Perm', Russia.
- Vlakhov, S. and Florin, S. (1980), *Neperevodimoe v perevode. Gl. 4.* [The untranslatable in translation. Ch. 4], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна В. Занадворова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 121019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; annazann@gmail.com

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Елена Я. Шмелева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 121019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; eshkind@mail.ru

Information about the authors

Anna V. Zanaadvorova, Cand. of Sci. (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: bld. 18/2, Volkhonka Steet, Moscow, Russia, 121019; annazann@gmail.com

Grigory E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Elena Ya. Shmeleva, Cand. of Sci (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 121019, eshkind@mail.ru

Речевые клише в сетевом общении

Анна В. Занадворова

*Институт русского языка им В.В. Виноградова РАН**Россия, Москва, annazann@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются частотные речевые формулы, которые используются при общении в соцсетях. В ряду стереотипов мы рассматриваем не только устойчивые выражения, но и определенные конструкции, по которым может строиться клише (например, сущ. Р. п. + пост: *благодарности пост, материнской гордости пост*; конструкция с инфинитивом + *done*: *выйти из дома в разных ботинках done*). Многие описываемые стереотипные выражения происходят из мемов, шуток, однако со временем при частотном употреблении шуточный компонент стирается, и они начинают употребляться практически нейтрально. Источники пополнения сетевых клише различны. Некоторые из них пришли из английского интернет-дискурса и используются в русском переводе (*Тот неловкий момент, когда; Я просто оставляю это здесь*); некоторые сокращения так и воспроизводятся на английском языке (*UPD, TWIMC*). Другие пародируют стиль советских газет (*хозяйке на заметку, наблюдения за живой природой* и др.).

Подобные речевые формулы не являются обязательными, но помогают читающему сориентироваться и определить жанр последующего поста. Будет ли это объявление, просьба, вопрос. Что перед ним – бытовые заметки или пространные философские рассуждения (или на языке интернета – *дыбр* или *лонгрид*).

Ключевые слова: сетевые стереотипы, интернет-общение, речевой жанр, мемы, речевые формулы

Для цитирования: Занадворова А.В. Речевые клише в сетевом общении // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 71–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-71-81

Speech clichés in online communication

Anna V. Zanađvorova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, annazann@gmail.com*

Abstract. The article considers the frequency speech formulas used in communication in social networks. Among such stereotypes the author considers not only fixed expressions but also constructions acting as a base for various clichés (e.g. Noun in genitive + *post*: *blagodarnosti post* [post of gratitude], *materinskoi gordosti post* [post of motherly pride]; Infinitive construction + ‘done’: *vyiti iz doma v raznyh botinkah* [to leave the house in different shoes] – done). Many of the described stereotype expressions are originated from memes and jokes but with frequent use the humorous component is lost and they become a part of virtually the neutral register.

The network clichés originate from various sources. Some emerge from the English Internet-discourse and are used in Russian translation (*Tot nelovkii moment kogda* [That awkward moment]; *Ia prosto ostavlu eto zdes'* [I'll just leave this here]); some abbreviation are preserved as they were in English (*UPD*, *TWIMC*). Others mockingly reproduce the style of Russia newspapers (*hozaike na zametku, nabludeniia za zhivoi prirodoj*, etc.).

Such speech formulas are not obligatory but they help the reader to get their bearings straight and identify the style of the consequent post, whether it will be an announcement, a request or a question. They make it possible to predict the nature of the post, be it everyday notes or lengthy philosophical speculations (or, as they are called in the social media, *dybr* or *longread*).

Keywords: network stereotypes, Internet communication, speech genre, memes, speech formulas

For citation: Zanađvorova, A.V. (2024), “Speech clichés in online communication, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 71–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-71-81

Любая сфера человеческого общения создает свои речевые стереотипы. Они во многом зависят от условий общения (контактное / дистантное), канала коммуникации (устный / письменный), установки (официальное / неофициальное), (спонтанное / подготовленное), взаимоотношений между партнерами коммуникации и других факторов. Общение в соцсетях является опосредованным, дистантным, неофициальным подготовленным письменным общением. Речевое взаимодействие в интернете не раз попадало в фокус внимания исследователей, описывались как общие характеристики

этой сферы общения (см., работы [Ахапкина, Рахилина 2014; Крысин (ред) 2008; Занадворова 2014] и др.¹), так и особенности лексики и фразеологии, характерные для интернет-коммуникации, компьютерного жаргона [Гусейнов 2000] и др.² В статье рассмотрены стереотипные формулы в социальных сетях (на материале соцсети Фейсбук). Некоторые понятия интернет-общения вошли в Толковый словарь русской разговорной речи³.

При общении в социальных сетях стихийно складываются свои этические нормы и правила, которые специально нигде не оговариваются, но быстро подхватываются новыми участниками коммуникации. (Следует отметить, однако, что, в отличие от личных блогов, в тематических интернет-сообществах правила могут достаточно детально прописываться, может регламентироваться содержание и даже количество постов в день от одного автора.)

Рассмотрим **приветствия** и **обращения** в блогах. Посты в интернет-сообществах (группах) практически всегда начинаются с приветствия. Более того, посты в группах обязательно должны содержать либо обращение, либо приветствие, иначе это нарушение речевого этикета. Посты в личных блогах достаточно редко содержат приветствие. Исключение составляют случаи, когда человек долго отсутствовал («не выходил в эфир»): *Всем привет! Вчера прилетели из отпуска...* Посты в личном блоге могут содержать обращения, но не обязательно. По умолчанию адресатом такого поста являются все, кто читает. Автор может техническими средствами ограничивать аудиторию – пост может быть виден всем, друзьям или отдельным людям (но при желании может и специально подчеркнуть «пост для друзей», «пост только для друзей, пожалуйста, не выносите из-под замка» и т. п.).

Обращение появляется обычно в постах определенных **жанров**. Чаще всего это просьба, вопрос или объявление. Обращение эксплицитно задает круг адресатов, например: *Дорогие друзья!; Дорогие все!; Коллеги!; Соседи!; Кто на юге...*

Есть и другие способы очертить круг возможных адресатов. *Пост для лично знакомых; Вдруг кто-то (может, хочет) ...; Если вы видите этот пост, значит, вы приглашены ...; А вот кому прекрасного учителя математики (детское автокресло и т. п.).* Ср.,

¹ См. также: Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: Corpus, 2013.

² См. также: Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н. Словарь языка интернета.ру. М.: АСТ-Пресс, 2018. 288 с.

³ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.; СПб.: Языки славянской культуры: Нестор-История, 2014–2022.

пример ограничения аудитории: **Больше, наверное, для девочек пост.** *О насыщенном. ... Так вот: как вы, прекрасные дамы? Не почувствовали ли веса лишнего в новой стране?* Используются и клишированные заимствования из английского: *TWIMC – to whom it may concern* (тем, кого это касается).

Для **постов-объявлений** характерны свои речевые клише. Так, они могут начинаться словами, имитирующими звуковой сигнал (для привлечения внимания): *Та-дам!; Тарам-парам; Ту-дум!; Парам-пчищ!; Парам-пам-пам!; Тыдыщ!* и т. п. Завершается объявление также часто просьбой о распространении (*Лайк, шер, репост!; Репост приветствуется!* и т. п.).

Если человек размещает объявление по чьей-то просьбе, для этого также существует устойчивая формула: *Moped не мой*. Это отсылка к известному мему: *Moped не мой, я просто разместил объяву* (в оригинале *Мотороллер не мой...*).

Интересной особенностью именно сетевых объявлений является их динамичное обновление. Чтобы показать, что статус поста изменился, пишут UPD (Update – обновленная информация). Или русскими буквами: **УПД**. Ср., например: **АПДЕЙТ: сбор закрыт!!! Спасибо огромное всем!!!** Многие шуточные формулировки со временем становятся своеобразными клише, ср., например, распространенный UPD на просьбу или иное объявление: *«Горшочек не вари!»* (цитата из сказки про волшебный горшочек каши). Этими словами автор поста дает понять, что его запрос уже удовлетворен и больше реагировать на его пост не нужно.

Просьбы о помощи кроме обычного *Нужна помощь, Need help, Нид хэлп* могут маркироваться такими цитатным клишированными единицами, как: *Нужна помощь зала* (это касается только постов с запросом информации). Выражение пришло из телевизионной викторины «О, счастливчик!». Один раз за игру человек при ответе на вопрос мог попросить помощь зала. Соответственно, с этими словами человек обращается к друзьям за информационной поддержкой.

Помимо обращений, ограничивающих группу адресатов, посты также могут иметь метатекстовый ввод, который показывает читателю примерный жанр последующего сообщения. Например, фотографии часто сопровождаются таким вводом: *чего-то* (сущ. в Р. п.) *вам в ленту* (*котиков вам в ленту; красивое в ленту; ещё немного весны в ленту; немножко розовых соплей в ленту; немножко позитивчика вам в ленту и т. п.*).

Также типична конструкция: *чего-то* (сущ. в Р.п.) **пост: благодарности пост, радости пост, материнской гордости пост, удивления пост**. Характерной особенностью является именно

такой инвертированный порядок слов (хотя возможен и прямой), ср.:

***Хвастовства пост**))) А меня и мою сестру-близнеца Лену Алла Борисовна (тогда ещё просто девочка Алла) в колясочке катала и на ручку брала))) Мама была ее любимым классным руководителем;*

***Пост хвастовства**) У меня есть три моих портрета, написанные потрясающе талантливыми художниками;*

***Пост хвастовства и удивления; Материнского хвастовства пост.** Смотрите, что мне дочь нарисовала на день рождения!; Всё. Держаться больше нету сил.*

***РХП-родительского хвастовства пост; Отчаяния пост.** Вторую зиму подряд сбойт батареи; **Отчаяния пост.** Вы все знаете, как я люблю Клиники Чайка; Уважаемые соседи, у меня **пост отчаяния**, я 22 года живу в нашем районе ...;*

*Ну и, наконец, **радости и благодарностей пост...**;*

***Радости пост.** Сын хочет учиться!!! Счастливая мать ликует))*

Многие подобные выражения имеют игровой характер. Они происходят из шуток, из мемов. Однако при частом употреблении игровой момент стирается, и они превращаются просто в устойчивые выражения, то есть пишущий не хочет пошутить, а использует клишированное средство для маркирования стереотипной ситуации.

Подобные метатекстовые пояснения помогают быстрее обрабатывать информацию. Читатель понимает, текст какого жанра последует дальше. И, соответственно, выбирает, читать ему вообще этот пост или можно его пропустить и т. п. Так, записи чисто дневникового характера в Живом журнале часто маркировались словом *Lytdybr* (которое соответствует слову *Дневник*, набранному в латинской раскладке). Это означало, что запись не несет глубокого смысла, а носит чисто дневниковый характер. Потом это слово стали набирать и русскими буквами – *Лытдыбр*, а затем стали употреблять и в сокращенном виде: *Дыбр*. Однако пользователи Фейсбука, как правило, осознают, откуда пришло это слово, и, употребляя его, часто указывают на его «цитатный» характер:

***Дыбр**, как в старом добром ЖЖ; **Дыбр** путешественный; **Дыбр**: Бахнулс Пфайзером опять; (**дыбр**) Наконец, сегодня открыла на ночь окна.*

Также своеобразным жанровым маркером и одновременно предупреждением и предостережением служат фразы: *Осторожно, лонгрид!; Многа букафф...*

Аббревиатура **СЯУ** (сегодня я узнал) показывает, что дальше последует факт, который удивил автора поста. Ср.:

*только **СЯУ**, что слон и конь по-немецки не слон и конь, не епископ и рыцарь и даже не шут и всадник, а бегун и прыгун; **СЯУ**, что Барак вовсе не африканское имя, как я думал, а арабское, однокоренное с Барух, то есть «благословенный»; **СЯУ**, что не существует единого международного стандарта для размеров футбольного поля. Есть минимум и максимум для длины и ширины. и т. п.*

Одним из источников пополнения фейсбучных стереотипов служит пародирование дискурса журналов советских времен или клише того периода. Распространены «подводки» – названия рубрик журналов той эпохи (возможно, с небольшими вариациями), например,

***Хозяйке на заметку**⁴ (плохой хозяйке на заметку), **Маленькие хитрости**⁵, **Заметки фенолога**⁶ (записки начинающего фенолога, фенологические заметки, заметки «вынужденного» фенолога и т. п.), **Наблюдения за живой природой** (тетрадь наблюдений за природой).*

Примечательно, что подобные выражения могут совершенно по-разному соотноситься с содержанием поста. Возможно употребление практически в прямом значении, ср.:

*Немножечко рубрики «**Хозяйке на заметку**». Тополиные почки, упавшие на машину, отмываются жидкостью для снятия лака и ватным диском. Диск не царапает покрытие. **Хозяйке на заметку** – очки с рынка «Садовод», 235 рублей. **Плохой хозяйке на заметку**. С режимом теперешним, когда нет возможности ходить в магазин, когда нужно, намастрякалась замораживать хлеб. Покупаю нарезанный, сразу несколько булок, и в морозилку. Достают столько кусочков, сколько надо и в тостер. Очень удобно!*

⁴ Название рубрики в журналах «Крестьянка» и «Работница».

⁵ Сокращение от названия рубрики в журнале «Наука и жизнь» – «Домашнему мастеру: маленькие хитрости».

⁶ Название рубрики в газете «Вечерняя Москва». Вероятно, одно из первых пародийных использований этого заголовка принадлежит М. Задорнову, который в 1989 г. написал юмористическую зарисовку под названием «Заметки честного фенолога», благодаря которой эта фраза впоследствии стала широко употребляться в ироничном значении.

Записки начинающего фенолога. Сначала был одинокий худенький голубь и я решила его подкормить. Он ел, ел, я подумала, что обещать и ему станет плохо. Но, оказалось, у него куча друзей. Обещаться в одиночестве ему не дали. И пришел еще один самый толстый голубь, который всех гонял и агрессивировал. **Теперь реально за живой природой наблюдения.** Сегодня запел первый соловей! Не рановато-ли? Но очень радует! (4 мая); **Наблюдения за живой природой.** Синицы наглые, хватают за руки буквально. Одна залетела сегодня мне в окно, ткнулась в занавеску и вылетела обратно.

Но гораздо чаще такие заголовки употребляются с легкой иронией:

Хозяйке на заметку: еда станет намного вкуснее, если готовить её реже; **Хозяйке на заметку.** Самый удачный способ получения чистого пола в кухне – это когда его подметет и вымоет один мой сын. Но это не всегда легко организовать. Тогда есть способ номер два. Надо подмести пол, не надевая очков. Быстро, легко, и прекрасный результат!; **Хозяйке на заметку:** Вероника находила вчера 9000 шагов (шагомер показал), из них почти 8000 – не выходя из дома. Она просто всё делает стоя, слегка телепаясь по комнате: слушает уроки, болтает с подружками, смотрит кино и т. д.; **Записка фенолога.** Сел в машину, термометр показал 42 за бортом. Обморочно жарко. По-моему, даже в Эйлате я такого не испытывал.

А чаще всего название намеренно контрастирует с содержанием поста. И подводка ставится к теме, которая не имеет отношения ни к хозяйству, ни к природе, ср.:

Хозяйке на заметку. В израильских школах запрещено красить волосы. Даже одну прядь. Насколько я поняла, так – в большинстве школ, не только в нашей;

Наблюдения за живой природой. Подросток – загадочная форма жизни. Обычно жизнь теплится в наглухо закрытой комнате, на втором этаже двухэтажной кровати, среди чашек с позавчерашним чаем, плоек с присохшими хлопьями и бутылок из-под лимонада;

Продолжаю наблюдения за живой природой. Вот уже месяц каждый день в районе 20 часов на дорожку возле дома приходит мужчина в полосатом свитере. Он вешает на ограду маску, потом рюкзак, ставит на поребрик (простите, бордюр) банку пива;

Записки фенолога с заседания совета депутатов Арбата. ... Житель Арбата (!) решил посвятить своё личное время (!) обсуждению жизни на Арбате (!) после работы (!) идя по жиже реагентов

и опоздавший на 6 минут (!) был недопущен на заседание Совета! Это при том, что записываться жителям нужно на заседание за 2 дня;

***Записки «вынужденного фенолога»:** Приспешники жилищника большим, скупенным, шаркающим, оранжевого окраса табуном, без масок, перчаток и с одной метлой на всех бесцельно бродят на холодном ветру по пустым дворам, поднимая тучи строительной пыли...*

А вот пример клише, также появившегося из прецедентного текста более позднего периода. Так, название фильма «Особенности национальной охоты», вышедшего на экраны в 1995 г., породило целое гнездо выражений, построенных по модели «особенности национальной X», ср.:

***Особенности национальной самоизоляции.** Петербуржец решил вынести мусор в костюме динозавра; Скоро можно будет снимать фильм **«Особенности национальной бухгалтерской и бюджетной отчетности»!** Это будет боевик. А пока читаем большой и важный текст о том, что там и как с первым кварталом 2020 года; **Особенности национальной работы 2020.** Могу я пообщаться с вашей верхней половиной? (фото мужчины в трусах, пиджаке и галстук); **Особенности национальной коммуникации; Особенности национальной проводки** (+ фото); **Особенности национальной погоды** (фото); **Некоторые особенности национальной парковки** (фото автомобилей лоб в лоб).*

Многие мемы, породившие сетевые клише, пришли к нам из английского языка, например, **тот (этот) неловкий момент, когда** является переводом английского мема **that awkward moment**, появившегося в Твиттере еще в 2011 г. Ср.:

***Тот неловкий момент, когда** у тебя пол-ленты из Израиля жалуются на необыкновенную жару, а из Москвы – на холода; **Тот неловкий момент, когда** про удачную картинку, нарисованную мужем, узнаешь от френдов; **Этот неловкий момент** случается, когда в гостях оказываешься за одним столом со своим пациентом, и вы оба делаете вид, что вам это нормально; **Тот неловкий момент, когда** я сижу и слушаю лекцию классика российского кино и он при всех вдруг говорит, что хочет послушать лекцию от меня!; **Тот неловкий момент, когда** понимаешь, что пора перечитать собственный учебник. Я там некоторые вещи так классно сформулировала, что щас не повторю, пожалуй.*

Интересный пример самоиронии:

***Тот неловкий момент, когда** собрался в школу за ребёнком, покрасил губы и уже на улице в маске понял, что здесь не так. (**Тот неловкий момент, когда** пишешь пост, начинающийся словами «тот неловкий момент»).*

Также переводом с английского является выражение **Я просто оставлю это здесь** (I'll just leave this here; I'm just going to leave this here), которое часто служит комментарием к фотографии и перепосту чужого поста.

Также выражение может строиться по модели, которая допускает разное лексическое наполнение. В данном случае в роли клише выступает именно модель. Например, **кто что-то там такое сделал, тот – я: Кто сегодня ушел на работу в разных ботинках, тот я; кто сегодня два раза ходил в магазин и не купил туалетной бумаги, тот я.**

Другой пример подобной модели: конструкция с инфинитивом + **done**: **Два раза за месяц потерять перчатки done; выйти из дома в разных ботинках done.**

Многие конструкции и выражения, которые описываются в статье, употребляются в сетевом общении уже достаточно давно. Большинство из них уже «вышло из моды»⁷, именно поэтому их можно считать уже устоявшимися речевыми стереотипами.

Также в десятых годах XXI в. в моде была «игра в словарь». В настоящий момент пик увлечения давно прошел, но этот прием продолжает использоваться и время от времени появляется, часто как комментарий к фотографии или необычной ситуации:

Б – безопасность. *Набережная (комментарий к фото кое-как прикрытого картонкой люка, на которой лежит кирпич обвязанный строительной лентой);*

Л – лень (комментарий к фото нечищенной машины, которая в таком виде едет по дороге). *Сугроб неизвестной марки, с залепленными фонарями и отлетающими комками льда утром на Ленинградском. Купи щетку! Сейчас ты потенциальный претендент на ДТП;*

М – мечта. *Одна из самых релаксовых моделей. Благодаря подвешенной кровати и закрытому навесу, отдых в солнечную погоду становится еще комфортней!;*

Т – тлен. *Крокодил не ловится и с кокосом тоже что-то не задалось. Болею какой-то неведомой хренью. Температуры нет, насморка нет, зато кашель такой, что стекла...;*

С – спасибо. *А мне просто захотелось сказать спасибо.*

⁷ См., например. : Морозова К., Хицкий П. Мемы, которые давно вышли из моды (19.08.2015). URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/448489> (дата обращения 20 марта 2024).

В отличие от личного устного общения или личного письменного общения, где необходима инициальная контактоустанавливающая фраза, пост в социальной сети может начинаться сразу «с места в карьер». Предельной формой является типичный сетевой прием, когда не просто полностью отсутствует метатекстовый ввод, но и вообще описание предмета речи. Обычно такой пост содержит только яркую эмоциональную реакцию. *Боже мой! Ненавижу! Сволочи! Какой ад.* Это реакция на заметные события, как правило политические, внутри страны или в мире. То есть такая реплика адресована людям, которые с тобой на одной волне, которые, как говорится, «дышат с тобой одним воздухом», и имитирует ситуацию устного непосредственного общения. При этом часто в ответ возникают вопросы: «Ты о чем?», «Что случилось?» и под.

Выводы

Итак, сетевые стереотипы имеют различное происхождение. Некоторые из них заимствованы из английского и переведены на русский (*Тот неловкий момент, когда; Я просто оставляю это здесь* и др.), некоторые сокращения так и воспроизводятся на английском языке (*UPD, TWIMC*).

Другие вошли в обиход из популярных мемов (*мопед не мой*), из ошибок (*lytdbr, лытдыбр, дыбр*), иные пародируют советский дискурс (*хозяйке на заметку, маленькие хитрости, заметки фенолога, наблюдения за живой природой* и др.). Несмотря на то что многие стереотипы изначально представляли собой шутки/мемы и отражали установку на несерьезное общение, многие из них потеряли экспрессивность и шутливость и употребляются практически нейтрально. Их употребление маркирует принадлежность человека к определенной интернет-культуре, но не несет экспрессии и не выражает установку на шутливое общение.

Подобный метатекстовый ввод последующего поста не является обязательным, но он помогает читающему сориентироваться и определить жанр. Будет ли это объявление, просьба, вопрос. Будут ли это бытовые заметки или пространные философские рассуждения (или на языке интернета – *дыбр* или *лонгрид*). Когда мы находимся в ситуации непосредственного устного общения, то наши фоновые знания о собеседнике, особенности ситуации, обстановки подсказывают нам, чего ждать. В интернете при общении в соцсетях, где мы имеем возможность вступить в общение с разными адресатами, подобные вводы помогают сориентироваться и решить, насколько интересен нам пост того или иного человека.

Литература

- Ахапкина, Рахилина (ред.) 2014 – Современный русский язык в интернете / Отв. ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: ЯСК, 2014. 328 с.
- Гусейнов 2000 – Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 289–321.
- Занадворова 2014 – Занадворова А.В. Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале // Современный русский язык в интернете / Отв. ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: ЯСК, 2014. С. 93–113.
- Крысин 2008 – Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ЯСК, 2008. 709 с.

References

- Akhapkina, Ya.E., and Rakhilina, E.V. (eds.) (2014), *Sovremennyyi russkii yazyk v internete* [Modern Russian language on the Internet], YaSK, Moscow, Russia.
- Guseinov, G. (2000), "Notes on the anthropology of the Russian Internet. Features of the language and literature of network people", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 43, pp. 289–321.
- Krysin, L.P. (ed.) (2008), *Sovremennyyi russkii yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language. Active processes at the turn of the 20th–21st centuries], YaSK, Moscow, Russia.
- Zanadvorova, A.V. (2014), "Self-regulation in unregulated areas of Internet communication. Speech etiquette in LiveJournal", Akhapkina Ya.E., and Rakhilina E.V. (eds.), *Sovremennyyi russkii yazyk v internete* [Modern Russian language on the Internet], YaSK, Moscow, Russia, pp. 93–113.

Информация об авторе

Анна В. Занадворова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 121019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; annazann@gmail.com

Information about the author

Anna V. Zanadvorova, Cand. of Sci. (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 121019; annazann@gmail.com

Клишированные конструкции
с *ты-/Вы-*формами в диалогической речи
и особенности их перевода
на итальянский язык

Светлана Л. Нистратова
*Венецианский университет Ка'Фоскари,
Венеция, Италия, nistra@unive.it*

Аннотация. Данная работа представляет собой вторую часть исследования особенностей функционирования *ты-/Вы-*форм в русском языке¹. Исследуется, в частности, специфика клишированных конструкций с данными формами в диалоге, и выявляются их контекстуальные значения. При этом в некоторых случаях проводится сопоставительный анализ русского и итальянского языков, результаты которого могут представлять интерес для практики преподавания иностранных языков, в первую очередь при обучении переводу. Проблемам перевода рассматриваемых конструкций на итальянский язык уделяется особое внимание, поскольку передача экспрессивных значений на иностранный язык представляет значительные трудности.

Ключевые слова: русский язык, итальянский язык, *ты-/Вы-*формы, клишированные конструкции, диалог, контекстуальные значения, перевод

Для цитирования: Нистратова С.Л. Клишированные конструкции с *ты-/Вы-*формами в диалогической речи и особенности их перевода на итальянский язык // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 8. С. 82–99. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-82-99

© Нистратова С.Л., 2024

¹ Первая часть исследования представляет собой контрастивное описание данных форм в русском и итальянском языках. В нем рассматривается специфика использования *ты-/Вы-*форм как средств речевого этикета в конкретных ситуациях общения с учетом современных тенденций, наметившихся в последние десятилетия в рассматриваемых лингвокультурах [Нистратова 2022].

Clichéd constructions with *ты-/Вы-*forms in dialogical speech and peculiarities of their translation into Italian

Svetlana L. Nistratova

University of Venice Ca'Foscari, Venice, Italy, nistra@unive.it

Abstract. The work is a second part of the study in specific features of functioning of *ты-/Вы-* (you/polite You, both 2nd person singular) forms in the Russian language. In particular, the specifics of clichéd constructions with such forms in the dialogue are investigated and their contextual meanings are revealed. In some cases, a comparative analysis of the Russian and Italian languages is carried out, the results of which may be of interest for the practice in teaching foreign languages, primarily when teaching translation. Particular attention is paid to the translation issues for the constructions under consideration into Italian, since the transmission of expressive meanings into a foreign language presents significant difficulties.

Keywords: Russian language, Italian language, *ты-/Вы-*forms, clichéd constructions, dialog, contextual meanings, translation.

For citation: Nistratova, S.L. (2024), "Clichéd constructions with *ты-/Вы-*forms in dialogical speech and peculiarities of their translation into Italian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 82–99, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-82-99

Если особенности функционирования личных местоимений и, в частности, *ты-/Вы-*форм в русском речевом этикете неоднократно рассматривались в лингвистической литературе (см., например, [Формановская 1987]), то употребление данных местоимений во фразеологически связанных выражениях освещалось не вполне полно, несмотря на то, что оно представляет особый интерес с точки зрения перевода и РКИ.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения семантических и прагматических характеристик клише с *ты-/Вы-*формами, в частности в диалогической речи, так как данные конструкции представляют особый интерес для практики преподавания РКИ, в первую очередь при обучении устной речи и переводу. Контекстуальные значения рассматриваемых форм во фразеологически связанных конструкциях, как правило, в сочетании с различными экспрессивными языковыми средствами (частицами, междометиями) вызывают большие трудности не

только у студентов, изучающих русский язык, но нередко также и у дипломированных переводчиков. Выявление точного контекстуального значения данных форм в клишированных конструкциях, используемых в диалогической речи, представляет значительную проблему даже для иностранцев, владеющих русским языком на достаточно высоком уровне.

Целью данного исследования является определение особенностей функционирования клишированных конструкций с *ты-/Вы-*формами в диалоге. Предполагается составить список их основных контекстуальных значений и выявить специфику употребления рассматриваемых конструкций в русском языке в качестве диалогических клише, в том числе возможность взаимозамены местоименных форм, которая не всегда обусловлена правилами речевого этикета.

Экспрессивно-контекстуальные значения ты-/Вы-форм

В большинстве словарей фиксируется употребление рассматриваемых форм для обозначения лица собеседника и в качестве обращения. Только в некоторых словарях отмечается их употребление в значении частицы², иными словами, рассматривается их контекстуальное значение. «Контекстуальное значение представляет собой набор ситуационных элементов, релевантных данной лингвистической форме» [Кэтфорд 1978, с. 106]. Оно не входит в смысловую структуру слова и в словарях обычно не фиксируется, данное значение возникает только в контексте и во многом зависит от значения сочетающихся с ним слов³. Необходимо отметить, что «это сочетание варьируется от языка к языку. Оно редко бывает одинаковым в любой паре языков» [Кэтфорд 1978, с. 107]. Именно поэтому контекстуальное значение трудно поддается переводу. Так, например, в связанных словосочетаниях, часто с различными

² *Евгеньева А.П.* (под ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 1 февр. 2024); *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://endic.ru/kuzhecov/T-73812.htm> (дата обращения 1 февр. 2024); *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 24-е изд., испр. М.: АСТ, 2012. 896 с.

³ *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3. изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.

частицами и междометиями, выражающими эмоции, *ты-/Вы-*формы приобретают иное значение.

Поскольку местоименные формы в таких конструкциях обычно в разной степени десемантизируются и не указывают на адресата речи, это позволяет некоторые из них относить к той категории языковых средств, для которых в лингвистической литературе используют различные термины, такие как: «иллокутивы» [Кустова 2012], «речевые формулы» [Баранов, Добровольский 2008, с. 78], «коммуникативы» [Киприянов 1983; Казачихина 2008; Колокольцева 1999; Шаронов 2017; Шаронов 2018]. Как показал анализ, не все рассматриваемые клишированные конструкции с *ты-/Вы-*формами, выполняющие репликовые функции в диалоге, отвечают критериям средств данной категории. Заметим, что целью настоящей работы является не определение их лингвистического статуса, а рассмотрение особенностей функционирования конкретных местоименных форм и способов их перевода на итальянский язык.

Значения ты-/Вы-форм в словарях

В большинстве словарей не приводятся контекстуальные значения местоимений, а только указываются некоторые их частотные употребления, в основном *ты* в дат. и им. пад., в функции частиц, а также отдельным списком даются некоторые сочетания с междометиями. Многие контекстуальные значения *ты-/Вы-*форм рассматриваются в словарных статьях, посвященных, например, частицам или глаголам, что создает определенные трудности для иностранцев⁴: *Я те дам* (см. дать); *Вот тебе и на* (см. вот).

В табл. 1 приведены данные по четырем словарям⁵, в которых выделены значения местоимения *ты* в функции частицы. Все они помечены как разговорные, но не все присутствуют в каждом из словарей.

⁴ См., например: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. (4 т.) URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us138108.htm?cmd=0&istext> (дата обращения 1 февраля 2024).

⁵ *Евгеньева А.П.* Указ. соч.; *Кузнецов С.А.* Указ. соч.; *Ожегов С.И.* Указ. соч.; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова.

Таблица 1

Ты в значении частиц в словарях

	Конструкция	Значение	Пример
Дательный падеж	<i>Я тебе</i> + глг. 1 л. ед. ч. буд. вр. <i>Чтоб тебе (те).</i> <i>Вот тебе (те) раз/(и) на!</i> <i>Вот тебе и</i> + Им.п.	Выражение угрозы или досады, разочарования (Евгеньева, Кузнецов, Ожегов, Ушаков)	<i>Я тебе поговорю!</i> <i>Чтоб тебе (те) пусто было!</i> <i>Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!</i>
	<i>Ни тебе</i> + Род. п./инф. <i>Либо тебе</i> + Им. п.	Усиление в отрицательных предложениях или в предложениях с противопоставлением (Евгеньева, Кузнецов)	<i>Ни тебе манер, ни ума.</i> <i>Ни тебе отдохнуть, ни поесть.</i> <i>Либо тебе камень, либо лес.</i>
	<i>Да куда тебе...</i>	То же, что тут. (Ожегов)	<i>Да куда тебе – и слушать не хочет!</i>
Именит. падеж	Междометие (<i>Ах, Ух, Фу</i>), + <i>ты</i> ,	Усиление значения междометия: удивительно, поразительно; неожиданно, досадно (Евгеньева, Кузнецов)	<i>Ах/Ух, ты, гадость/красота какая!</i> <i>Фу-ты ну-ты как она разрядилась.</i>

В настоящей работе делается попытка дополнить этот список. Рассматриваемые здесь контекстуальные значения местоимений, которые в этом случае являются экспрессивными средствами, проявляются в основном в разговорной речи и в текстах художественной литературы, преимущественно в диалогах, для речевой характеристики персонажей.

Материал и методы исследования

Материалом настоящего исследования послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ), Параллельный русско-итальянский корпус, Словарь синонимов⁶. Анализ проводился в основном на материале письменных текстов, что связано, в частности, с проблемами перевода, поскольку Параллельный русско-итальянский корпус создан на письменных источниках. Кроме того, письменные тексты анализировать легче, поскольку они часто содержат лексические средства, указывающие на значение конструкций, своеобразные комментарии автора, так как при отсутствии интонации правильное значение не всегда можно вывести из контекста⁷.

Для анализа были выделены наиболее частотные клишированные конструкции с *ты-/Вы-*формами в качестве ответных реплик в диалогах, а также группа данных форм в сочетании с междометиями. При анализе данных конструкций: 1) выделялись их основные контекстуальные значения; 2) проверялась взаимозаменяемость местоименных форм: каждое выражение проверялось по корпусам и словарю синонимов на наличие соответствующего коррелята с другой местоименной формой в том же значении; 3) определялись синонимы рассматриваемых конструкций; 4) рассматривались особенности их перевода на итальянский язык.

Характеристики клишированных конструкций с *ты-/Вы-*формами в диалоге

Для анализа были выделены следующие конструкции с *ты-/Вы-*формами:

1) *Да ты/Вы что*; 2) *Да что ты/Вы*; 3) *Ну что ты/Вы*; 4) *Ну что ты скажешь*; 5) *Вот тебе (и) на*; 6) *Вот тебе (и) раз*; 7) *Иди ты*; 8) *Ух ты! Эх ты! Фу ты! Фу-ты, ну-ты! Тьфу ты! Поди ж ты; Вишь ты.*

Все перечисленные средства: 1) обладают ярко выраженным эмоционально-экспрессивным значением и разной степенью десемантизации местоименных форм; 2) употребляются в разговорной речи и в текстах художественной литературы, преимущественно в диалогах для речевой характеристики персонажей или во внутренних диалогах; 3) представлены в ответных репликах-реакциях;

⁶ Тришин В.Н. Словарь синонимов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения 1 февраля 2024).

⁷ О целесообразности изучения данных конструкций на материале письменных текстов см., например, [Шаронов 2017].

4) в конкретном контексте имеют широкий диапазон значений. Каждое из рассматриваемых средств, как правило, выражает целую гамму эмоций, одна из которых является основной (чаще всего это удивление), а появление прочих обусловлено конкретным контекстом. Большую роль в них играет интонация.

Да ты/Вы что!

Это одна из конструкций с наиболее широким диапазоном контекстуальных значений, которая используется для передачи как негативных, так и положительных эмоций – от возмущения до радости. Основным значением является выражение удивления, которое в зависимости от контекста осложняется значениями: 1) недоверия, 2) недоумения, 3) возражения, несогласия, 4) возмущения, 5) испуга, 6) интереса, 7) радости.

1) удивление + недоверие

– *А у меня формулировка другая! – Да ты что, Толич? Не может быть, прочти!* (А. Жигулин. Черные камни);

– *Да, мама, он теперь вице-премьер, – раздраженно объяснила Соня. – Да ты что? Неужели?* (М. Трауб. Не вся la vie)

Иногда эта реплика является стимулом для продолжения диалога, вызывает реакцию собеседника, который пытается снять сомнение:

– *Все, денег нет уже. – Да ты что?! – Ей-богу!* (А. Трушкин. 208 избранных страниц)

2) удивление + недоумение

Часто употребляется в сочетании с существительными, прилагательными, называющими причину недоумения:

– *Да ты что, дура?* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия);

– *Эй, мужик, да ты что, глухой что ли?* (Е. Попов. Облако)

Нередко данные конструкции употребляются со значением недоумения по поводу действий или поведения кого-либо:

– *Да ты что улыбаешься, чудик?* (А. Арбузов. Иркутская история);

– *Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!);

– *Да ты что – с ума сошел, милый?! (А. Житков. Кафедра)*

3) удивление + возражение, несогласие

– Шарлатан! – **Да ты что**, он гений! (С. Осипов. Страсти по Фоме);

– Вот с такой специальностью кому он нужен? – **Да вы что**, тётя Настя? А адвокатура? (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают)

4) удивление + возмущение

– **Да ты что!** – возмутилась Тонька (В. Войнович. Монументальная пропаганда);

– Молодой человек, **да вы что!** Это же «от кутюр»! (А. Житков. Кафедра)

5) удивление + испуг

– Возьмите. – **Да ты что!** – Она испугалась (В. Войнович. Монументальная пропаганда);

– Я?! **Да вы что?** – Хачатрян перепугался (С. Данилюк. Бизнес-класс).

6) удивление + интерес

– Таня опять беременная. – Ой, **да вы что!** – удивилась Валентина (М. Трауб. Замочная скважина);

– Строительные корпорации не для нас! – **Да ты что!** – Катя уронила сигарету, с любопытством глядя на Свету (Н. Щербак. Роман с филфаком).

7) удивление + радость

– Он завтра прилетает! – **Да ты что!** – заулыбался Степан (А. Геласимов. Дом на Озерной);

– **Да ты что?!** – порадовался откровению Жукович (С. Данилюк. Рублевая зона).

Синонимы: не может быть, неужели, исключено, нереально, нет нельзя.

Взаимозаменяемость. В рассматриваемой конструкции возможна взаимозамена местоимений, так как они сохраняют свою указательную функцию, что подтверждается наличием обращений. Однако есть и стилистические ограничения: использование

Вы-формы не в официальной ситуации общения возможно для выражения сильной степени удивления при разговоре с хорошо знакомым человеком, который может быть старше по возрасту, но не по социальному статусу.

Особенности перевода. Заметим, что, когда значение выражается эксплицитно, с помощью лексических средств, проблем с переводом не возникает, если же значение выражено имплицитно, могут быть сложности. В этом случае данные конструкции либо не переводятся вообще, и тогда теряется стилистическая окрашенность высказывания (1), либо их значения передаются соответствующими лексическими средствами (2):

(1) – *Да ты что, на самом деле вольный, что ли?* / – *Ma sei un libero o che altro?* (V. Shalamov. I racconti di Kolyma <Marco Binni>);

(2) – *Гришаня ты мой! – Да ты что в самом деле?* / *O mio Griscinka! – Ma, e che sei matta?* (M. Gorkij. I coniugi Orlof <Eugenio Wenceslao Foulques>); – *Да ты что же!* – *крикнул вдруг Разумихин, как бы опомнившись и сообразив... / «Ma che ti salta in mente!» grido a un tratto Razumìchin...* (F. Dostoevskij. Delitto e castigo <Giorgio Kraiski>).

Итальянская фраза часто начинается с противительного союза *ma* (но), с помощью которого в неформальном общении вводятся восклицательные конструкции, выражающие возражение, досаду.

Да что ты/Вы.

Используется как ответная реплика для выражения: 1) удивления с оттенком недоверия, 2) недоумения, 3) возражения, несогласия, 4) возмущения, 5) просьбы не беспокоиться (этикет).

1) удивление + недоверие

– *Да что ты?! Ей и семидесяти не дашь!* (В. Тучков. Прибытие поезда);

– *Да что вы, миссис Пурди, неужто сдали?* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»)

2) недоумение

Так же, как *Да ты/Вы что* выражает недоумение по поводу действий или поведения кого-либо. В этом случае часто добавляется глагол:

– *Да что ты дерешься!* *Говорю тебе – у него всё хорошо!* (А. Геласимов. Дом на Озерной).

Вместо глагола возможно употребление творительного падежа местоимения *свой* и существительного: – *Да что ты опять со своим музеем, – вскипел Сергей Сергеевич, – чего музей?*

3) возражение, несогласие

– *Говорят, дрались с Мезенцовым из-за нее? – Да что вы, не было этого...* (А. Терехов. Каменный мост).

Для энергичного выражения возражения часто используется повтор:

– *А теперь это, может, так принято. – Да что ты, что ты! Ты не понимаешь психологии чиновника: <... >* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру); – *Да что вы, что вы, майор! Как вам такое в голову могло прийти <... >* (В. Аксенов. Таинственная страсть).

4) возмущение

От этого ей становилось не по себе, и она возмущалась: – Да что ты в самом деле? (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); – А начальник ваш, наверное, патриарх всяя Руси? – Да что вы! – возмущается старушка (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов).

Синонимы: *ну надо же, вот тебе раз, ужасели, перестань.*

Взаимозаменяемость. Возможна взаимозамена *ты*-/*Вы*-форм, так как это реакция не на какой-то объективный факт, а на слова/действия собеседника.

5) не стоит беспокоиться, не стоит благодарности

Особое значение эта конструкция приобретает в речевом этикете, где употребляется в ответ на благодарность или извинение как просьба не беспокоиться. Более частотна *Вы*-форма, обусловленная высокой степенью вежливости:

Я им: да что вы, не надо, у нас все есть (С. Соловьев. Барка);
– *Прости! – Да что ты! Что ты!* (В. Шапко. Время стариков)

Заметим, что здесь невозможна замена на конструкцию с препозицией местоимения, видимо, в силу того, что основная ее функция – выражение удивления: – *Прости! – Да ты что, ты что!* *

Особенности перевода. Значение недоумения (2) обычно переводится на итальянский язык вопросительными конструкциями со словом *Почему?* (*Perché?*):

– *Да что вы такой fuss делаете?* / – *Ma **perché** fate un tale fuss?*
(L. Tolstoj. Anna Karenina <Maria Bianca Luporini>)

В других значениях для перевода, как правило, используется глагольная конструкция *Да что ты говоришь?* / *Да что Вы говорите?* (*Che dici/ Che dite*):

– *Хочешь колбаски?* – *Да что ты.* / – *Vuoi un po' di salame?* – *Ma no, **che dici**...*; – *Так это целый день стоять!* – *Да что вы.* *Тут быстро отпускают.* / *Ma così c'è da stare in coda tutta la giornata!* – *No, **che dite**, qui si spicciano presto* (V. Sorokin. La coda <Ilaria Sara Riccio>).

Иногда данные словосочетания просто остаются без перевода:

– *Да что вы ...*
что... кто убийца? – *пробормотал Раскольников едва слышно.* / “*Che cosa ...? Chi è un assassino?*” *mormorò Raskòlnikov con voce appena percettibile* (F. Dostoevskij. Delitto e castigo <Giorgio Kraiski>).

Ну что ты/Вы

В некоторых своих значениях является функциональным синонимом *Да что ты/Вы*, что подтверждается одинаковым переводом на итальянский язык.

1) недоумение

Обычно переводится вопросом со словом *Почему?* (*Perché?*) или *Что ты делаешь?* (*Che fai?*):

– *Ну что ты его трогаешь?* – *сказал Обломов.* / «***Perché** ce l'hai con lui?*», disse Oblomov (I. Goncarov. Oblomov <Argia Michettoni>); – *Ой... Ну, что ты, как пьяный! Дурачок...* / – *Oi... Ma **che fai?** Sembri un ubriaco! Scemo...* (V. Sorokin. La coda <Ilaria Sara Riccio>)

2) возражение, несогласие

На наш взгляд, данная частотная конструкция, в отличие от *Да что вы*, обладает меньшей степенью категоричности:

– *А по мне – пустая формальность.* – *Ну что вы, что вы!* *Для меня ее мотивы очень убедительны.* / «***Mentre per me è una vana formalità.***» –

«**Ma no, che dice!** A me le ragioni di Nina sembrano molto convincenti» (L. Ulickaja. Funeral party <Emanuela Guercetti>).

3) возмущение

Обычно переводится соответствующими лексическими средствами, например, *Это просто стыд!*:

Ну что вы это говорите, подумайте сами!/*Semplicemente una vergogna!* (N. Gogol'. Anime morte <Paolo Nori>)

4) не стоит благодарности

– *Не стоит благодарности, тетя Катя, ну что ты* (М. Зосимкина. Ты проснешься); – *Вы его невестке купили квартиру, он вас очень хвалил...* – **Ну что вы!** – сказал я. – *О чем говорить!* (А. Волос. Недвижимость)

5) сочувствие, просьба успокоиться

Резо дрожал и повизгивал. – Ну что ты?! Что ты?! – успокаивала его Аня. – Ну, будь же мужчиной! (С. Довлатов. Наши); – **Ну что вы, а?** – Корнилов рывком подскочил к нему, схватил за плечи, обнял и даже всхлипнул... (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей)

Таблица 2

Контекстуальные значения конструкций с *ты-/Вы-*формами

Значения: удивление +	Конструкции		
	<i>Да ты/Вы что</i>	<i>Да что ты/Вы</i>	<i>Ну что ты/Вы</i>
недоверие	+	+	–
недоумение	+	+	+
возражение	+	+	+
возмущение	+	+	+
испуг	+	–	–
интерес	+	–	–
радость	+	–	–
не стоит беспокоиться	–	+	+
сочувствие	–	–	+

Как показал анализ, во многих рассмотренных конструкциях возможна взаимозамена местоименных форм. Однако существует также ряд клишированных конструкций с *ты*-формой, которые не имеют коррелята с *Вы*-формой. Они уже неоднократно рассматривались в лингвистической литературе, как в словарях⁸, так и при описании коммуникативов и вторичных междометий (см., например [Шаронов 2008; Шаронов 2015; Шаронов 2017; Добрушина 1995] и др.). Учитывая ограниченный объем публикации, остановимся только на некоторых из них и на особенностях перевода на итальянский язык.

Ну что ты скажешь

Данную конструкцию можно рассматривать как риторический вопрос со значением: *сказать здесь/по этому поводу нечего*, – который в прямом значении обычно употребляется с обращением или с дополнением (о чем?). Основное значение удивления сопровождается выражением сожаления из-за невозможности изменить что-либо: – *Не идут на кровать, – сокрушенно бормотал дедушка. – Ну что ты скажешь! Одна мелочь* (В. Катаев. Белеет парус одинокий).

Синонимы: *удивительно, странно, но ничего не поделаешь*.

Особенности перевода. При переводе прибегают к лексическим средствам, обычно глаголам с соответствующим значением, однако встречаются и неадекватные варианты перевода, когда эту конструкцию переводят как прямой вопрос, обращенный к собеседнику, при этом значение сожаления пропадает:

У меня большое горе, господин Комаровский, опомнитесь, мне сейчас не до шуток. Кока, Кокочка, ну что ты скажешь! На отца твоего... / Soffro troppo per aver voglia di scherzare, signor Komarovskij. Koka, Kòkochka, hai sentito? Contro tuo padre... (B. Pasternak. Il dottor Zivago <Pietro Zveteremich>)

Вот тебе (и) на, Вот тебе (и) раз

Употребляются для выражения «удивления по поводу чего-либо неожиданного»⁹, осложненного значением досады, часто во внутренних диалогах.

⁸ Молотков А.И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. М., 1986. С. 80–81.

⁹ Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка, М.: Астрель: АСТ. URL: <https://rus-phraseologydict.slovaronline.com/> (дата обращения 1 февраля 2024).

Синонимы: *надо же, ничего себе.*

Особенности перевода. При переводе данная конструкция либо игнорируется переводчиком (1), либо передается с помощью экспрессивных средств, используемых иронически для выражения досады с добавлением интенсификаторов (*sì che è*) и прилагательных положительной оценки (*buona*/хорошая; *bella*/красивая, прекрасная), что можно перевести как *хорошенькое дельце/дело* (2):

- (1) **Вот тебе на**, думаю, хороша у вас чистота. / *Che sporcizia! pensai* (А. Сечов. Racconti <Fausto Malcovati>).
- (2) – Денег? **Вот тебе на!** Да из твоих же собственных. / *Con che soldi? Questa sì che è buona! Con i tuoi* (F. Dostoevskij. Delitto e castigo <Giorgio Kraiski>).
– Я сегодня вечером разнесла всю его квартиру. – **Вот тебе раз!**
А зачем же? / *Questa sera gli ho devastato tutto l'appartamento.* –
О bella! E perché poi?.. (М. Bulgakov. Il Maestro e Margherita <Vera Dridso>).

Кроме рассмотренных выше средств, в диалогах часто употребляются экспрессивные реплики с *ты-*формами в качестве вторичных эмоциональных междометий: *Иди ты* (удивление, недоверие), *Ух ты!* (удивление, изумление), *Фу ты!* *Фу-ты*, *ну-ты!* (удивление, досада, раздражение), *Тьфу ты!* (неудовольствие, досада, разочарование), *Эх ты!* (упрек, укоризна, насмешка)¹⁰, а также устаревшие *Поди ж ты*, *Вишь ты* (неудовольствие, досада, удивление). В данных конструкциях невозможна замена на *Вы-*форму, так как местоимение выполняет роль клитики, указание на адресата отсутствует [Добрушина 1995; Шаронов 2008]. На наш взгляд, исключение составляет выражение *Эх ты!*, в котором местоимение в некоторых ситуациях все-таки сохраняет указательную функцию:

Эх ты, ворона! (Л. Андреев. Что видела галка);

Николай укоризненно покачал головой и сказал: «Эх вы, горе-пова-ра!» (А. Чехов. Мужики).

Основные результаты исследования

Как показало проведенное исследование, в клишированных конструкциях с *ты-/Вы-*формами в роли ответных диалогических

¹⁰ Ефремова Т.Ф. Толковый онлайн-словарь русского языка. URL: <http://onlinedic.net/efremova/index.php> (дата обращения 1 февраля 2024).

реплик в русском языке не наблюдается полной симметрии в употреблении данных форм. Более богатый набор средств и значений представлен *ты*-формами, что, вероятно, объясняется сферой их употребления – они характерны для разговорной речи, в которой преобладает обращение «на ты», а также тем, что они могут функционировать в роли эмоциональных вторичных междометий. Местоимения *ты* и *Вы* взаимозаменяемы не всегда и не во всех значениях. Рассматриваемые конструкции можно разделить на две группы: 1) конструкции с десемантизированными местоимениями, которые являются коммуникативами, клитиками; 2) конструкции с *ты/Вы*-формами, сохраняющими функцию указания на адресата. В первой группе замена одной формы на другую невозможна, а во второй взаимозамена допускается.

Что касается проблем перевода данных конструкций на итальянский язык, то рассматриваемые средства представляют определенные трудности для переводчика. При переводе значение данных форм обычно передается: 1) частицей или междометием, если значение соответствует русскому; 2) лексическими средствами при отсутствии семантического коррелята; 3) не переводится. Для выбора адекватной местоименной формы не только при употреблении, но также и при переводе необходимо точное понимание контекста, коммуникативной ситуации. Перевод экспрессивных средств сам по себе представляет большие трудности, а здесь еще добавляется сложность определения значения данных конструкций в конкретном контексте. Таким образом, иностранцу предстоит преодолеть сразу две трудности: понимание и подбор эквивалента в родном языке. При отсутствии интонации единственным средством, помогающим определить значение эмоции, является контекст. Когда в предложении (узкий контекст) присутствуют лексические средства (часто глаголы или наречия), называющие эмоцию, не составляет большого труда понять ее значение, если же таких средств нет, требуется более широкий контекст (на уровне текста). К сожалению, переводчики не всегда справляются с этой задачей.

Результаты проведенного исследования могут представлять интерес для итальянцев, изучающих русский, а также для переводчиков.

Источники

Евгеньева А.П. (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. URL: [http:// feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp](http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp) (дата обращения 1 февраля 2024).

- Ефремова Т.Ф.* Толковый онлайн-словарь русского языка. URL: <http://onlinedic.net/efremova/index.php> (дата обращения 1 февраля 2024).
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://endic.ru/kuzhnev/T-73812.htm> (дата обращения 1 февраля 2024).
- Молотков А.И.* (ред.). Фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. М., 1986. 543 с.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3. изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
- Ожегов 2012 – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 24-е изд., испр. М.: АСТ, 2012. 896 с.
- Тришин (2013) – *Тришин В.Н.* Словарь синонимов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения 1 февраля 2024).
- Ушаков Д.Н.* (ред.). Толковый словарь русского языка. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us138108.htm?cmd=0&istext> (дата обращения 1 февраля 2024).
- Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 1 февраля 2024).

Литература

- Баранов, Добровольский 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Добрушина 1995 – *Добрушина Н.Р.* Словарное представление междометий // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 47–66.
- Казачихина 2008 – *Казачихина И.А.* Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 26 (60). С. 115–119.
- Киприянов 1983 – *Киприянов В.Ф.* Проблема теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983. 103 с.
- Колокольцева 1999 – *Колокольцева Т.Н.* Антропоцентризм диалога // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999. С. 114–125.
- Кустова 2012 – *Кустова Г.И.* Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 349–366.
- Кэтфорд 1978 – *Кэтфорд Дж.К.* Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 91–114.
- Нистратова 2022 – *Нистратова С.Л.* Особенности функционирования *ты-/Вы-*форм в русской и итальянской лингвокультурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1 (8–2). С. 266–280.

- Формановская 1987 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
- Шаронов 2008 – *Шаронов И.А.* О скрытых признаках производных междометий // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2008. С. 223–237.
- Шаронов 2015 – *Шаронов И.А.* Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка. Гл. 5 // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 145–187.
- Шаронов 2017 – *Шаронов И.А.* Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114–127.
- Шаронов 2018 – *Шаронов И.А.* Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 58–68.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology], Znack, Moscow, Russia.
- Dobrushina, N.R. (1995), "Dictionary representation of interjections", *Rusistika segodnya*, no. 2, pp. 47–66.
- Formanovskaya, N.I. (1987), *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Russian speech etiquette. Linguistic and methodological aspects], 2nd ed. Russkii yazyk, Moscow, USSR.
- Kazachikhina, I.A. (2008), "Communicatives as an object of description in a dictionary-type guide", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 60, no. 26, pp. 115–119.
- Catford, J.C. (1978), "A linguistic theory of translation", *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR, pp. 91–114.
- Kipriyanov, V.F. (1983), *Problema teorii chastei rechi i slova-kommunikativy v sovremennom russkom yazyke* [The issue of the theory of parts of speech and communicative words in the modern Russian language], Moscow, USSR.
- Kolokol'tseva, T.N. (1999), "Anthropocentrism of dialogue", *Voprosy stilistiki* [Stylistics issues], iss. 28, Saratov, Russia, pp. 114–125.
- Kustova, G.I. (2012), "On illocutionary phraseology", *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvaushchie suyzhety: Sbornik statei v chest' 80-letiya I.A. Mel'chuka* [Meanings, texts and other exciting stories. Collection of articles commemorating the 80th anniversary of I.A. Melchuk], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 349–366.
- Nistratova, S.L. (2022), "Specific characteristics of Ty-/Vy-forms in Russian and Italian language and cultures", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 266–280.

- Sharonov, I.A. (2008), "On the hidden features of derived interjections", *Skrytye smysly v yazyke i kommunikatsii* [Hidden meanings in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 223–237.
- Sharonov, I.A. (2015), "Search and description of communicatives based on the national corpus of the Russian language", Zabolotkina, V.I. (ed.), *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod* [Methods of cognitive analysis of word semantics. Computer-corpus approach], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 145–187.
- Sharonov, I.A. (2017), "Communicatives in real and fiction dialogues", *Ecology of Language and Communicative Practise*, no. 3, pp. 114–127.
- Sharonov, I.A. (2018), "Parenthetical words and communicatives: Semantic and pragmatic aspects of description", *Tomsk State University Journal, Philology*, no. 51, pp. 58–68.

Информация об авторе

Светлана Л. Нистратова, кандидат филологических наук, доцент, Университет Ка'Фоскари, Венеция, Италия; 30123, Италия, Венеция, Ca'Bernardo, Dorsoduro, 31996; nistra@unive.it

Information about the author

Svetlana L. Nistratova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, University of Venice Ca'Foscari, Venice, Italy; Ca'Bernardo, Dorsoduro, 31996, Venice, Italy, 30123; nistra@unive.it

Не то слово! –
подтверждение или опровержение?

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfyoiux@yandex.ru*

Аннотация. Работа выполнена в русле грамматики диалога, исходным понятием которого выступает интеракция – акт речевого взаимодействия его участников. Речевые действия собеседников могут быть оформлены диалогическими клише, в которых выражается, в частности, отношение к сообщаемому, комментирование мнения собеседника, эмоциональная оценка. В статье исследуются примеры употребления диалогического клише *Не то слово!* в сопоставлении с другими близкими выражениями (*И не говори(те)!* и *Да уж!* Все три выражения представляют собой дискурсивные формулы согласия говорящего с мнением, высказанным собеседником. Однако их особенность в том, что формально первые два оформлены как отрицательные реплики опровержения или запрета, но подразумевают подтверждение общего смысла предыдущего высказывания, в то время как третье, содержащее маркер подтверждения, предполагает наличие негативно-иронической коннотации. При этом для выбора подходящего клише имеет значение оценка содержания исходного сообщения как положительного или отрицательного. Экспериментальное пилотное исследование по восстановлению пропущенных клише на материале текстов диалогов позволяет уточнить эти наблюдения.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, грамматика диалога, интеракция, диалогические клише, *Не то слово!*, *Не говори!*, *Да уж!*

Для цитирования: Федорова Л.Л. *Не то слово! – подтверждение или опровержение?* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 8. С. 100–113. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-100-113

*Ne to slovo! (Wrong word!) –
confirmation or refutation?*

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lfvoux@yandex.ru*

Abstract. The work was carried out in line with the grammar of dialogue, the initial concept of which is interaction – the act of exchanging speech actions of its participants. The speech actions of the interlocutors can include dialogical cliché, which express, in particular, the attitude to the reported content, the comments on the interlocutor's opinion, emotional appraisal. The paper aims to investigate the use of a dialogical cliché “*Ne to slovo!*” (‘Wrong word!’) in comparison with two other similar expressions “*Ne govori(te)*” (‘Don’t tell me!’), “*Da uzh*” (‘Yes indeed’). All three expressions are discursive formulas of the speaker’s agreement with the opinion expressed by the interlocutor. However, their peculiarity is that formally the first two are designed as negative remarks of refutation or prohibition, but imply confirmation of the general meaning of the previous statement, while the third, containing a confirmation marker, assumes the presence of a negative and ironic connotation. For choosing an appropriate cliché, it is important to evaluate the content of the previous message as positive or negative. An experimental pilot study on the restoration of missing cliché, based on the material of dialogue texts, allows to refine those observations.

Keywords: linguistic pragmatics, grammar of dialogue, interaction, dialogical clichés, *Ne to slovo!* (‘Wrong word!’), *Ne govori!* (‘Don’t tell me!’), “*Da uzh*” (‘Yes indeed’)

For citation: Fedorova, L.L. (2024), “*Ne to slovo! (Wrong word!) – confirmation or refutation?*”, *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 100–113, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-100-113

- А как окружной прокурор, удивился?
 – Не то слово! Он был так ошеломлен моим объяснением всех деталей дела, что вложил сигару в рот не тем концом и обжег себе губы. И Мейсон расхохотался, вспоминая лицо Гамильтона Бюргера¹.
Э.С. Гарднер. Дело о племяннице лунатика

Введение

Выражение *Не то слово!* с определенной интонацией и эмфатическим ударением на *слово* несет в себе сильный экспрессивный заряд, который характерен для неформального общения и способствует поддержанию диалога. Оно является реакцией на высказанное предположение и относится одновременно и к его содержанию, и к форме речи, вернее, к оформлению диалогической реплики. Его можно отнести к репликам эмоционального воздействия – обращенное к собеседнику, оно может выполнять функцию экспрессивного подтверждения, согласия с мнением или догадкой собеседника. Подобные эмфатические реплики часто приобретают идиоматический, устойчивый характер (*Да что вы говорите!; Я тебя умоляю!; И не говори!*), при этом в буквальном прочтении их смысл может быть понят иначе.

Обсуждение

Реплики диалога естественно рассматривать как акции и реакции собеседников, составляющие акт речевого взаимодействия, или интеракцию; в них наряду с сообщением информации осуществляются разнообразные способы воздействия на собеседника, различающиеся по характеру и иллокутивной силе как акты просьбы, разрешения, согласия, возражения, предложения, совета, приказа, жалобы, приглашения, пожелания, поздравления, эмоциональной и этической оценки (одобрения, порицания и проч.). Обмен речевыми действиями (интеракция, акция вместе с реакцией/реакциями на нее) и представляет собственно элементарный диалог. Содержание

¹ Перевод П. Рубцова. Оригинальный текст: “Was the district attorney flabbergasted?” she asked. “So damned flabbergasted he listened to me explaining the clues in the case to him in the Judge’s chambers and stuck his cigar back in his mouth wrong end to, and burnt his mouth out of shape”, Mason said, chuckling delightedly as he recalled the spectacle. “The Case of the Sleepwalker’s Niece”, E.S. Gardner.

диалога составляет предмет речи, а содержание собственно речевых действий его участников – воздействие, выражение воли и мнений [Федорова 2010]. Предмет речи соотносится с ситуацией, о которой идет речь (факт речи), речевые действия – с ситуацией общения (акт речи); внеречевая ситуация (о которой речь) как бы вложена в ситуацию общения – таким образом, формируются два референтных плана диалога [Федорова 1983]. Языковое оформление ситуации общения – обращения, перформативы, вводные обороты комментирования, эмоциональные реакции – является как бы метатекстовой рамкой для основного текста [Федорова 2005]. Среди метатекстовых элементов, связанных с комментированием речи и выражением реакции на ее содержание и форму, нередко используются лексемы, обозначающие речь: *говорить, сказать, слово* и др. Они входят в ряд клишированных выражений, которые могут выступать как самостоятельные реплики или быть их частью: *(И) не говори!, Что и говорить, Да что вы говорите!, Как сказать!, Не то слово! к слову сказать, честно говоря, короче говоря, по правде сказать/говоря* и др.

Создавая акцент на самом речевом действии, они соотносят реплику говорящего с ситуацией общения, отмечая шаги в развитии диалога, и тем самым содействуют общению – иногда и в плане чисто формальном в соответствии с принципом кооперации П. Грайса. Такой подход к изучению средств комментирования развивается в грамматике диалога (см. также [Федорова 1988; Федорова 2007; Диалогическая лингвистика 2019]).

В функционально-лексическом плане, как эмфатические средства разговорной речи, диалогические клише описывает И.А. Шаронов, выделяя классы *коммуникативов* – ответных реплик, выражающих речевую интенцию, эмоцию и основанных на служебных и десемантизированных частях речи [Шаронов 1997; Шаронов 2015]. Клише также характеризуются в плане фразеологии [Баранов, Добровольский 2008] как экспрессивные идиоматические обороты – *речевые формулы*. В синтаксическом отношении устойчивые формулы речи анализирует В.Ю. Меликян как *фразеосхемы*². В Прагматиконе³ – рабочем ресурсе Национального корпуса русского языка, представляющем базу данных по устойчивым формулам ответных реплик, подобные единицы рассматриваются как

² Меликян В.Ю. Словарь устойчивых фраз русского языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 336 с.

³ Yaskevich A., Bychkova P., Koziuk E., Rakhilina E., Slepak E., Utkina A., Zhukova S., Zotova T. The Russian Pragmicon: An electronic database of the Russian pragmatic constructions. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru> (дата обращения 20 января 2024).

дискурсивные формулы; они связаны в анализе со стимулирующими репликами. Как маркеры предшествующих речевых актов, они обладают ярко выраженной прагматической функцией: одни формулы являются реакцией на императивные речевые акты определенного типа (просьбы, предложения, запреты и проч.), другие – на мнения [Рахилина и др. 2021; Яскевич и др. 2022].

При этом лаконичные формы диалогических клише могут рассматриваться как свернутые комментарии, смысл которых требуется восстановить.

Анализ корпусных данных

Нас интересует функциональная и семантическая нагрузка таких устойчивых единиц – те смыслы, которые заключены в них как идиомах и которые служат стратегии поддержания диалога. В этом плане рассмотрим выражение *Не то слово!*, обращаясь к анализу корпусных данных.

Исходный смысл выражения вытекает из его буквального прочтения – ‘неправильное слово’: кто-то сказал что-то не так, и на это реагирует говорящий (примеры (1) и (2)):

- (1) (Панас (Андрей Сова, муж, 51, 1912)) *Все спешат/ нервничают/ иной раз у шофёра не то слово сорвётся* (Алексей Мишулин, Николай Литус, Павел Лубенский. Королева бензоколонки, к/ф (1963)).
- (2) *Конечно, есть слабости: так иногда заторопится, скоро скажет, не то слово скажет, которое нужно, то есть не лжет, ты не думай...* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859))

Или говорящий выражает опровержение высказанного или сложившегося мнения:

- (3) *“Пандемия” – не то слово, с которым можно обращаться легко-мысленно, заявил гендиректор ВОЗ* (Пандемия: как распространяется коронавирус // Vesti.ru, 2020.03.15).

Здесь выражение является не выделенной идиомой, а входит в состав предложения как его полноценная часть. Но чаще оно выделено в самостоятельную позицию, когда говорящий отмечает неприменимость, неуместность, неточность употребления какого-то слова в речи. Это могут быть ситуации поиска наилучшего

способа выражения (4) или оценки использования слова в чужой речи (5).

- (4) (И-26, муж, 40, 1964, продавец) *Мастерство Бунина, наверно, заключается в том,/ что он/ даёт почувствовать/ русскому читателю его русскую душу,/ его/ русскую –// судьбу, **наверно, не то слово** –// русское стечение/ обстоятельств/ жизни.// Текст/ совершенно мастерский...* (Спонтанный пересказ художественных текстов (2004)).

В этом примере из устного корпуса НКРЯ метатекст самокомментирования вклинивается в основную ткань высказывания: говорящий поправляет себя в поисках нужного слова.

Особенность употреблений в примерах (3) и (4) в том, что это утверждения, которые выражают опровержение сложившегося мнения или предыдущего высказывания, т. е. в них присутствует буквальный смысл – отрицательная оценка сказанного (говорящим в собственной речи).

С другой стороны, в идиоматичном употреблении в диалоге данное выражение может трактоваться как согласие с высказанным мнением или предположением – его подтверждение по смыслу, но не по форме, которая требует, возможно, более сильных выражений. Так, пример (5) отвергает как неудачные попытки подобрать нужное слово собеседником, усиливая негативный смысл догадки ('очень обидел'); а примеры (6) и (7), подтверждая предположение собеседника, усиливают его скорее в унисонно положительном ключе.

- (5) (№ 2, муж, 23, 1984) *Я шучу. Я тебя разозлил? Или обидел?*
(№ 1, жен, 19, 1988, студент) **Не то слово.**
(№ 2, муж, 23, 1984) *Я чувствую/ что ты немного обижаешься/ прости.*
(№ 1, жен, 19, 1988, студент) *Немного? Ну у каждого свое мнение/ зачем ты извиняешься за то/ что так считаешь.* (Телефонные разговоры московских студенток (2007)).
- (6) – *На сцене все еще испытываете волнение?* – **Не то слово!** *Особенно если идет прямая трансляция по радио* (Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15).
- (7) *Но ведь Андрей очень милый...* – **Не то слово!** – *перебила я. – Обаятельный, мягкий, воспитанный* (Н.В. Нестерова. Неподходящий жених (2013))

Смысл этого выражения ‘неточное слово’ связывается, таким образом, с его местом во фразе, с различием «монологического» и «диалогического» его употребления. Функция буквального использования – утверждение неуместности либо исправление речевой неточности или ошибки, функция идиомы – экспрессивное подтверждение мнения или догадки, требующих более сильных выражений. Можно отметить утверждение неуместности – в примерах (1), (2) и (3), исправления «неточного» слова – в примере (4): *русская судьба – русское стечение обстоятельств*; но очевиден акцент на эмфатическом усилении в (5) и (6), где подразумевается смысл ‘очень, более того’, и с соответствующими заменами на «то́ слово» в (7): *милый – обаятельный, мягкий, воспитанный*; также в эпиграфе из перевода Э.С. Гарднера: *удивился – был ошеломлен* (в английском оригинале нет дискурсивной формулы, но есть интенсификатор: *flabbergasted – so damned flabbergasted* ‘ошеломлен – так чертовски ошеломлен’).

В идиоматичном употреблении отрицательная форма реплики играет роль не опровержения, а экспрессивного подтверждения сказанного, активного согласия и порой выражения сочувствия, как и в формуле *И не говори(те)!* (по смыслу: *так оно и есть!* и даже: *более того!*). Она как бы убеждает говорящего в правильности его догадки и добавляет пояснения.

(8) – *Шуму много? – спросил он в тоске. – Не то слово! С двенадцати часов народ как с цепи сорвался* (Евгений Лукин. Грехи наши тяжкие (2013)).

(9) – *Вы знаете Петю?! – Не то слово. Мы школьные друзья* (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)).

Говорящий «риторическим опровержением» как бы отрицает форму сообщения, в то же время подтверждая его смысл и усиливая его более подходящим словом или развернутым пояснением.

В близком значении используются формулы *И не говори(те)!* и *Да уж!*

Формула *И не говорите!* исследовалась в своих дискурсивных характеристиках в сопоставлении с формулой *Не скажи!* в работе [Рахилина и др. 2019], где было прослежено формирование идиоматических значений из буквальных употреблений по ранним художественным текстам.

В формуле *Да уж!* оценка представляется не вполне определенной: хотя она и содержит показатель подтверждения, чувствуется изрядная доля недоверия предшествующему высказыванию. Словарное ее определение, впрочем, этого не отмечает:

да уж. межд. разг. Возглас, выражающий усиленное подчеркивание того, о чем шла речь⁴.

Однако негативную оценку отмечает Прагматикон, в котором присутствуют все три выражения как дискурсивные формулы согласия – с близкими, но различающимися характеристиками (табл. 1).

Таблица 1

Дискурсивные формулы в диалоге
(фрагмент таблицы из [Рахилина и др. 2021, с. 17])

Собеседник	Говорящий	ДФ согласия
Мнение (Р)	полностью солидарен с Р	<i>Не то слово, Вот-вот</i>
Мнение (Р)	подтверждает и негативно оценивает Р	<i>Да уж. Не говори</i>

Можно сопоставить корпусные данные по этим трем формулам.

«**Не то слово**» (между любыми знаками препинания) – в НКРЯ в основном корпусе 209 примеров, в соцсетях (без ограничения на знаки препинания) – 159 (не идиоматичные примеры единичны).

«**И не говори/те**» (между любыми знаками препинания) – 145 примеров в основном корпусе, 83 примера в соцсетях (поиск на «**Не говори/те**» в тех же условиях не показателен из-за значительной омонимии с буквальным прочтением, однако мог бы по меньшей мере удвоить цифры):

(10) *Из танков стреляют! – **И не говори**, – вяло соглашаюсь я. – А что там по телевизору показывали вечером?* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013))

(11) *Такое совпадение! – **И не говори**, – соглашалась Лариса. – Просто удивительно* (Марина Полетика. Однажды была осень (2012))

«**Да уж**» (между любыми знаками препинания) – 689 примеров в основном корпусе (576 после тире), 131 в соцсетях:

(12) – *Вот чудесно, – сказал Штрум, – мы уж соскучились, привыкли в Казани встречаться каждый день. – **Да уж**, каждый день, – сказал Соколов. – По-моему, Маша к вам по три раза в день заходила* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960))

⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

- (13) – *Но когда же вы спите? – Да уж, сплю! Спать я буду, когда завершу образование* (vk (26.03.2016)).
- (14) – *Вот ты даже не понял, что это арфа, а я знаю. <...>. – Там же столько струн! И всех их нужно знать! – Да уж, это тебе не гитара с 7 струнами!* (vk (17.04.2016))

Цифры, хотя и относительны, показывают сопоставимые значения для трех диалогических клише и их значительную частоту в соцсетях.

На основе анализа примеров предварительно вырисовывается такая картина:

И не говори – ‘то, что ты говоришь, верно, но это для меня тяжело, сложно, я разделяю твои негативные чувства’, т. е. обычно о чем-то отрицательном или с осуждением. Но возможно и без негативных коннотаций (в (11)).

Не то слово – чаще о чем-то как о положительном, подтверждение мнения, которое еще усиливают в дальнейшем уточнении.

Да уж – сомнение в оценке собеседника или подтверждение чего-то отрицательного или сложного, но недооцениваемого собеседником. Ирония при этом может менять внешнее подтверждение на отрицание и несогласие.

Эксперимент

Для того чтобы проверить эти предположительные толкования и оценить функциональное и смысловое различие близких формул *Не то слово!*, *(И) не говори!*, *Да уж* – был проведен пилотный эксперимент.

Студентам были предложены фрагменты диалогов из корпусов НКРЯ – устного, основного, соцсетей, – из которых были изъяты эти клише. Предлагалось вставить в контекст наиболее подходящие из этих трех клише и прокомментировать, видят ли они подтверждение/согласие или опровержение/несогласие, отрицательную/положительную оценку, замечают ли иронию.

Результаты эксперимента показаны в таблицах 2–4.

Таблица 2

Пропущено **Не то слово!**

	Исходный текст	Оценка студентов
1	– Ну всё хорошо, нравится, да? – Ой, _____, очень нравится.	Не то слово , 80%. Не говори 20%. Подтверждение положительной оценки, ее преувеличение.
2	– Ева, ты нас утомила. – _____! За один день она измучила нас будто за сто веков, болтушка	Не то слово 60% , Не говори 30%. (Разговор трюх). Подтверждение отрицательной оценки. Ирония.
3	– Сегодня мне сынок звонил, поделился впечатлениями от отдыха. столько счастья в голосе – здорово!!!! – _____, сердце аж сжимается от счастья за него	Не говори 60%, Не то слово 40%. Подтверждение положительной оценки, ее преувеличение

Таблица 3

Пропущено **(И) Не говори!**

	Исходный текст	Оценка студентов
1	– Рит, да чтобы выучить все магазины в Сити парке нужно пару недель потратить – _____. Я за раз тока декатлон осилила	И не говори! 60%, Да уж 40% . Согласие с оценкой трудности (отрицательной); неодобрительно.
2	– Ох, и шумное у тебя хозяйство! – _____. Под вечер голова кругом идет	И не говори! 50% , Да уж 50%. Согласие с оценкой трудности (отрицательной); неодобрительно.
3	– Представляю, как они вас любят... – _____. Трепетно обожают.	Не то слово 70%, Не говори 15%, Да уж 15%. Все отметили иронию.

Таблица 4

Пропущено *Да уж*

	Исходный текст	Оценка студентов
1	– Но не ради него же нам сунули австралийские бумаги? Уж он-то прекрасно знает, какие мы австралийцы – пробы негде ставить... – _____, конечно, не ради него	Да уж 100%. Подтверждение отрицательной информации, отрицательной оценки; все отметили иронию (сарказм)
2	– А вы, как я вижу, ненавидите этого Л. – Я еще кой-кого ненавижу, но об этом неинтересно говорить. – _____, конечно, чего тут интересного!	Да уж 90%. Согласие с отрицательной оценкой. Неодобрительно.
3	– Это, конечно, не конец света, но ситуация неприятная – _____. Как-то прям неприятно.	Да уж 80%. Не говори 20%. Подтверждение отрицательной оценки.
4	– Как в кино. – _____. Тот еще детектив	Да уж 60%. Не говори 30%. Подтверждение отрицательной оценки. Ирония.

Предварительное обобщение результатов

Проведенный эксперимент показывает, что три диалогических клише – *Не то слово!*, *Не говори!* *Да уж!* – в предложенных контекстах выражают подтверждение/согласие и могут быть иногда взаимозаменяемы (что показывают ответы), но различаются по смысловым оттенкам и экспрессивной окраске.

Не то слово! чаще используется для согласия с высказанной оценкой или мнением, причем согласия нарочито экспрессивного, требующего усиления другим, более сильным словом или показателем интенсивности типа «очень», или же пояснения. Обычно это подтверждение положительного мнения или оценки, но может быть иное. Акцент может быть на исправлении слова, что может требовать более пространной реплики. *Не то слово!* конкурирует при этом с *Не говори!*, в котором тоже может присутствовать идея исправления неточного слова, но чаще – оценка отрицательного мнения или факта.

(И) не говори! – обычно поддерживает оценку чего-то как трудного, сложного (=отрицательного), оно направлено на поддержание контакта, на выражение сочувствия, в котором нуждается говорящий. Но может подтверждать и положительную оценку – в этом случае может заменять *Не то слово!* В своей основной функции – оценке отрицательного события – может конкурировать с *Да уж*.

Да уж – распознается легче всего, обычно через присущую ему иронию по отношению к отрицательно оцениваемому факту. Это клише часто сопровождается подтверждающим словом *конечно*, что помогает его распознаванию и подчеркивает иронический тон.

Таким образом, *Не то слово!* более акцентирует форму, (И) не говори(те) – содержание, *Да уж* – саму оценку.

Намеченные тенденции подтверждают в целом общую характеристику этих дискурсивных формул в Прагматиконе, но показывают возможность уточнений: если в Прагматиконе выделены две функциональные группы: *Не то слово!* – (И) не говори!, *Да уж*, то в проведенном анализе намечены схождения *Не то слово!* и (И) не говори! в выражении солидарности собеседнику – в отличие от *Да уж*, допускающего ироническую переоценку мнения.

Источники

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Мелиян В.Ю. Словарь устойчивых фраз русского языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 336 с. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 20 января 2024).

Yaskevich A., Bychkova P., Koziuk E., Rakhilina E., Slepak E., Utkina A., Zhukova S., Zotova T. The Russian Pragmaticon: An electronic database of the Russian pragmatic constructions. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru> (дата обращения 20 января 2024).

Литература

Баранов, Добровольский 2008 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Диалогическая лингвистика 2019 – Диалогическая лингвистика: Колл. монография / Под науч. ред. Н.Н. Шпилюной. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.

Рахилина и др. 2021 – Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: Дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.

- Рахилина и др. 2019 – *Рахилина Е.В., Плунгян В.А., Пужаева С.Ю.* «Об этом рано говорить...» // Сборник статей к 85-летию В.С. Храковского / Под ред. Д.В. Герасимова, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заики. М.: ЯСК, 2019. С. 448–462.
- Федорова 1983 – *Федорова Л.Л.* О двух референтных планах диалога // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 97–101.
- Федорова 1988 – *Федорова Л.Л.* Краткий очерк грамматики диалога // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 136–161.
- Федорова 2005 – *Федорова Л.Л.* Грамматика диалога: основные категории // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Dialog-2005 / Институт проблем информатики РАН. М., 2005. С. 482–486.
- Федорова 2007 – *Федорова Л.Л.* Теория речевой коммуникации и грамматика диалога // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. СПб., 2007. С. 103–135.
- Федорова 2010 – *Федорова Л.Л.* Диалог воли и мнений (по тексту пьесы Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен») // Логический анализ языка: моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М., 2010. С. 409–423.
- Шаронов 1997 – *Шаронов И.А.* Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1997. № 2. С. 89–111.
- Шаронов 2015 – *Шаронов И.А.* Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: ЯСК, 2015. С. 145–187.
- Яскевич и др. 2022 – *Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В.* База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2. С. 45–62.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology], Znak, Moscow, Russia.
- Fedorova, L.L. (1983), "On two reference plans of dialogue", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 46–50.
- Fedorova, L.L. (1988), "A brief outline of the dialogue grammar", *Teoreticheskie i prikladnye problemy prikladno lingvistiki* [Theoretical and practical issues of applied linguistics], Izd-vo MGU, Moscow, Russia, pp. 136–161.
- Fedorova, L.L. (2005), "Grammar of dialogue. The main categories, *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, *Trudy mezhdnarodnoi konferentsii Dialog-2005* [Computational linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference Dialog-2005], Institut problem informatiki RAN, Moscow, Russia, pp. 482–486.

- Fedorova, L.L. (2007), “Theory of Speech Communication and Grammar of Dialogue”, *Kommunikatsionnye strategii kul'tury i gumanitarnye technologii*, Saint Petersburg, Russia, pp. 103–135.
- Fedorova, L.L., (2010), “Dialogue of wills and opinions (on the text of the play by G. Gorin ‘That very Munchausen’”, *Logicheskii analiz yazyka: mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh*, Moscow, Russia, pp. 409–423.
- Rakhilina, E.V., Plungian, V.A., Puzhaeva, S.Yu. (2019), “It is too early to speak of that...”, in Gerasimov, D.V., Dmitrenko, S.Yu. and Zaika, N.M. (eds.), *Sbornik statei k 85-letiyu V.S. Khrakovskogo* [Collection of articles commemorating 85th anniversary of V.S. Khrakovskii], YaSK, Moscow, Russia, pp. 448–462.
- Rakhilina, E.V., Bychkova, P.A. and Zhukova, S.Yu. (2021), “Speech acts as a linguistic category. The case of discourse formulae”, *Voprosy Yazykoznaniiya*, no 2, pp. 7–27.
- Sharonov, I.A. (1997), “Communicatives as a functional class and as an object of lexicographical description”, *Rusistika segodnya*, vol. 2, pp. 89–111.
- Sharonov, I.A. (2015), “Search and description of communicatives based on the Russian National Corpus”, *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuternokorpusnyi podkhod* [Methods of cognitive analyses of word semantics. Corpus-computational approach], YaSC, Moscow, Russia, pp.145–187.
- Shpilnaya, N.N. (ed.) (2019), *Dialogicheskaya lingvistika* [Dialogical linguistics], AltGPU, Barnaul, Russia.
- Yaskevich, A.A., Bychkova, P.A., Slepak, E.A. and Rakhilina E.V. (2022), “Database of discursive formulas of the Russian language ‘Pragmatikon’”, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 2, pp. 45–62.

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 66 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

Речевые клише в общении православных верующих на конфессиональных интернет-форумах

Ольга А. Прохватилова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgaprokhvatilova@yandex.ru*

Аннотация. В работе раскрывается специфика функционирования речевых клише в религиозной интернет-коммуникации. В качестве материала для исследования использованы коллективные письменные прошения, составленные от имени православных храмов, монастырей, детских домов, приютов и т. п. и размещенные на сайте Благотворительного фонда «Русская береза», а также личные просьбы о помощи, авторами которых являются участники православных форумов на сайтах «Азбука веры», «Православие и мир», «Беседка» и др. Показано, что в письменных коллективных и личных просьбах о помощи, размещенных в сети Интернет, употребляются устойчивые стандартные единицы, соотносимые с речевыми жанрами «обращение», «комплимент» и «благодарность». Состав клишированных выражений определяется в первую очередь нормативными рекомендациями православного речевого этикета и включает языковые единицы, эксплицирующие религиозную семантику. Отмечено использование и обычных для обиходного и делового общения речевых формул. Речевой жанр «обращение» представлен как в коллективных письмах-прошениях, так и в личных просьбах о помощи. Речевой жанр «комплимент» актуален для писем-прошений и воспроизводится в них без исключения, тогда как в личных просьбах о помощи он вытеснен жанром «благодарность».

Ключевые слова: религиозная интернет-коммуникация, церковный речевой этикет, речевые клише, речевой жанр «обращение», речевой жанр «комплимент», речевой жанр «благодарность»

Для цитирования: Прохватилова О.А. Речевые клише в общении православных верующих на конфессиональных интернет-форумах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 114–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-114-124

Speech cliches in the communication of Orthodox believers on confessional Internet forums

Olga A. Prokhvatilova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, olgaprokhvatilova@yandex.ru*

Abstract. The paper reveals the specifics of the functioning of speech cliches in religious Internet communication. The research material used is collective written petitions drawn up on behalf of Orthodox churches, monasteries, orphanages, shelters, etc. and posted on the website of the Russian Birch Charitable Foundation, as well as personal requests for help, authored by participants of Orthodox forums on the sites ABC of Faith, Orthodoxy and Peace, Gazebo, etc. It is shown that in written collective and personal requests for help posted on the Internet, stable standard units are used, correlated with the speech genres “appeal”, “compliment” and “gratitude”. The composition of cliched expressions is determined primarily by the normative recommendations of Orthodox speech etiquette and includes linguistic units that explicate religious semantics. The use of speech formulas, which are common for everyday and business communication, is also noted. The speech genre of “appeal” is presented both in collective letters of petition and in personal requests for help. The speech genre of “compliment” is relevant for letters of petition and is reproduced in them without exception, whereas in personal requests for help it is pushed out by the genre of “gratitude”.

Keywords: religious Internet communication, church speech etiquette, speech cliches, speech genre appeal, speech genre compliment, speech genre “gratitude”

For citation: Prokhvatilova, O.A. (2024), “Speech cliches in the communication of Orthodox believers on confessional Internet forums”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 114–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-114-124

Речевые клише как устойчивые, воспроизводимые, стереотипные единицы речевой коммуникации в последние годы являются объектом разноаспектного изучения исследователей (см. об этом, например, в [Брагина 2023]). Однако состав и специфика функционирования стандартных речевых формул в религиозной сфере общения остаются практически неизученными, можно назвать лишь отдельные работы, связанные с описанием клише в некоторых жанрах (см., например: [Мухин, Ефремова 2022]).

В данной работе материалом для исследования послужили размещенные на православных интернет-сайтах письменные прошения – тексты, которые содержат просьбу. Этот жанр чрезвычайно востребован в религиозной коммуникации [Воробьева 2021; Смолина 2016]. Он составляет основу многих псалмов, молитв и притч, а также широко представлен в других типах религиозных текстов – проповедях, посланиях, прошениях. Были отобраны тексты двух видов: коллективные письменные прошения и личные (индивидуальные) прошения. Первые – составлены от имени православных храмов, монастырей, приходов, детских домов, приютов, социально-реабилитационных центров и размещены на сайте Благотворительного фонда «Русская береза». Прогшения второго вида представляют собой просьбы о помощи (чаще – просьбы о молитве), авторами которых являются участники православных форумов на таких сайтах, как «Азбука веры» (www.azbuka.ru), «Православие и мир» (www.pravmir.ru), «Беседка» (www.besedka.info) и др. Адресанты в этом случае выступают под никами, сопровождающимися, как правило, пометами «Православный христианин» или «Крещен в православии».

Религиозная коммуникация относится к институциональным типам общения [Карасик 2002], поскольку она ограничена рамками социального института церкви, где каждый из коммуникантов играет определенную социальную роль. Общение в сфере религии максимально ритуализировано и представляет собой совокупность обрядов, правил и норм, которые сопровождают тот или иной религиозный акт и составляют его внешнее оформление. При этом ритуальные действия жестко формализованы, что ограничивает выбор форм выражения и создает такую ситуацию, где форма «приобретает собственную сверхценную значимость» [Карасик 2002, с. 305].

В сфере православия существуют некоторые предписания и нормы употребления языка. В последние годы вышли работы по церковному этикету, в которых специальные разделы посвящены описанию речевых этикетных норм. Например, в «Церковном протоколе» епископа Марка Егорьевского¹ есть глава «Правила обращения и переписки», в «Церковном этикете» митрополита Марка Рязанского и Михайловского² часть третья называется «Церковная

¹ *Марк, еп. Егорьевский.* Церковный протокол. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2007. 183 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tserkovnyj-protokol/6> (дата обращения 02 мая 2024).

² *Марк, митрополит Рязанский и Михайловский.* Церковный этикет. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. 712 с.

переписка» и содержит не только свод рекомендаций по составлению и оформлению письменных обращений, но и образцы прошения мирян по личным просьбам.

Согласно церковному этикету, официальное письмо должно включать обязательные реквизиты (части), в число которых входят такие, как указание адресата, «адрес-титул», собственно текст, заключительный комплимент, подпись и дата³ [Марк, еп. Егорьевский 2007]. В рамках рассматриваемой темы представляют интерес два реквизита – адрес-титул и комплимент, которые выступают в качестве этикетной рамки письма.

Адрес-титул, в отличие от другого реквизита – указания адресата, предполагающего наименование в дательном падеже полного титула лица и его должности (например: *Митрополиту Волгоградскому и Камышинскому Феодору*), являет собой «почетный титул адресата, которым следует начинать письмо и который следует использовать в дальнейшем его тексте»⁴. В качестве образцов приводятся такие, например, адрес-титулы: *Преосвященнейший Владыко, достопочитаемый о Господе брат!; Дорогой и глубокочтимый Владыко!; Ваше Преосвященство, досточтимейший и дорогой Владыко!; Возлюбленный о Господе брат!; Благожелательно о Господе приветствую мать игумению...!*

Адрес-титул соотносится с речевым жанром «обращение», который как «жанр речевого этикета представляет собой слово или сочетание слов, называющее лицо, которому адресована речь» [Бирюлина, Моисеев 2009, с. 223].

Если в письменной речи обращения к духовным лицам жестко регламентированы и должны соблюдаться неукоснительно⁵, то в устном общении выбор речевой формы зависит от степени официальности ситуации. Так, например, в официальной обстановке приняты такие обращения, как: *Ваше преподобие* – к диакону и иерею (священнику), *Ваше Высокопреподобие* – протодиакону и протоиерею (старшему диакону и иерею), *Ваше Преосвященство* – к епископу и архиепископу, *Ваше Высокопреосвященство* – к митрополиту, *Ваше Святейшество* – к патриарху [Марк, еп. Егорьевский 2007]⁶.

При неофициальном общении этикетными нормами предусмотрено использование полного канонического имени духовного лица

³ Марк, еп. Егорьевский. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же; см. также в: Этикет в православной среде. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1715893255&tld=ru&lang=ru&name=3-4.pdf&text> (дата обращения 02 февраля 2024).

(без отчества) в сочетании со специальными формами. Например, по отношению к диакону и священнику употребляют обращение «отец», например: *отец Алексей*; адресуясь к митрополиту, архиепископу и епископу, используют обращение «*владыка*», например: *владыка Феодор*. Возможно и нейтральное общепринятое обращение «*бабушка*», уместное и в тех случаях, когда имя священника неизвестно говорящему [Марк, еп. Егорьевский 2007]⁷.

Что касается обращений, принятых в неформальном общении верующих, то в православии прихожане обычно называют друг друга по имени, в качестве общего обращения используется «*братья и сестры*», к незнакомой женщине в зависимости от возраста уместно обращение «*сестра*» или «*мамушка*», к пожилому мужчине – «*отец*»⁸.

Второй элемент этикетной рамки письма, по церковному этикету именуемый «комплиментом», представляет собой выражение вежливости, которым должно заканчиваться письмо. В описаниях церковного протокола приводятся примеры комплиментов, которые должны служить образцом при составлении этой части письма. Приведем некоторые из них:

*Прошу молитв Ваших. С истинным почтением и любовью о Господе пребываю; Продолжению памятования Вашего и молитв Ваших себя поручая, с истинным почтением и любовью о Господе пребываю; Призывая вам благословение Божие, с истинным почтением пребываю; Благословение и милость Господня да пребудет с Вами; Призываю на всех вас мир и благословение Божие и, испрашивая ваших молитв свя-
тых, остаюсь с искренним благожеланием.*

В отличие от речевого жанра «комплимент», который обычно трактуется как «тонкая и приятная похвала, нередко, однако, с оттенком лести»⁹, комплимент в церковном письме соотносится скорее со стандартными формулами вежливости, принятыми в деловом общении, самой распространенной из которых является «с уважением». Вместе с тем нельзя не отметить, что для церковного комплимента актуальна прагматическая функция, свойственная речевому жанру «комплимент» [Мудрова 2007, с. 4], поскольку эта часть церковного письма, выражая доброжелательное отношение к адресату, ориентирована на то, чтобы оказать на адресата

⁷ Марк, еп. Егорьевский. Указ. соч. ; Этикет в православной среде...

⁸ Там же.

⁹ Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта, 2016. С. 111.

воздействие, расположить его к пишущему. Как отмечают составители правил церковного этикета, при написании официальных и частных писем именно составление комплимента и адрес-титула представляет определенную трудность¹⁰.

Приведенные речевые формулы обращения и комплимента рассматриваются как безусловно нормативные для обычных письменных религиозных текстов. Однако в последние десятилетия «на фоне развития новых информационных технологий наблюдается вхождение религии в поле Интернета» [Свиридова 2011, с. 238], создаются религиозные электронные ресурсы, «религия, Церковь и, как следствие, религиозный язык с его богатством жанров заняли свою нишу в Интернете» [Гадомский 2021, с. 24].

Лингвистическое описание новой формы религиозной коммуникации только начинается. Исследователи обращают внимание на тот факт, что наряду с многочисленными работами, с одной стороны, на тему интернет-коммуникации, а с другой – религиозной коммуникации, ощущается недостаток работ в области религиозной интернет-геологии, которые давали бы представление о тех трансформациях, которым подвергаются канонические религиозные жанры в Интернете, хотя исследования реализации в сети Интернет ядерных жанров религиозной коммуникации – молитвы и проповеди, а также некоторых других жанров уже появились [Гадомский 2021; Прохвятилова 2023; Темботова 2012].

Интернет-коммуникация рассматривается сегодня как языковой феномен, обусловленный тем, что общение в интернете представляет собой письменную фиксацию устной речи: «функционирование интернет-языка технически ограничено письменной формой речи», которая в то же время «стилистически максимально приближена к неформальному устному разговорному стилю» [Войсунский 2002, с. 237]. Эти особенности языка Интернета находят свое отражение и в конфессиональном общении в Сети. Так, А.К. Гадомский отмечает активизацию периферии религиозного языка, обусловленную изменением характера религиозной интернет-коммуникации, которая, по мнению исследователя, «из вертикальной иерархической (Бог – священник – верующий) ... превращается в горизонтальную, уравнивающую всех в правах (и Бог, и священник, и верующий)», что приводит к тому, что «многие из прихожан начинают вести себя более раскованно» и «религиозный язык верующих часто становится более разговорным, чем в храме» [Гадомский 2021, с. 25].

Анализ стереотипных единиц, используемых в коллективных и личных прошениях на православных форумах, позволил выявить

¹⁰ Марк, еп. Егорьевский. Указ. соч.

репертуар актуальных речевых клише и специфику их функционирования в религиозной интернет-коммуникации.

В большинстве коллективных писем-прошений в нашем материале отсутствует адрес-титул, поэтому речевой жанр обращения не представлен, например:

Мы, прихожане, обращаемся к Вам за помощью и поддержкой в решении вопроса газификации нашего Храма...; Приход Иоанно-Богословского храма обращается к Вам с просьбой оказать посильную помощь благотворительной столовой...; Прошу оказать благотворительную финансовую помощь строящемуся храму в д. Ступинская...

Это может быть связано с тем, что, обращаясь за помощью в Благотворительный фонд, просители не имеют в виду конкретного адресата, потому что оказать посильную помощь может любой откликнувшийся на просьбу человек.

Вместе с тем в 20% текстов обнаруживаются клишированные выражения, соотносимые с речевым жанром «обращение». Они обычно содержат маркированные единицы, эксплицирующие религиозную семантику. Это прежде всего рекомендуемые церковным протоколом речевые формулы адрес-титула, например:

*Прошу Вас, **возлюбленные о Господе**, если возможно, то окажите, пожалуйста, помощь нашему храму в проведении газового отопления и других ремонтных работ¹¹.*

Кроме того, отметим широкое использование традиционного для православия обращения «*братья и сестры*», которое может употребляться как автономно, так и в сочетании с молитвословными фрагментами или с обычными для русского литературного языка обращениями, например:

***Дорогие братья и сёстры**, нашему приходу так нужна ваша помощь...; **Благотворители, благоукрашители, жертвователи нашего храма. Братья и сестры!!!** Мы прихожане с настоятелем, обращаемся к Вам и коллективу с просьбой оказать посильную помощь в проведении храмового праздника, который состоится 9 октября 2023 года...; Я коленопреклонно обращаюсь ко всем **читателям, ко всем православным братьям и сестрам во Христе**, помогите, пожалуйста, нам достроить наш храм...*

¹¹ Все примеры приводятся с сохранением орфография и пунктуации авторов.

В отличие от обращения, речевой жанр «комплимент» в письмах-прошениях воспроизводится без исключений. При этом рекомендуемые церковным этикетом речевые клише используются примерно в равном соотношении с обычными формулами выражения уважения к адресату. Ср., например:

С любовью о Господе. Да хранит Вас Господь! Да спасет Вас Господь за любовь и поддержку!; Да сохранил Вас Господь. Да не оскудеет рука дающего!; С уважением и надеждой на Вашу помощь и поддержку!; Будем признательны за любую оказанную Вами помощь!

Что касается личных просьб о помощи, то в них речевой жанр «обращение» представлен почти так же, как и в письмах-прошениях, – в 22% проанализированных сообщениях. В качестве речевого клише используется распространенное в православии обращение «*братья и сестры*» и его расширенные варианты, например:

Здравствуйте, братья и сестры во Христе!; Дорогие мои и любимые, Братья и Сестры, прошу у Вас молитвенной помощи о моём здравии...

Отметим, что в подавляющем большинстве личных просьб о помощи речевой жанр «обращение» отсутствует, например:

Прошу ваших молитв о рБ Андрее...; Помолитесь пожалуйста за меня (рабу грешную Татиану)...; Прошу молитв о моём скором выздоровлении...

В отличие от писем-прошений, в личных просьбах о помощи, размещенных на форумах православных сайтов, речевой жанр «комплимент» вытеснен жанром «благодарность». При этом, по нашим наблюдениям, примерно 1/3 сообщений не включает никаких завершающих стандартных формул вежливости, например:

Прошу молитв о спасении и вразумлении Евы, чтобы Господь благословил её, даровал видение своих грехов и искреннее покаяние, оградил её от всякого бесовского воздействия и влияния и направил на путь спасения.

В остальных личных просьбах о помощи вместо завершающих общение клише, которые выражают уважительное отношение к адресату, используются стандартные единицы, соотносимые с речевым жанром «благодарность», например:

Братья и Сёстры во Христе, прошу Вас помянуть в ваших сердечных молитвах о здравии моего сына, младенца Георгия. Если же есть возможность и желание, прошу так же подать записку в вашем храме. Благослави Вас Господь!; Прошу и я молитв <...>. помолитесь, чтоб окреп отрок Сергей и чтоб я была на ногах! С благодарностью к вам!

Как видно из приведенных примеров, средствами выражения благодарности могут выступать как церковные этикетные речевые клише, наиболее частотными из которых являются «Храни Господь», «Благослови вас Господь!», «Слава Богу за все!», «Спаси Господь!» (45% сообщений), так и речевые стандарты, принятые в обиходном и деловом общении (20% сообщений). Самыми востребованными здесь оказываются речевые клише «Заранее благодарен», «Благодарю вас за поддержку и понимание» или «Спасибо вам».

Итак, в письменных коллективных и личных просьбах о помощи, размещенных на православных сайтах и форумах в сети Интернет, употребляются устойчивые стандартные единицы, соотносимые с речевыми жанрами «обращение», «комплимент» и «благодарность». Состав клишированных выражений определяется в первую очередь нормативными рекомендациями православного речевого этикета и включает языковые единицы, эксплицирующие религиозную семантику. Вместе с тем зафиксировано использование и обычных для обиходного и делового общения речевых формул.

Речевой жанр «обращение» представлен как в коллективных письмах-прошениях, так и в личных просьбах о помощи. Что касается речевого жанра «комплимент», то он актуален для писем-прошений и воспроизводится в них без исключения. В личных просьбах о помощи речевой жанр «комплимент» вытеснен жанром «благодарность».

Литература

- Бирюлина, Моисеев 2009 – Бирюлина А.И., Моисеев А.П. Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 223–228.
- Брагина 2023 – Брагина Н.Г. Речевые клише: Аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 5. С. 10–15.
- Войсунский 2002 – Войсунский А.Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и Российское общество. М.: Гендальф, 2002. С. 235–250.

- Воробьева 2021 – *Воробьева С.Н.* Просьба как один из речевых жанров религиозной коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 6. С. 1143–1150.
- Гадомский 2021 – *Гадомский А.К.* Религиозный язык в Интернете (на материале российских и польских исследований) // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 1. С. 19–32.
- Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Марк, еп. Егорьевский 2007 – *Марк, еп. Егорьевский.* Церковный протокол. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2007. 183 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tserkovnyj-protokol/6> (дата обращения 02 мая 2024).
- Марк, митрополит Рязанский и Михайловский 2020 – *Марк, митрополит Рязанский и Михайловский.* Церковный этикет. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. 712 с.
- Мудрова 2007 – *Мудрова Е.В.* Комплимент как первичный речевой жанр: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 25 с.
- Мухин, Ефремова 2022 – *Мухин С.В., Ефремова Д.А.* Клише в проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* как явление фразеологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22. № 4. С. 46–56.
- Прохватилова 2023 – *Прохватилова О.А.* Интернет-проповедь – жанровая модификация или трансформация? // Русский язык и русская литература в цифровую эпоху: коллективная монография / ред.: И.А. Краева и др.; Московский гос. лингвистический ун-т. Казань: Бук, 2023. С. 36–45.
- Свиридова 2011 – *Свиридова Н.В.* Религия онлайн // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 238–247.
- Смолина 2016 – *Смолина А.Н.* Духовная просьба в письмах русских старцев XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): В 4 ч. Ч. 4. С. 178–182.
- Темботова 2012 – *Темботова Е.С.* Конфессиональный интернет-дискурс: речевой жанр «вопросы священнослужителю»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2012. 24 с.

References

- Biryulina, A.I. and Moiseev, A.P. (2009), “The functional orientation of the means of artistic expression in the genre of speech etiquette of appeal”, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 76, no. 8, pp. 223–228.
- Bragina, N.G (2023), “Speech cliches: aspects of linguistic study”, *Russian Language Abroad*, no. 5, pp. 10–15.

- Gadomskii, A.K. (2021), "Religious language on the Internet (based on Russian and Polish studies)", *Society. Communication. Education*, vol. 12, no. 1, pp. 19–32.
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle. Personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, Russia.
- Mudrova, E.V. (2007), *Compliment as a primary speech genre*, Abstract of PhD Thesis. Taganrog, Russia.
- Mukhin, S.V. and Efremova, D.A. (2022), "The cliché in Wulfstan's *Sermo lupi ad anglos* as a phraseological phenomenon", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 22, no. 4, pp. 46–56.
- Prokhvatilova, O.A. (2023), "Is online preaching a genre modification or transformation?", *Russkii yazyk i russkaya literatura v tsifrovuyu epokhu: kollektivnaya monografiya* [Russian language and Literature in the Digital Age. A collective monograph], Buk, Kazan, Russia, pp. 36–45.
- Sviridova, N.V. (2011), "Religion online", *Philosophical problems of IT and Cyberspace*, no. 2, pp. 238–247.
- Smolina, A.N. (2016), "A spiritual request in the letters of the Russian holy elders of the 20th century Philological sciences. Questions of theory and practice", *Philology. Theory & Practice*, vol. 66, no. 12, pp. 178–182.
- Tembotova, E.S. (2012), Confessional Internet discourse. The speech genre "questions to the priest", Abstract of PhD thesis, Nalchik, Russia.
- Voiskunskii, A.E. (2002), "Internet Study in Psychology", *Internet i Rossiiskoe obshchestvo* [The Internet and Russian Society], Gendal'f, Moscow, Russia, pp. 235–250.
- Vorob'eva, S.N. (2021), "Request as one of the speech genres of religious communication", *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, vol. 31, no. 6, pp. 1143–1150.

Информация об авторе

Ольга А. Прохвятилова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olgaprokhvatilova@yandex.ru

Information about the author

Olga A. Prokhvatilova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgaprokhvatilova@yandex.ru

Часть 2

Стереотипизация современной речи

УДК 81'27:811.161.1

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-125-135

Синтаксическая конструкция <Р в подмётки (не) *годится N₃> в современной русской речи

Татьяна Л. Колосовская

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Аннотация. В работе на корпусном материале анализируется сравнительно-оценочная конструкция <Р в подмётки (не) *годится N₃>, в которой Р – объект, стоящий у истоков сравнения, а N₃ – компонент, с которым сравнивают этот объект: *мы (Р) ему (N₃) в подметки не годимся*. Внимание в статье сосредоточено на глаголе *годиться*, который сохраняет в рамках конструкции всю свою словоизменительную парадигму, вплоть до формы причастия (*напасть на ихнюю химическую колу, в подметки не годящуюся квасу*). Глагольный компонент в данной конструкции можно рассматривать как слот, который допускает использование в этой позиции и других глаголов с частицей *не* и сходной семантикой (*не сгодиться, не стать, не идти, не выступать, не катить*). В ходе анализа были выявлены и случаи опущения глагола без изменения общего сравнительно-оценочного значения, характерного для рассматриваемой конструкции: *всё остальное по художественному размаху в подметки не*:). Обнаружились также контексты, в которых отрицание при глаголе отсутствует. Оно может при этом переместиться с глагола на первый объект (*не многие годятся в подметки*), либо отсутствие отрицания формирует риторический вопрос, при гипотетическом ответе на который все же сохраняется семантика поражения одного объекта перед другим. Анализ подобных конструкций важен не только для русистики (грамматика речи и грамматика конструкций), но и в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, фразеологизм, коллоквиалистика, объекты сравнения, грамматика конструкций

Для цитирования: Колосовская Т.Л. Синтаксическая конструкция <Р в подмётки (не) *годится N₃> в современной русской речи // Вестник

РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024.
№ 8. С. 125–135. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-125-135

The syntactic construction <P *v podmetki (ne) *goditsya* N₃> in modern Russian speech

Tatiana L. Kolosovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes on the corpus material the comparative-evaluative construction <P *v podmetki (ne) *goditsya* N₃>, in which P is the object at the origin of comparison, and N₃ is the component to which the object is compared: *my (P) emu (N₃) v podmetki ne godimsya*. The attention in the article is focused on the verb *godit'sya*, which retains its entire inflectional paradigm within the construction, up to the participle form (*napast' na ikhn'yuyu khimicheskuyu kolu, v podmetki ne godyashchuyusya kvasu*). The verb component in the construction can be considered as a slot, which allows the use of other verbs with the particle *ne* and with similar semantics (*ne sgodit'sya, ne stat', ne idti, ne vystupat', ne katit'*). The analysis also revealed cases of verb omission without changing the general comparative-evaluative meaning characteristic of the construction in question: *vse ostal'noe po khudozhestvennomu razmakhu v podmetki ne*.) Contexts in which there is no negation with the verb have been found. It can be shifted from the verb to the first object (*ne mnogie godyatsya v podmetki*), or the absence of negation forms a rhetorical question, with a hypothetical answer to which the semantics of the inferiority of one object before the other is preserved. The analysis of such constructions is important not only for Russian studies (grammar of speech and grammar of constructions), but also in the practice of translation and teaching Russian as a foreign language.

Keywords: syntactic construction, phraseology, colloquialisms, objects of comparison, grammar of constructions

For citation: Kolosovskaya, T.L. (2024), "The syntactic construction <P *v podmetki (ne) *goditsya* N₃> in modern Russian speech", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 125–135, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-125-135

Язык – основной рычаг коммуникации. На протяжении многих лет ведется работа по написанию грамматик, разработке правил, касающихся письменной речи, но разговорная речь имеет совсем иной характер. Из-за своего многообразия речь носителей любого языка требует подробного, систематического анализа. Со второй половины XX в. начинается развитие важного направления, занимающегося описанием живой речи, – *коллоквиалистики*.

В центре настоящего исследования находится синтаксическая конструкция (СК) <Р в подмётки (не) *годится N₃>, которая давно закрепилась в русской речи и описана в словарях в качестве фразеологизма. «Яркая выразительность большинства фразеологизмов позволяет использовать их как богатое стилистическое средство, они обладают высокой образностью, эмоциональностью и экспрессивностью», что позволяет им находиться в активном словарном запасе любого говорящего [Суворова 2017, с. 134].

СК *в подмётки не годится* определяется словарями как разговорный, экспрессивный фразеологизм со значениями: 1) «Кто-либо хуже другого по своим достоинствам»; 2) «Что-либо значительно хуже в сравнении с другим»¹. Встречаются и уточнения: «Значительно хуже по своим качествам, достоинствам и т. п. Подразумевается, что кто-л., что-л. настолько хуже другого по своим качествам, что их нельзя даже и сравнивать»². В литературе для исследуемой единицы приводится условная схема «X <Z> [и] в подметки не годится Y-у <Q>», где X – лицо, группа лиц; Y – другое лицо, другая группа лиц; Z – какой-л. предмет, проект, учреждение и т. п.; Q – другой предмет, проект, учреждение и т. п. Важным здесь оказывается признак сравнения, при этом большее внимание привлекает один из объектов, который по своим характеристикам очень плох. Отмечается также, что именная часть схемы всегда остается неизменной, глагол не употребляется в будущем времени, а порядок компонентов во фразеологизме нефиксированный.

Первое упоминание данной конструкции в НКРЯ относится к 1789 г.:

- 1) *Государь мой, – сказал, улыбаясь, Тихокрадов: – вы с таким жаром говорите о своем звании, что слушатели могут подумать, будто*

¹ Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 142–143.

² Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / Авт.-сост. И.С. Брилева и др.; Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс. 2006. С. 367.

статское состояние (Р) и в подметки вашему (N₃) не годится, хотя, не распложая пустых слов, я могу коротко сказать, что, служа в сем состоянии, обязан я оному знатным доходом, состоящим из десяти тысяч (НКРЯ // 1789).

В качестве источника материала в настоящей работе взят Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). Выборка контекстов с рассматриваемой СК за 15 лет (2002–2017 гг.) включает более 3 тыс. единиц.

Описание ведется в терминах *грамматики конструкций* (СхG), исследуемая единица описывается именно как *синтаксическая конструкция*. Между конструкциями и фразеологизмами, несмотря на известную степень идиоматичности тех и других, существует ряд различий, ср.:

СхG – это, прежде всего, синтаксическая теория (хотя и с претензией на охват всех уровней языковой структуры), а теория фразеологии – это часть лексикологии, то есть теория, ориентированная на лексикон и в первую очередь на лексическую семантику [Добровольский 2016, с. 7].

В русской традиции принято понимание конструкции по Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, которые, вслед за А. Голдбергом [Goldberg 1995] и Ч. Филмором с соавторами [Fillmore et al. 1988], определяли конструкцию как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010, с. 19].

При анализе сравнительно-оценочных конструкций важны характерные для них элементы: объект сравнения Р – некий предмет, признак или ситуация, которые сравниваются с Q, и стандарт сравнения Q, с которым сравнивается Р. Описание Р происходит не само по себе, а только в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации [Князев 2007].

Настоящая работа опирается на принципы выделения объектов сравнения, предложенные Ю.П. Князевым, но принимает другие обозначения для оценочно-сравнительной СК <Р в подмётки (не) *годится N₃>³. Компонент Р – это предмет, признак, обстоятельство, ситуация, стоящие у истоков сравнения, а N₃ – объект, с которым сравнивают Р.

³ (*) подразумевает наличие различных форм глагола в данной позиции.

Анализ корпусного материала показал, что в зависимости от коммуникативной ситуации и объекта сравнения может быть использована любая личная форма глагола *годиться*, ср.:

- 2) *Надоели мне его пышные словеса. Воображает, что раз он когда-то был космонавтом, так мы (Р) ему (N₃) **в подмётки не годимся**. Задирает перед нами нос оттого, что мы живем на Земле (ГИКРЯ // 2007)⁴;*
- 3) *Этот последний страх он опять же прикроет гордыней и рас-суждениями типа: «Я лучше тебя; ты (Р) мне (N₃) **в подмётки не годишься**, и связываться с тобой – ниже моего достоинства» (ГИКРЯ // 2010).*

Этим разнообразие выражения глагольного компонента рассматриваемой СК не исчерпывается: возможны еще и формы будущего времени, представленные не единичными примерами и опровергающие ограничения, накладываемые словарями:

- 4) *По моему же скромному мнению, то, что Балмер показал вчера (Р), **не будет годиться и в подмётки** тому, что Джобс покажет 27-го января в Yerba Buena Center for the Arts (N₃) (ГИКРЯ // 2010).*

Довольно употребительными в составе конструкции являются формы прошедшего времени глагола *годиться* (5), а также условного наклонения, с помощью которого лишь генерируется возможная и желаемая ситуация (6):

- 5) *С другой, я задыхался от смеха, потому что какая-нибудь юмористическая на том же телеканале передача «Прожектор Перисхилтон» (Р) **в подмётки не годилась** встрече Познера с Джигарханяном (N₃) (ГИКРЯ // 2010);*
- 6) *Вложить бы туда денег и побольше, настроить инфраструктуру и понеслась!!! Польский замок в Мельбурне (Р) и **в подмётки не годился бы**... Да, но нет... (ГИКРЯ // 2005).*

В контексте (6) N₃ не эксплицирован, но может, по-видимому, быть восстановлен из предыдущего контекста. См. ниже также примеры (13)-(14) с подобным эллипсисом.

Возможны в позиции глагольного компонента и предикативы, выраженные краткими прилагательными с той же семантикой, что и глагол *годиться*, ср.:

⁴ Контексты приводятся в оригинальном виде, без правки любых авторских погрешностей.

- 15) *Вытикает из первого плюса, думал кино 100% лудоманское (Р), как «Шулера», а вот и нет, до классики покерного кино (N₂) и в подметки не катит. Больше про отмывания, ФБР, оффшоры, нежели про лудоманские начала, просто какая-то аналогия с покером и все (ГИКРЯ // 2013).*

В примере (15) можно видеть грамматическую модификацию данной конструкции, вызванную, по-видимому, именно заменой глагола *годиться* на разговорное *катит*: <Р не катит до N₂>.

Наличие целого ряда синонимичных глаголов в одной позиции лишь подтверждает активность и жизнестойкость рассматриваемой СК в русской речи.

Исследование выявило и контексты, где глагол оказался не нужен, конструкция и без него не теряет своей семантической целостности. Глагол в таких случаях либо опускается (16), либо «кодируется» формой-идиомой *не того* (17). Как правило, в таких ситуациях опускается еще и N₃, и эксплицируется только плохое качество Р (оценка без сравнения)⁵, ср.:

- 16) *По моему он художник одного произведения и это произведение здесь: всё остальное (Р) по художественному размаху в подметки не :) (ГИКРЯ // 2010);*
17) *Слушай ты такие слова знаешь ругательные – Пьер Эрме (Р) прос-то в подметки не того (ГИКРЯ // 2013).*

Как можно видеть по примерам, какой бы глагол и в какой бы форме ни использовался для создания общего сравнительно-оценочного значения, он почти всегда употребляется с отрицанием. Встретились, однако, и исключения, ср.:

- 18) *Я думаю, музыкально нам (N₃) не многие (Р) годятся в подметки сегодня. Мы довольно уникальны (ГИКРЯ // 2007);*
19) *Прорыв Шумахера я не склонен считать хоть сколько-то выдающимся – по большому счету, он не опередил никого, кто (Р) хоть как-то годился бы в подметки этому Мерседесу (N₃), пусть даже и в такую жару (ГИКРЯ // 2012);*
20) *Все-таки, на сколько у нас средняя женщина прекраснее среднего мужчины.....!! <...> просто сравнить даже женский контингент*

⁵ Ср. похожую ситуацию с другой сравнительно-оценочной конструкцией <Р ни разу не N₁>, которая также зачастую содержит только оценку объекта, без явного сравнения с конкретным вторым объектом: *я ни разу не геймер, это ни разу не фантастика* [Колосовская 2024b].

*на твоём д.р. и мужской... даже смешно становится... хоть одной из бывших там девушек (N₃) объективно **годится ли в подметки** хоть один присутствующий там мальчик (P)??*(ГИКРЯ // 2006).

Заметим, что и в этих ситуациях, как и в стихотворных текстах (см. выше), возможна мена местами компонентов Р и N₃. Отрицание при этом может переместиться с глагола на первый объект, как в примерах (18) (***не многие** годятся в подметки*) и (19) (***никого, кто хоть как-то годился бы в подметки***). Либо отсутствие отрицания формирует риторический вопрос, при гипотетическом ответе на который все же сохраняется семантика поражения одного объекта перед другим (20).

Иногда в одном контексте встречается глагол и с отрицанием, и без него, что создает языковую игру, основанную на противопоставлении:

21) *Мы часто любим таких мужчин, которые (P) **не годятся** нам (N₃) **в подметки** или же **очень годятся**, но до них как до Китайской народной Республики. Кто смотрел фильм «Бриджит Джонс» то меня поймет...* (ГИКРЯ // 2006).

Сравнительно-оценочные СК, вмещающие объемное лексическое значение, связанное с сопоставлением и оценкой объектов, разнообразны и активны в современном русском языке. Кроме упомянутых в настоящей статье, есть еще конструкции <P – N₁ *отдыхает> [Колосовская 2021], <P – N₃ *делать нечего*>, <куда N₃ до P> [Колосовская 2024a] и, может быть, некоторые другие. Все они тесно связаны с *грамматикой конструкций* и способны играть роль диалогических клише как «всякие готовые речевые формулы, критерием для выделения которых служит регулярность их появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях» [Дридзе 1969, с. 11].

Думается, что анализ подобных синтаксических конструкций важен не только для русистики и коллоквиалистики (грамматика речи и грамматика конструкций), но и в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Acknowledgement

The study was carried out in the framework of the Russian Science Foundation Grant (project № 22-18-00189 “Structure and Functioning of Consistent Multi-Word Units in Everyday Russian Speech”).

Источники

- Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / Авт.-сост. И.С. Брилева и др.; Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс. 2006. 784 с.
- Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения 25 августа 2023).
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 15 января 2023).
- Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Литература

- Добровольский 2016 – Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Дридзе 1969 – Дридзе Т.М. Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка: Влияние семиотического уровня аудитории и информативности текстовых материалов на информированность населения (в рамках изучения прессы): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1969. 29 с.
- Князев 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Колосовская 2021 – Колосовская Т.Л. Чувство юмора – «Камеди клуб» отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции, или Кто может отдыхать? // Русская речь. 2021. № 4. С. 17–32.
- Колосовская 2024a – Колосовская Т.Л. Что скрывается за объектом N₃ в конструкции <Куда N₃ до Р>? // Современная лингвистика: ключ к диалогу: Междунар. науч. конф. в рамках Казанского международного лингвистического саммита (KILS-2023). (В печати)
- Колосовская 2024b – Колосовская Т.Л. ОНА НИ РАЗУ НЕ ЗОЛУШКА: об одной сравнительно-оценочной конструкции современной русской речи // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 2. С. 39–49.
- Рахилина, Кузнецова 2010 – Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.

- Суворова 2017 – *Суворова Н.Н.* Фразеология русского языка в истории и современности // *Litera*. 2017. № 1. С. 129–134.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 – *Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C.* Regularity and Idiomatcity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone* // *Language*. 1988. № 64 (3). P. 501–538.
- Goldberg 1995 – *Goldberg A.E.* *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 280 p.

References

- Dobrovol'skii, D.O. (2016), "Construction Grammar and Phraseology", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 7–21.
- Dridze, T.M. (1969), *Some Semiotic Aspects of the Psychosociology of Language. The Influence of the Semiotic Level of the Audience and the Informativeness of Text Materials on Public Awareness (as Part of the Study of the Press)*, Abstract of PhD Dissertation, Moscow, Russia.
- Fillmore, Ch.J., Kay, P. and O'Connor, M.C (1988), "Regularity and Idiomatcity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone*", *Language*, no. 64 (3), pp. 501–538.
- Goldberg, A.E. (1995), *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
- Knyazev, Yu.P. (2007), *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical Semantics. The Russian Language in a Typological Perspective], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Kolosovskaya, T.L. (2021), "Sense of Humor – 'Comedy Club' is Resting: about One Stable Evaluation Structure in Russian, or Who Can Have a Rest?", *Russkaya rech'*, no. 4, pp. 17–32.
- Kolosovskaya, T.L. (2024a), "What is Hidden Behind the Object N₃ in the Construction < N₃ is nothing like P>", *Sovremennaya lingvistika: klyuch k dialogu. Mezhdunar. nauch. konf. v ramkakh Kazanskogo mezhdunarodnogo lingvisticheskogo sammita (KILS-2023)* [Modern linguistics. The key to dialog. International scientific conference within the framework of the Kazan International Linguistic Summit], Kazan, Russia (*in print*).
- Kolosovskaya, T.L. (2024b), "'Ona ni razu ne Zolushka': on One Comparative-and-Evaluative Construction of Modern Russian Speech", *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], vol. 16, iss. 2, pp. 39–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-39-49. EDN PKJPMM
- Rakhilina, E.V. and Kuznetsova, Yu.L. (2010), "Grammar of Constructions. Theory, Supporters, Close Ideas", Rakhilina, E.V. (ed.) *Lingvistika konstruksii* [Linguistics of constructions], Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 18–79.
- Suvorova, N.N. (2017), "Phraseology of the Russian language in History and the Present", *Litera*, no. 1, pp. 129–134.

Информация об авторе

Татьяна Л. Колосовская, магистр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Information about the author

Tatiana L. Kolosovskaya, master of Linguistics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Сидит как этот самый...:
о трех витках идиоматизации местоимения *самый*
в русской повседневной речи

Наталья В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, n.bogdanova@spbu.ru

Сунь Сяоли
Юго-Восточный университет,
Нанкин, Китай, sunxiaoli_smile@163.com

Аннотация. Функционирование слова *самый* рассматривается в статье с использованием *методики веерного шкалирования*, что позволяет увидеть действие таких активных процессов устной речи, как *грамматикализация*, *ресемантизация*, *идиоматизация* и *прагматикализация*. Внимание в исследовании уделяется трем виткам идиоматизации, которые обнаруживает данная методика. На первом витке (IDIOM¹) идиоматизации подвергается форма суперлатива, сама ставшая результатом процесса грамматикализации: *самое плевое дело, в самом черном виде*. На втором витке (IDIOM²) местоимение *самый* в сочетании с существительными, наречиями, глаголами, междометиями и даже с идиомами становится компонентом наречного или иного устойчивого выражения: *по самую шею, по самое покорно благодарю*. Наконец, третий виток идиоматизации (IDIOM³) обнаруживается уже после того, как сочетание *это самое* подверглось прагматикализации и стало реализовывать в устном дискурсе функции хезитатива, самокоррекции, стартового разграничительного маркера и некот. др. Фактически здесь мы имеем дело с устойчивым оборотом, свойственным только разговорной речи и выражающим в разных контекстах разное, зачастую трудноопределимое, значение. Наблюдения над корпусным материалом показывают, что конструкция *как это самое* (в разных грамматических формах) без искомого имени существительного носит подчеркнуто разговорный характер и встречается как в устной речи, так и в ее имитациях в художественных текстах. Полученные результаты могут быть полезны как в теоретическом (коллоквиалистика и когнитивистика), так и в практическом (преподавание РКИ и практика перевода) аспектах.

Ключевые слова: грамматикализация, прагматикализация, идиоматизация, устойчивое выражение, веерное шкалирование

© Богданова-Бегларян Н.В., Сяоли С., 2024

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В., Сунь Сяоли. Сидит как этот самый...: о трех витках идиоматизации местоимения *самый* в русской повседневной речи // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 136–146. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-136-146

Sidit kak etot samyi...:
about three rounds of idiomatization of the pronoun *samyi*
in Russian everyday speech

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, n.bogdanova@spbu.ru

Sun Xiaoli
Southeast University,
Nanjing, China, sunxiaoli_smile@163.com

Abstract. The functioning of the word *samyj* is considered in the article using the fan scaling technique, which allows one to see the action of such active processes of oral speech as *grammaticalization*, *resemantization*, *idiomatization*, and *pragmaticalization*. The study focuses on three rounds of idiomatization, which this technique reveals. In the first round (IDIOM¹) of idiomatization, the form of the superlative undergoes idiomatization, itself having become the result of the process of grammaticalization: *samoe plevoe delo, v samom chernom vide*. In the second round (IDIOM²), the pronoun *samyj* in combination with nouns, adverbs, verbs, interjections, and even with idioms becomes a component of an adverbial or other stable expression: *po samuyu sheyu, po samoe pokorno blagodaryu*. Finally, the third round of idiomatization (IDIOM³) is observed after the combination *eto samoe* has undergone pragmaticalization and started to realize the functions of hesitation, self-correction, a starting boundary marker, and some others in oral discourse. In fact, here we deal with a set expression, typical only for spoken language and expressing in different contexts a different, often hard-to-define, meaning. Observations over corpus material show that the construction like *eto samoe* (in different grammatical forms) without the sought-after noun has a distinctly conversational character and is found both in oral speech and in its imitations in artistic texts. The findings might be useful both in theoretical (colloquialistics and cognitive science) and in practical (teaching RFL and translation practice) aspects.

Keywords: grammaticalization, pragmaticalization, idiomatization, stable expression, fan scaling

For citation: Bogdanova-Beglarian, N.V., Sun Xiaoli (2024), “*Sidit kak etot samyi...*: about three rounds of idiomatization of the pronoun *samyi* in Russian everyday speech”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 136–146. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-136-146

Введение

Повседневная устная речь (УР) привлекает все больше внимания лингвистов разных направлений своим качественным своеобразием, вступающим порой в противоречие с литературно-письменным языком на всех уровнях его описания. Это своеобразие связано, в частности, с диффузностью и нестабильностью УР, ее способностью постоянно меняться, «откликаясь» на изменения в социуме, который использует ее в ходе коммуникации, ср.: «Изменения в языке – универсальное явление, признак развития (жизни!) данной языковой системы» [Бондарко 1981, с. 5].

Языковые преобразования имеют непосредственное отношение к ряду активных процессов современной повседневной речи, которые зачастую способствуют изменению категориального статуса той или иной единицы. В этой связи особый интерес представляют такие процессы, как *грамматикализация*, *ресемантизация*, *идиоматизация* и *прагматикализация*. Все они действуют на синхронном срезе одновременно и самым очевидным образом связаны друг с другом, а внимание к результатам этих процессов позволяет увидеть многообразие функциональных возможностей любой единицы. Их исследование выявляет специфику речевого лексикона и речевой грамматики.

Важно и еще одно соображение, связанное с УР и ее единицами, ср.:

В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от «прокрустова ложа» четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов [Арутюнова 1965, с. 89].

В настоящем исследовании для описания особенностей функционирования в УР местоимения *самый* используется *веерная шкала переходности* (цепочки веерных преобразований) [Сунь Сяоли 2021], позволяющая увидеть все действующие одновременно и тесно связанные между собой активные процессы русской речи, а также специфику функционирования исследуемой единицы на

каждом векторе предложенной шкалы¹. Особое внимание в настоящей работе уделяется трем виткам идиоматизации, которые обнаруживает данная методика.

О речевых клише и их разнообразии

Как показывают корпусные исследования, наша повседневная УР богата идиоматикой чрезвычайно.

Наличие в речевой практике говорящих на любом языке большого числа устойчивых повторяющихся выражений – факт сам по себе хорошо известный. Феномены такого рода, определяемые как «идиомы», «устойчивые сочетания», «речевые формулы», «речевые штампы», «клише», находят в этом качестве определенное место в любом описании языка [Гаспаров 1996, с. 121].

Более того, те же корпусные исследования показывают, что можно, по-видимому, говорить о двух типах *клише* (как в диалоге, так и в монологе):

1) осознаваемые носителями языка, лексически значимые и кодифицированные, зафиксированные в словарях и справочниках; в лексических минимумах для иностранцев (на высоком уровне РКИ), а сегодня еще и в «Русском конструктиконе»² или в «Прагматиконе»³;

2) не осознаваемые носителями языка, реализуемые на уровне речевого автоматизма, очень частотные, значимые прагматически, но не лексически, свойственные речи практически любого говорящего и зафиксированные только в специальном словаре прагматических маркеров (ПМ)⁴:

вот (...) вот, скажем так, или как его (её, их, там, это), вроде того что, или что, или там, это самое и под.

¹ Ср. сходные рассуждения Р.Р. Шамсутдиновой о природе лексемы *ничего*, в ходе которых автор отмечает ее диффузность и синкретизм и показывает, что «поэтапные “веерные” преобразования и есть реализация ее местоименной сущности» [Шамсутдинова 2019, с. 227].

² URL: <https://constructicon.github.io/russian>

³ URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru>

⁴ Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Единицы второго типа можно рассматривать как своего рода «внутренние клише» (как внутренняя речь); они отличаются устойчивостью, частотностью, воспроизводимостью в речи многих говорящих и помогают им преодолевать различные речевые затруднения, возникающие в ходе спонтанного речепорождения (ср.: [Сян Янань 2024]). Эти единицы, определяемые коллоквиалистической как *прагматические маркеры*, являются результатом процесса *прагматикализации*, а маркер *это самое*, один из наиболее частотных в нашей УР⁵, попадает еще и под действие процесса *идиоматизации* и становится основой фразеологизма *как это самое*. Именно эта единица и стала предметом исследования в настоящей работе.

Источники материала и веерная шкала переходности для слова САМЫЙ

Веерная шкала переходности для слова *самый* была построена на материале ряда корпусов: повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», устного (УП), основного (ОП) (речь персонажей, стилизованная под реальную разговорную) и мультимедийного (МУРКО) подкорпусов Национального корпуса русского языка. На семи векторах этой шкалы можно видеть, как изменяется категориальная сущность слова *самый* под действием разных активных процессов устной речи (см. рис.).

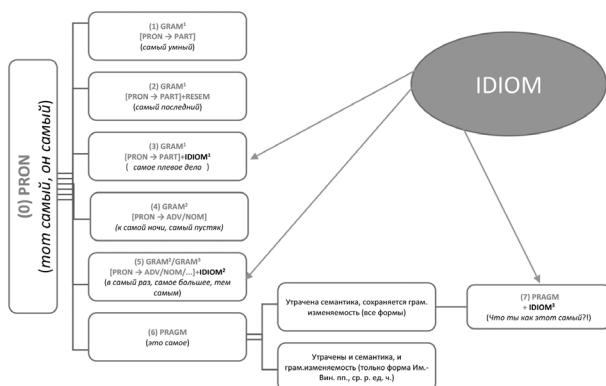

Рис. Веерная шкала переходности для слова *самый*

⁵ Данный маркер имеет ранг 11 в частотном списке 60 прагматических маркеров русской повседневной речи, см: Прагматические маркеры русской повседневной речи... С. 54.

На трех из семи векторов данной шкалы представлены результаты идиоматизации исследуемой единицы. Рассмотрим этот материал подробнее.

Первый виток идиоматизации (IDIOM¹)

На первом витке шкалы идиоматизации подвергается форма суперлатива, сама ставшая результатом процесса грамматикализации (GRAM¹ + IDIOM¹) (0,3% пользовательского подкорпуса):

- ну *д()**д()* не() двадцать ни у кого не работало / **самое большое** это @ пятнадцать по-моему // @ десять процентов / максимум / о чём это говорит / о том / что наш мозг ещё в масштабах вселенной спит (ОРД)⁶;
- эта встреча закончится где-то без четверти восемь / но ... ***П самое позднее** в восемь (ОРД);
- ну () этикетка да ? и там значит (э) (м) есть (э) (ОРД);
- мне кажется что **самое важное** это чтобы ... (ОРД).

Второй виток идиоматизации (IDIOM²)

Второй виток идиоматизации обнаруживается после очередной грамматикализации: в сочетании с существительными, наречиями, глаголами, междометиями и даже с идиомами слово *самый* становится компонентом наречного или иного устойчивого выражения (GRAM³ + IDIOM²) (25,9%):

- который бы болтался там / на сцене (...) каким-то образом // @ колючая проволока / я вообще хотела **с самого начала** её сделать // вот смотрите / что можно сделать (ОРД);
- да я не знаю **на самом деле** какие / я просто сказала / что в голову пришло / там просто про Дунай\$ идёт речь / «на речке Дунае\$...» (ОРД);
- (а-а) **тем самым** / ну / доверяет как бы ему / да / доверяет ему видение / да / опять же // @ угу (ОРД);
- он не очень приторный / мне нравится что он не очень приторный / не очень жирный **самое то** // @ *Н // а нежный мягкий (ОРД);
- не // # смотри на Серёгу% и делай **то же самое** (ОРД).

⁶ Об особенностях орфографического представления (дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: [Русский язык 2016, с. 242–243].

Третий виток идиоматизации (IDIOM³)

На третьем витке шкалы идиоматизации подвергается результат прагматикализации местоимения *самый* – прагматический маркер *это самое*, в результате рождается устойчивый сравнительный оборот («внутреннее клише») *как это самое*:

- 1) *и вот // Лукашенко сидел там как этот самый* [и значит [и все вывешивали там флагами этими (САТ);
- 2) *И при ней сказано: «Убийцы, душегубцы, святотатцы, воры, обманщики, негодяи и все подобные им люди должны жить в таких мрачных домах, как этот самый»* (ОП);
- 3) *Ему уже говорят / ты определись / что ты вообще там как это самое* (УП);
- 4) *И голос такой грубый был «га-га»/ как это самое* (УП);
- 5) *Мнение еще не изменилось еще потому что по поводу наших каких-то событий журналисты не страдают/ сообщают как это самое. А после 11 сентября их показывали они все так страдали/ сочувствовали* (УП);
- 6) [Солнце, жен] *Если тебе хочется / чтобы я тебя поревновала... / ну извините / ну никак... [Май, муж] Ты как эта самая...* (УП).

Любопытно, что в наиболее естественной устной речи (корпус ОРД) и в речи кино (подкорпус МУРКО, имитация естественной речи) подобных оборотов пока не нашлось. Такое сближение УР и речи кино не случайно, поскольку кинодиалогу присуща известная двойственность:

...он не спонтанный, но должен казаться таковым; он фиксирован, но должен казаться таким же эфемерным, как и речь, которую он имитирует [Духовная 2014, с. 23].

Таким образом, связь между появлением рассматриваемого устойчивого оборота и степенью спонтанности/естественности устной речи не очевидна, хотя и несомненно предполагается.

Из примеров видно, что конструкция *как это самое* идиоматизируется в разных своих грамматических формах.

ПМ *это самое* в повседневной речи – прежде всего поисковый вербальный хезитатив⁷, а в составе сравнительной конструкции с союзом *как* поиск уже и не предполагается.

⁷ Прагматические маркеры русской повседневной речи... С. 435–458.

Наблюдения и выводы

Как это самое – несомненный устойчивый оборот («внутреннее клише»), свойственный только разговорной речи. Он выражает в разных контекстах разное, зачастую трудноопределимое, значение (в перспективе возможен лингвистический эксперимент на понимание контекстов с этим оборотом разными группами носителей языка и инофонами). Вероятное значение этого фразеологизма – обобщенная отрицательная характеристика предмета речи (обычно человека) на основе его действий. Конструкция *как это самое* без искомого имени существительного носит подчеркнуто разговорный характер и встречается как в реальной УР, так и в ее имитациях в художественных текстах.

В целом корпусный подход к отбору и систематизации речевого материала создает благоприятные условия для описания подобных единиц в рамках даже не **лексикографии**, а **речеграфии** [Приемышева 2020, с. 58]. На корпусном материале, с использованием методики веерного шкалирования, в настоящем исследовании удалось «проверить» реальную представленность в устной повседневной русской речи всех «словарных» и «несловарных» функционально-семантических типов слова *самый*.

Полученные данные позволяют создать своего рода «лексикографический портрет» слова *самый* и могут быть полезны в разных аспектах, как теоретическом – коллоквиалистика и когнитивистика, так и практическом – преподавание РКИ, практика перевода русских художественных текстов на другие языки или создание искусственного интеллекта.

Литература

- Арутюнова 1965 – Арутюнова Н.Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / В.М. Жирмунский, О.П. Суник (ред.). М. -Л.: Наука, 1965. С. 89–93.
- Бондарко 1981 – Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 200 с.
- Гаспаров 1996 – Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Духовная 2014 – Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. 2014. № 3. С. 22–25.
- Приемышева 2020 – Приемышева М.Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь

- как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): Тезисы докладов междунар. конф. (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
- Русский язык 2016 – *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах*: Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сунь Сяоли 2021 – *Сунь Сяоли. Слово САМЫЙ на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Междун. научно-практ. конф., посвященной памяти С.Г. Стерлигова* / Отв. ред. Н.А. Воскресенская. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.
- Сян Янань 2024 – *Сян Янань. О функциях маркера *туда там* в русском устном дискурсе* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2024. № 8. С. 147–156.
- Шамсутдинова 2019 – *Шамсутдинова Р.Р. «Веерная» переходность местоимения *ничего** // *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи*: Сб. научных трудов Междун. науч. симпозиума / Ред. В.Н. Степанов, Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 221–228.

References

- Arutyunova, N.D. (1965), “On the Criterion of Distinguishing Analytical Forms”, Zhirmunsky, V.M. and Sunik, O.P. (eds.), *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical Constructions in Languages of Various Types], Nauka, Moscow, Leningrad, pp. 89–93.
- Bondarko, L.V. (1981), *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech], LGU, Leningrad, USSR.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian Language of Everyday Communication. Features of Functioning in Different Social Groups]. A collective monograph, LAYKA, St. Petersburg, Russia.
- Gasparov, B.M. (1996), *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo suschestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dukhovnaya, T.V. (2014), “Movie discourse: correlation with the notion of a living speech discourse”, *Vestnik Maykovskogo gos. tekhn. un-ta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], no. 3, pp. 22–25.
- Priemysheleva, M.N. (2020), “Colloquial Lexicon vs Colloquial Speech. Trends and Issues of Lexicographic Description”, Krysin, L.P. (ed.), *Povsednevnyaya rech kak*

- obyekt leksikografii* [Everyday Speech as an Object of Lexicography] Theses of reports of the international conf. February 23–25, 2020], In: *t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moscow, Russia*, pp. 58–59, available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf>.
- Sun, Xiaoli (2021), “The Word SAMYI on the Fan Scale of Transitivity (Based on Speech Corpus Data)”, Voskresenskaya, N.A. (ed.), *Yazyki i kul'tury: funktsionalno-kommunikativnyii lingvopragmaticheskii aspekty* [Languages and Cultures. Functional-Communicative and Linguopragmatic Aspects], Collection of articles based on the proceedings of the II International Scientific and Practical Conference commemorating S.G. Sterligov], Nizhny Novgorod Lobachevsky, State University, N. Novgorod, Russia, pp. 241–246.
- Xiang, Yanan (2024), “On the Functions of the Marker *tipa tam* in Russian Oral Discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 147–156.
- Shamsutdinova, R.R. (2019), “Fan-like Transitivity of the Pronoun *nichego*”, Stepanov, V.N., Ukhova, L.V. (eds.), *Russkaya grammatika: aktivnyye protsessy v yazyke i rechi* [Russian Grammar. Active Processes in Language and Speech, Collection of scientific works of the International Scientific Symposium], RIO YGPU, Yaroslavl, Russia, pp. 221–228.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Acknowledgements

The work was carried out under the Russian Science Foundation grant (project № 22-18-00189 “Investigating the Structure and Functioning of Consistent Multi-Word Units in Everyday Russian Speech”).

Информация об авторах

Наталья В. Богданова-Бегларян, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; n.bogdanova@spbu.ru

Сунь Сяоли, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков, Юго-Восточный университет, Нанкин, Китай; 211102, Китай, Нанкин, район Цзянин, ул. Юго-восточного университета, д. 2, sunxiaoli_smile@163.com

Information about the authors

Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; n.bogdanova@spbu.ru

Sun Xiaoli, Cand. of Sci. (Philology), senior lecturer, Institute of Foreign Languages, Southeast University, Nanjing, China; bld. 2, Southeast University Street, Jiangning District, Nanjing, China, 211102; sunxiaoli_smile@163.com

О функциях маркера *типа там* в русском устном дискурсе

Сян Янань

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, st112867@student.spbu.ru

Аннотация. В работе на корпусном материале рассматривается функционирование в русской устной повседневной речи единицы *типа там*, являющейся комбинацией двух прагматических маркеров (ПМ): вербальных хезитативов *типа* и *там*. Оба эти маркера отчетливо полифункциональны: ПМ *типа*, кроме основной функции хезитации, может еще вводить в повествование чужую речь (маркер-ксенопоказатель), а также (реже) выступать в роли разграничителя, аппроксиматора и ритмообразующего маркера. ПМ *там*, кроме хезитации, может еще выступать в роли ритмообразующего маркера и (реже) ксенопоказателя. Источниками материала для анализа стали устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус повседневной русской речи «Один речевой день». Проведенный анализ показал, что основными функциями комбинации *типа там* можно признать хезитацию, аппроксимацию и ввод чужой речи. Ритмообразующая функция, свойственная отдельно каждому компоненту комбинации, не актуальна для их объединения в силу слишком большой длины в слогах получившейся единицы. Представляется, что результаты исследования могут быть полезны для комплексного анализа устного дискурса в рамках коллоквиалистики, в практике перевода речи персонажей в русских художественных текстах на другие языки, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: прагматический маркер, речевое клише, русская речь, хезитация, аппроксимация, маркер-ксенопоказатель

Для цитирования: Сян Янань. О функциях маркера *типа там* в русском устном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 147–156. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-147-156

On the functions of the marker *tipa tam* in Russian oral discourse

Xiang Yanan

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia, st112867@student.spbu.ru

Abstract. The work, based on corpus material, considers the functioning of the unit *tipa tam* in Russian oral everyday speech, which is a combination of two pragmatic markers (PM): the verbal hesitatives *tipa* and *tam*. Both markers are clearly multifunctional: PM *tipa*, in addition to the main function of hesitation, can also introduce someone else's speech into the narrative (xeno-marker), and (less often) act as a delimiter, approximator and rhythm-forming marker. PM *tam*, in addition to hesitation, can also act as a rhythm-forming marker and (less often) a xeno-marker. The sources of material for the analysis were the spoken corpora of the Russian National Corpus and the oral corpus "One Speech Day". The analysis showed that the main functions of the combination *tipa tam* can be recognized as hesitation, approximation, and input of someone else's speech. The rhythm-forming function, inherent separately to each component of the combination, is not relevant for combining them – due to the too long length in the syllables of the resulting unit. It seems that the results of the study can be useful for a comprehensive analysis of oral discourse within the framework of colloquialism, in the practice of translating the speech of characters in Russian literary texts into other languages, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: pragmatic marker, speech cliché, Russian speech, hesitation, approximation, xeno-marker

For citation: Xiang Yanan (2024), "On the functions of the marker *tipa tam* in Russian oral discourse", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 147–156, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-147-156

Введение

Устный дискурс давно находится в центре внимания лингвистов разных направлений. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ называл «живой язык» главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 103]. Ср. также: «именно разговорная речь является достоянием любого носителя языка,

независимо от его возраста, образованности и культуры»¹; устная речь (УР) «есть первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** (выделение автора. – Я. С.) лица» [Гумбольдт 1964, с. 68]. В УР отражаются не только социально-психологические особенности личности, но и речевые акты общения, что важно в разных аспектах лингвистики.

В устном дискурсе существует ряд функциональных единиц, восходящих к обычным лексемам и ставших результатом активного процесса *прагматикализации* – *прагматические маркеры* (ПМ). В УР они практически лишены и лексического, и грамматического значения и выполняют лишь те или иные функции [Богданова-Бегларян 2021]. ПМ употребляются неосознанно, на уровне речевого автоматизма, они свойственны речи всех говорящих, хотя стоит отметить, что прежде всего – говорящих на родном языке. ПМ очень частотны в русской устной коммуникации, и их появление в речи на неродном языке свидетельствует о высоком уровне владения разговорной речью изучаемого языка. Знакомство с русскими ПМ важно для иностранцев на уровне не порождения речи (говорения), а ее восприятия (понимания) (см. об этом: [Богданова-Бегларян 2023]). В силу своей частотности неоднословные ПМ вполне могут рассматриваться как *речевые клише*. Это не сознательная реакция говорящего на реплику собеседника (как *дискурсивные формулы* – см. [Жукова и др. 2019]), а неосознанное маркирование его собственных затруднений в речепорождении («внутренние» клише), что может быть и в диалоге, и в монологе.

ПМ русской спонтанной речи, достаточно разнообразны. Так, *хезитативы* служат для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях. *Разграничительные маркеры*, стартовые, направляющие (навигационные) или финальные, помогают говорящему структурировать устный текст. *Маркеры-ксенопоказатели* вводят в повествование чужую речь – в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека» [Левонтина 2010, с. 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022]. *Ритмообразующие маркеры* позволяют создать гармонию ритмических групп в речевом

¹ Русакова М.В. Психолингвистика. Вступительные лекции: Учеб. пособие для филол. фак. СПб.: РГПУ, 2002. С.32

потоке (см. типологию ПМ: [Богданова-Бегларян 2021]). *Маркеры-аппроксиматоры* показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляются, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013, с. 631]. Близким к аппроксиматору является понятие *хеджа* (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [Lakoff 1973, с. 471]. При хеджировании используются слова (единицы) «осторожной» модальности – неопределенные местоимения или наречия, а также вводные слова, маркирующие неуверенность говорящего (*какой-то, наверное, как-нибудь*). Согласно теории речевых актов, стратегия хеджирования направлена на ослабление иллокутивной силы высказывания, так как хеджи придают высказыванию расплывчатость, частично снимают с говорящего ответственность за сказанное и смягчают категоричность его утверждений [Fraser 2013]. Можно сказать, что хеджи и маркеры-аппроксиматоры взаимно усиливают неуверенность говорящего [Богданова-Бегларян, Сян Янань 2023, с. 61] и совместно выполняют функцию снижения категоричности высказывания и подчеркивания неточности использованной номинации.

Материал, объект и анализ

Источниками материала для анализа послужили устный подкорпус (УП) НКРЯ² и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД)³ созданный на филологическом факультете СПбГУ.

Объектом внимания в работе является функционирование в русском устном дискурсе неоднословной прагматической единицы («внутреннего» речевого клише) *типа там*, состоящей из двух ПМ: вербального хезитатива, аппроксиматора и ксенопоказателя *типа* и вербального хезитатива и ксенопоказателя *там*. Оба эти маркера (как большинство ПМ) явно полифункциональны: *типа*, кроме своей основной функции хезитации, может еще вводить в повествование чужую речь (маркер-ксенопоказатель), а также (реже) выступать в роли разграничителя, аппроксиматора и ритмообразующего маркера. *Там*, кроме хезитации, может еще

² НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 12 декабря 2023).

³ ОРД – Корпус русской повседневной речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru> (дата обращения 12 декабря 2023).

выступать в функции ритмообразующего маркера и (реже) ксенопоказателя⁴.

Примеры из речевых корпусов хорошо это иллюстрируют, ср.:

- 1) *ну у нас там / вообще так туно / элективный курс / да **типа** надо* (ОРД) (аппроксиматор);
- 2) *Дора% / **типа** привет / *П у меня к тебе шкурная тема *П # Коля% / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? *П # ну **типа** / *П причём разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с накладными мозгами* (ОРД)⁵ (вербальный хезитатив + аппроксиматор);
- 3) *и спросил / ну **типа** умеешь вообще кататься или нет ? сидела за рулём ?* (ОРД) (ксенопоказатель + аппроксиматор)⁶;
- 4) *И он всё / пошёл типа залезать в машину. **Типа** «Иди сюда / поехали!» Я говорю / «Ну надо же какой хитрец!»* (УП) (ксенопоказатель + аппроксиматор);
- 5) *вы что-то / говорит / ищите(:) (...) а да мои девки ис... присели отдыхают // ну(:) () **там** () шлялись* (ОРД) (хезитатив + ритмообразующий маркер);
- 6) *стильную **там** всякую мебель* (ОРД) (хезитатив + ритмообразующий маркер);
- 7) *ну сколько ? # грубо говоря **там** / четыре с половиной на два восемьдесят где-то* (ОРД) (хезитатив + ритмообразующий маркер);
- 8) *и она как на нас налетела ! вот **там ты-ты-ты-ты-ты-ты** / да мы алкаши **там** / ну что-то там такое / я не помню* (ОРД) (хезитатив + ксенопоказатель + ритмообразующий маркер).

Видно, что функция аппроксиматора присутствует практически во всех изолированных употреблениях *типа* и *там*. Видно также, что по своим прагматическим значениям (функциям) данные ПМ очень близки между собой, что отразилось и на свойствах их комбинации *типа там*, ср.:

- 9) [Слава] *Макс. Максим. Надо слоган какой-то убедительный придумать. **Типа там** / Я дам вам... Что он им может дать?* [Леша]

⁴ Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 391–404.

⁵ Об особенностях орфографического представления материала ОРД см.: [Русский язык 2016, с. 242–243].

⁶ Здесь и далее в примерах с маркерами-ксенопоказателями чужая речь подчеркнута.

- Смотря чего у них нет [Слава] Ничего у них нет [Леша] Такой слоган / Я дам вам всё (УП) (хезитатив + ксенопоказатель + аппроксиматор);*
- 10) *ну заходят / а тётка такая значит там говорит(:) / эта самая старая дева говорит / вот блин // тут такая вот х**ня / вот (...) вот (...) я (...) втихаря от тебя / вот там () я с ним там () **типа там** (...) отрывалась по полной программе (ОРД) (хезитатив + аппроксиматор);*
- 11) *и там написано что как раз вот это вот ... (а) как это () жадность да ? ну что **типа там** они не платят тоже как оправдание / на самом деле просто ты им не нравишься типа / вот из этого разряда (ОРД) (ксенопоказатель + аппроксиматор);*
- 12) *Ну были/конечно/такие трудные институты/это как бы серьёзные **типа там**/я не знаю/там где-то технические или там/не знаю/университет (УП) (хезитатив + аппроксиматор).*

Любопытны контексты (9) и (11), в которых единица *типа там* выступает, в числе прочего, в роли маркера-ксенопоказателя и вводит достаточно протяженные фрагменты чужой речи. Присутствие хезитатива *там* дает говорящему дополнительное время для обдумывания этих чужих реплик (хезитация), а наличие аппроксиматора *типа* свидетельствует о том, что говорящие не вполне уверены в правильности передаваемой речи и не готовы нести ответственность за ее точность.

Во всех примерах можно видеть множество хеджей, которые, как уже отмечалось выше, часто сопутствуют аппроксимации и «сотрудничают» с комбинацией ПМ в выражении неопределенности, а также других ПМ, свидетельствующих о затруднениях говорящего. Видно, что функции хезитации и аппроксимации в употреблении *типа там* присутствуют практически всегда.

Еще некоторые наблюдения

На основе маркера *типа* в русской устной речи строятся и другие устойчивые комбинации («внутренние» клише), кроме рассмотренной единицы *типа там*. Об этом можно говорить отдельно, ср.:

- 13) *По аське / дословно не помню... **Что-то типа** / «Привет / как делишки?» (УП);*
- 14) *Это уже как патефон / знаешь / **типа того** (УП);*
- 15) *Ну / **типа того** / как концерт? (УП);*

- 16) **Типа того** / давайте гайзы / come on / пишите в Москву (УП);
17) ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик //
*П **типа того что** блин / *П *Х *П давайте общаться ! (ОРД);
18) он такой / я же сказал / надо () головой во все стороны крутить /
чтобы шея / что / *В ну что / чтобы шея сломалась / **типа того**
что не надо бояться (ОРД).

Другие речевые клише на базе *типа* могут послужить стимулом для продолжения исследований в избранном направлении. Здесь выявляются те же функции хезитации, аппроксимации и ввода чужой речи, к которым добавляются также функции стартового (16) и финального (14) разграничительных ПМ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что основными функциями комбинации («внутреннего» речевого клише) *типа там* можно признать хезитацию, аппроксимацию и ввод в повествование чужой речи. Ритмообразующая функция, характерная для каждого элемента комбинации в отдельности, не характерна для их объединения, потому что длина получающейся единицы в слогах слишком велика⁷.

Полученные результаты могут уточнить существующие описания прагматических маркеров *типа* и *там*. Расширяется круг речевых клише за счет «внутренних», или метаязыковых, единиц. Результаты исследования могут быть полезны для различных прикладных аспектов лингвистики (когнитивистика, социо- и психолингвистика, лингвокриминалистика, создание искусственного интеллекта и проч.), а также для практики преподавания русского языка как иностранного (особенно в китайской аудитории) и для практики перевода устной речи персонажей русских художественных текстов на другие языки, в том числе на китайский.

⁷ Ритмообразующую функцию чаще всего выполняют односложные маркеры (*вот, ну, там* и под.). Самым длинным из зафиксированных ПМ такого типа является *короче*, ср.: **ну** все **короче** | книги у него | заканчивают-ся | трагично (ОРД).

Литература

- Богданова-Бегларян 2021 – *Богданова-Бегларян Н.В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- Богданова-Бегларян 2023 – *Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматические маркеры как показатель уровня владения русским разговорным языком (на материале речи инофонов) // Слово. Словарь. Словесность: К 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Сакмары Георгиевны Ильенко: Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 г. (в печати)
- Богданова-Бегларян, Сян Янань 2023 – *Богданова-Бегларян Н.В., Сян Янань.* Аппроксимация и хеджирование в языке и речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2023): Труды десятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. П.А. Скрелин, У.Е. Кочеткова. СПб.: Политехника-принт, 2023. С. 60–65.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Языкознание // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 96–117.
- Гумбольдт 1964 – *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. С. 85–104.
- Жукова и др. 2019 – *Жукова С.Ю., Орехов Б.В., Рахилина Е.В.* Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 21. С. 142–164.
- Левонтина 2010 – *Левонтина И.Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.
- Подлеская 2013 – *Подлеская В.И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Русский язык 2016 – *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян.* СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022 – *Bogdanova-Beglarian N.V., Ryko A.I.* Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: Междисциплинарные исследования: Сб. статей / Под ред. С.Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

- Fraser 2013 – Fraser B. Forthcoming. A Brief History of Hedging // Vagueness in Language / Ed. by St. Schneider. Bingley: Emerald Publishing, 2013. P. 201–213.
- Lakoff 1973 – Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 458–508.

References

- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian Language of Everyday Communication. Features of Functioning in Different Social Groups], LAIKA, St. Peterburg, Russia.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2021), “Editor’s Foreword”, *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech. Dictionary-Monograph], Nestor-Istoriya, St. Peterburg, Russia, pp. 5–52.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. and Ryko, A.I. (2022), “Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL”, *Sinerhiya yazykov i kul'tur 2021: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Synergy of Languages and Cultures 2021. Interdisciplinary Research], St. Petersburg, Russia, pp. 80–89.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2023), “Pragmatic Markers as an Indicator of the Level of Proficiency in the Russian Spoken Language (Based on the Speech of Foreign Speakers)”, *Slovo. Slovar'. Slovesnost': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora, chlena-korrespondenta RAO Sakmary Georgievny Il'enko, Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Word. Dictionary. Literature. Commemorating the 100th Anniversary of the Birth of Sakmara Georgievna Ilyenko, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Proceedings of the All-Russian Sci. Conf. Saint Petersburg, November 16–17, 2023], St. Petersburg, Russia (in print).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. and Xiang Yanan (2023), “Approximation and Hedging in Language and Speech”, Skrelin, P.A. and Kochetkova, U.E (eds.), *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2023), Trudy desyatogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2023), 10th Int. Conf. Proc.], St. Petersburg, Russia, pp. 60–65.
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963), “Linguistics”, *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected Works on General Linguistics], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Russia, pp. 96–117.
- Fraser, B. (2013), “Forthcoming. A Brief History of Hedging”, Schneider, St. (ed.), *Vagueness in Language*, Emerald Publishing, Bingley, Leeds, England, pp. 201–213.
- Humboldt, W. fon. (1964), “On the Difference in the Structure of Human Languages and its Influence on the Spiritual Development of the Human Race (extracts)”,

- Zvegintsev, V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the Nineteenth and Twentieth Centuries in Essays and Extracts], Prosveshchenie, Moscow, Russia, pp. 85–104.
- Lakoff, G. (1973), Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts, *Journal of Philosophical Logic*, no. 2, pp. 458–508.
- Levontina, I.B. (2010), “Paraphrasing in Russian”, *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii, Ezhegodnaya Mezhdunarodnaya konferentsiya «Dialog»* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies, Annu. Int. Conf. “Dialogue” (Bekasovo, May 26-30, 2010)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 284–289.
- Podlesskaya, V.I. (2013), “Fuzzy Nomination in Russian Colloquial Speech. Experience of Corpus Research”, Selegei, V.P.(ed.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii, Ezhegodnaya Mezhdunarodnaya konferentsiya «Dialog»* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies, Annual Int. Conf. “Dialogue” (Bekasovo, May 29- June 2, 2013). The main program of the conference, iss. 12 (19): in 2 vols. V. 1, RGGU, Moscow, Russia, pp. 631–643.
- Zhukova, S.Yu., Orekhov, B.V. and Rakhilina, E.V. (2019), “Discourse Formulae in Russian: Diachronic Approach”, *Proc. of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, vol. 21, pp. 142–164.
- .

Информация об авторе

Сян Янань, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; дом 11, Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия, 199034; st112867@student.spbu.ru

Information about the author

Xiang Yanan, postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034; st112867@student.spbu.ru

Антонимические пары форм-идиом в русском повседневном дискурсе

У Нань

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, st103099@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей употребления в русском повседневном дискурсе ряда предложно-падежных структурных единиц-конструкций – *форм-идиом* (ФИд) (*в кайф* – *не в кайф*, *в масть* – *не в масть*, *к добру* – *не к добру*, *в духе* – *не в духе*, *в себе* – *не в себе*). Проведенный анализ корпусного материала показал, что некоторые подобные пары форм-идиом являются действительными антонимами (*в кайф* – *не в кайф*, *в масть* – *не в масть*), а в других парах ФИд наличие или отсутствие отрицательной частицы меняет не просто семантику (плюс на минус), но и грамматику: *Ох/не к добру это* (сказуемое) – *Чё-то живот не к добру побаливает* (дополнение) – *одна и та же особенность льва может толковаться <....> и к добру/и ко злу* (обстоятельство). Это уже не позволяет считать такие пары антонимичными. Порой устранение отрицательной частицы вообще выводит словоформу за рамки форм-идиом: *сегодня чё-то не в духе он* (ФИд, сказуемое) – *как раз это в духе Средневековья* (предлог, часть сказуемого). Исследование проведено на базе материалов корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (основной материал) и устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (дополнительный материал).

Ключевые слова: повседневная речь, форма-идиома, семантика, синтаксическая функция, корпусный подход

Для цитирования: У Нань. Антонимические пары форм-идиом в русском повседневном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 157–165. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-157-165

Antonymous pairs of forms-idioms in Russian everyday discourse

Wu Nan

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia, st103099@student.spbu.ru

Abstract. The article deals with the description of the usage peculiarities in Russian everyday discourse of a number of prepositional-case structural units-constructions – forms-idioms (FIId) (*v kajf – ne v kajf, v mast' – ne v mast', k dobru – ne k dobru, v dukhe – ne v dukhe, v sebe – ne v sebe*). The analysis of the corpus material showed that some similar pairs of forms-idioms are real antonyms (*v kajf – ne v kajf, v mast' – ne v mast'*), and in other pairs of FIId the presence or absence of a negative particle changes not just semantics (plus to minus), but also grammar: *Okh/ ne k dobru eto* (predicate) – *Cho-to zhivot ne k dobru pobalivayet* (addition) – *odna i ta zhe osobennost' l'va mozhет tolkovat'sya <....> i k dobru/ i ko zlu* (circumstance). It no longer allows considering such pairs as antonymous. Sometimes the elimination of a negative particle generally takes the word form beyond the framework of forms-idioms: *segodnya cho-to ne v dukhe on* (FIId, predicate) – *kak raz eto v dukhe Srednevekov'ya* (preposition, part of the predicate). The study was conducted on the basis of materials from the corpus of Russian everyday speech “One Speech Day” (base material) and the oral subcorpus of the National Corpus of the Russian Language (additional material).

Keywords: everyday speech, idiom-form; semantics; syntactic function; corpus approach

For citation: Wu Nan. (2024), “Antonymous pairs of forms-idioms in Russian everyday discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. no. 8, pp. 157–165, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-157-165

Разговорная речь (РР), по мнению Н.Ю. Шведовой, в отличие от письменной речи, имеет такую важную особенность, как наличие большого количества особого рода *стабилизовавшихся построений*, с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими [Шведова 1960, с. 7]. Это, безусловно, повышает актуальность и значимость всех исследований, построенных на материале устной РР.

Вслед за Е.А. Земской и ее группой разговорная речь понимается как непринужденная речь носителей литературного языка,

которая обслуживает сферу неофициального, неподготовленного личного общения. Исследователи отмечают, что говорящий, находясь в условиях непринужденной, неподготовленной и неофициальной коммуникации, «стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к *готовым языковым формулам*, в том числе всякого рода *клише, шаблонам, стереотипам*» [Земская и др. 1981, с. 6]. Анализ таких готовых языковых формул – актуальная задача коллоквиалистики и всей современной лингвистики.

Одной из разновидностей таких готовых языковых единиц (речевых клише) являются неоднословные, чаще предложно-падежные, словоформы, выступающие в речи как устойчивые единицы и определяемые П.А. Лекантом как *формы-идиомы* (ФИД): *без разницы, по барабану, не горит, ни фига, в принципе* и под. Предложенный термин П.А. Лекант объясняет тем, что в структуре этих (в частности предложно-падежных) форм

...нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным. Предлог не может быть определен и как формальное слово, как носитель грамматического значения. Всем этим формы-идиомы отличаются от соответствующих свободных сочетаний предлога с существительным [Лекант 1965, с. 42–43].

В корпусе русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru>) (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус 2013; Русский язык 2016; Богданова-Бегларян и др. 2019]) изначально было выявлено 30 форм-идиом более чем в 140 контекстах [Лю Даян 2020], в ходе дальнейшего анализа этот список ФИД был расширен до 300 контекстов.

ФИД в настоящей работе рассматриваются как грамматические единицы-конструкции, которые, в полном соответствии с Грамматикой конструкций (Construction Grammar, или CxG) [Fillmore et al. 1988; Рахилина, Кузнецова 2010], можно представить рядом различных структур, например: <До + N₂> (*до дури, до фига*); <По + N₃> (*по идее, по фигу*); <В + N₆> (*в натуре, в принципе*) и под. [У Нань 2022]. В группе выделенных ФИД существуют особые предложно-падежные структурные пары с факультативным отрицанием: *в кайф – не в кайф, в масть – не в масть, к добру – не к добру, в духе – не в духе, в себе – не в себе*. Именно такие пары и стали предметом исследования в настоящей работе.

Источниками материала для анализа послужили корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) и устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Корпус ОРД является основным материалом исследования, в нем представлена русская устная речь во всем ее жанровом многообразии: монологи, диалоги и полилоги, русская спонтанная речь в максимально естественной ее форме. УП НКРЯ стал дополнительным материалом, в котором, помимо бытовой повседневной речи носителей языка, представлена и их публичная речь, и транскрипты кинофильмов (квазиспонтанная речь). Общий объем пользовательского подкорпуса составили 538 контекстов с исследуемыми ФИД.

Весь материал был описан и систематизирован в семантическом и грамматическом аспектах. ФИД *в кайф*, *в масть*, *не к добру*, *не в духе*, *не в себе* толкуются в словарях русского языка – как академических (толковых, фразеологических, словарях синонимов, пословиц, поговорок и проч.), так и в словарях неформальной лексики (разговорной речи, молодежного сленга, аргю и под.). В ходе анализа в рамках настоящего исследования были описаны две группы ФИД и близких к ним структурных образований: 1) *в кайф*, *в масть*, 2) *не к добру*, *не в духе*, *не в себе*.

Формы-идиомы первой группы (*в кайф*, *в масть*) зафиксированы в словарях русского языка. Так, в «Толковом словаре русской разговорной речи»¹ дается толкование этих форм, а в приведенных примерах появляются и сочетания данных ФИД с частицей *не*, которая, как можно понять по отсутствию лексикографических комментариев, не влияет на семантику формы, а только меняет «плюс» на «минус». А в «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В.В. Химика² четко и ясно показано, что отрицательная частица *не* является факультативным элементом данных форм и ее появление может повлечь за собой изменение как значения, так и грамматики: **(не) в кайф**. кому, (в зн. нареч.), в функц. сказ. (не) нравится, (не) приятно, (не) доставляет удовольствие³; **(не) в масть**. в зн. нареч. (не) удачно, (не) кстати, (не) соответственно требующемуся⁴.

Уже по словарным данным можно заключить, что ФИД *в кайф* – *не в кайф*, *в масть* – *не в масть* действительно могут быть антонимами, и это подтверждается анализом корпусного материала, ср. (все примеры атрибутированы с указанием корпуса, во всех

¹ Толковый словарь русской разговорной речи / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под ред. Л.П. Крысина. М., 2014.

² Химик В.В. Словарь русской разговорно-обиходной речи. Том 1. А–Н. СПб.: Златоуст, 2017. 530 с.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 431.

случаях в скобках указано *слово-идентификатор*, наличие которого лишь подтверждает идиоматический характер единицы)⁵:

- (1) *однако / *П *В *П не в кайф* это мне по понятиям // **В водочки б ещё выпил* (ОРД)⁶ (= не нравится);
- (2) *Он учится потому что ему в кайф* / *извините/ за вульгаризм/ ему нравится* (УП) (= нравится);
- (3) *Сначала всё в кайф / а потом и не в кайф* (УП) (= нравится / не нравится).
- (4) *ну / сейчас как бы / не в *Н масть / дачу-то продавать* (ОРД) (= не время, неподходящий момент);
- (5) *мне как-то всегда идёт вот прям в масть / вс-всегда больше всех я ловлю* (УП) (= кстати, в подходящий момент).

Порой говорящий сам использует в своем высказывании слово-идентификатор, как бы «переводя» ФИД с разговорно-обиходного языка на литературный – см. пример (2). А в контексте (3) употреблены сразу обе формы – с отрицанием и без, – словно говорящий специально обыгрывает их антонимичность.

Стоит отметить также, что в грамматическом аспекте такие антонимические пары выполняют одинаковую синтаксическую функцию: ФИД (*не*) *в кайф* выступает чаще всего как сказуемое личного (*это/всё (не) в кайф*) или безличного (*ему в кайф*) предложения и подчиняется общим законам языка; ФИД (*не*) *в масть* употребляется в роли обстоятельства времени.

Однако в остальных парах (ФИД или внешне близких к ним форм) (*к добру – не к добру, в духе – не в духе, в себе – не в себе*) наличие или отсутствие отрицательной частицы меняет не просто семантику, но и грамматику, ср.:

- (6) *понимаю/ что человек может быть не в духе* (УП) (ФИД в функции сказуемого личного предложения; = в плохом настроении);
- (7) *А с меня / в духе русских литературных традиций я скажу* (УП) (предлог, не ФИД);

⁵ По мнению Ш. Балли, в качестве критериев фразеологичности (идиоматичности) той или иной единицы выступают устойчивость, воспроизводимость, сверхсловность, а также возможность ее замены словом или единицей-идентификатором [Балли 1955, 1961]. См. о важности данного критерия также: [Виноградов 1986].

⁶ Об особенностях орфографического представления (дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: [Русский язык 2016, с. 242–243].

- (8) *Ох/ не к добру это* (УП) (ФИд в функции сказуемого личного предложения; = что-либо предвещает неудачу);
- (9) *одна и та же особенность льва может толковаться <....> и к добру / и ко злу* (УП) (существительное с предлогом, не ФИд);
- (10) *он говорит / да / надо вам с головой работать // и он (...) два сеанса работал с моей головой // потому что видно было / что я вот ... # а / никакая // # не в себе / потому что () ну тяжело пережили // @ ну не то слово // @ *П Настя% / да / это дело* (УП) (ФИд в функции сказуемого личного предложения; = в состоянии подавленности, помрачения рассудка);
- (11) *просто сказать то/ что/ если ты в себе так не уверен* (УП) (местоимение с предлогом, не ФИд).

Видно, что устранение отрицательной частицы может выводить словоформу за рамки форм-идиом – см. примеры (7), (9) и (11). Антонимическими такие пары признать уже нельзя.

Понимание специфики подобных единиц позволяет устанавливать системные отношения в классе форм-идиом. Эти отношения могут быть не только антонимическими, как в рассмотренных в настоящей работе, но и синонимическими: например, ФИд *по барабану, без разницы, по фигу*, выступая в роли сказуемого, объединяются в синонимическую группу с общим значением ‘все равно, безразлично’ [У Нань 2022]; ФИд *не вопрос, не проблема, без вопросов, без проблем* – в группу формул согласия; и т. д.

Сделанные наблюдения вынуждают обращать на такие единицы особое внимание в аспекте преподавания РКИ или в практике перевода русских художественных текстов, содержащих разговорную речь персонажей, на другие языки.

Литература

- Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Балли 1961 – Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
- Богданова-Бегларян и др 2019 – Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован; Отв. ред. выпуска В.А. Плуныян. М., 2019. С. 101–110.

- Виноградов 1986 – *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1986. 640 с.
- Звуковой корпус 2013 – Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Колл. монография: В 3 т. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013. 532 с.
- Земская и др. 1981 – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Лекант 1965 – *Лекант П.А.* К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.
- Лю Даян 2020 – *Лю Даян.* Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с. (машинопись).
- Рахилина, Кузнецова 2010 – *Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л.* Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.
- Русский язык 2016 – Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: Колл. монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- У Нань 2022 – *У Нань.* Формы-идиомы в значении ‘все равно’ в русской повседневной речи: гендерный аспект и когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50). Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 15–16 сентября 2022 г. / Отв. ред. вып. Е.В. Федяева. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 415–418.
- У Нань 2023 – *У Нань.* Функционирование формы-идиомы В ПРИНЦИПЕ в русском устном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 20–21 апреля 2023 г. Часть I / Отв. ред. вып. Л.А. Фурс. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 763–767.
- Шведова 1960 – *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960. 170 с.
- Fillmore et al. 1988 – *Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C.* Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone // *Language*. 1988. Vol. 64. № 3. P. 501–538.

References

- Bally, S. (1955), *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language], Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.
- Bally, S. (1961), *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics], Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.

- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description], St. Petersburg, Russia.
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh: Koll. monografiya* [Russian language of everyday communication. Features of functioning in different social groups. Collective monograph], LAIKA, St.. Petersburg, Russia.
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. and Sherstinova T.Yu. (2019), "Corpus of the Russian language of everyday communication 'One speech day', Current state and prospects", Moldovan, A.M. and Plungyan, V.A. (eds.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, iss. 21, National Corpus of the Russian Language. Research and Development], Moscow, Russia.
- Fillmore, Ch.J., Kay, P. and O'Connor, M.C. (1988), "Regularity and Idiomatcity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone", *Language*. vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Lekant, P.A. (1965), "On the issue of idiom forms in the Russian language", *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vyshei i srednei shcole* [Issues of phraseology and the tasks of its study in higher and secondary schools], Sev.-Zap. kn. izd-vo, Vologda. Russia, pp. 41–43.
- Liu Dayang (2020), *Phraseological units in Russian everyday speech. Typology and functioning*, PhD Thesis, St. Petersburg, Russia. (typescript).
- Rakhilina, E.V. and Kuznetsova, Yu.L. (2010), "Constructions in the Grammar of Constructions" Rakhilina, E.V. (ed.), *Lingvistika konstruktssii* [Linguistics of constructions], Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 19–24.
- Shvedova, N.Yu. (1960), *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech], Nauka, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1986), *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove*. 3 [Russian language. Grammatical doctrine of the word], 3rd edn., Vyssh. Shkola, Moscow, Russia.
- Wu Nan. (2022), "Forms-idioms in the meaning of 'all the same' in Russian everyday speech. Gender aspect and cognitive approach", Fedyaeva., E.V.. (ed.), *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 3 (50). Kognitsiya, kul'tura, kommunikatsiya v sovremennykh gumanitarnykh naukakh: Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. 15–16 sentyabrya 2022 g.* [Cognitive language studies, iss.. 3 (50). Cognition, culture, communication in modern humanities. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. September 15–16, 2022], NSTU, Novosibirsk, Russia, pp. 415–418.
- Wu Nan (2023), "Functioning of the form-idiom IN PRINCIPLE in Russian oral discourse", *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 3 (54). Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs: sovremennye aspekty issledovaniya: Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar.*

- uchastiem. 20–21 aprelya 2023 g.* [Cognitive studies of language. Vol. 3 (54). Cognition, communication, discourse. Modern aspects of research, Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. April 20–21, 2023], Part I. Furs, L.A. (ed.), Derzhavinsky, Tambov, Russia, pp. 763–767.
- Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. and Shiryaev, E.N. (1981), *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

У Нань, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; st103099@student.spbu.ru

Information about the author

Wu Nan, master, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034; st103099@student.spbu.ru

Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации

Валентина Г. Кульпина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ актуальной проблематики фразеологизированных диалогических клише. Рассматриваемый тип клишированных языковых единиц представляет собой синтаксические фразеологизмы – фразеосхемы, то есть нечленимые коммуникативные единицы. Особенности диалогических клише данного типа состоит в содержащихся в них местоименных включениях, что и обуславливает определенную специфику таких единиц. Этот тип клише стал в наши дни объектом лексикографического описания, единицей словаря. Обращается внимание на то, что эти же языковые единицы, в том числе формы так называемого дательного этического, в славянских языках, наследуя латинскую традицию, включаются в морфологическую парадигму местоимений, что придает им статус единиц грамматики, а не словаря. По результатам проведенного анализа устанавливается, что обозначившееся противоречие в интерпретации и квалификации таких структур как объектов словарного описания и одновременно элементов грамматики – обусловлено практическим удобством и сложившейся прагматикой их грамматического и лингводидактического описания как членов морфологических парадигм. В фокусе интереса находятся проблемы интерпретации и квалификации таких структур, дифференциации их типов, степень их фразеологизации и грамматикализации. Работа строится прежде всего на материале русского языка, но затрагивается и материал ряда других славянских языков.

Ключевые слова: диалогическое клише, синтаксический фразеологизм, местоимение, падеж, лексикография, словарь, русский язык, славянские языки

Для цитирования: Кульпина В.Г. Дефразеологизация диалогических клише как путь к грамматикализации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 166–180. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-166-180

Dephraseologization of dialogic cliché as a way to grammaticalization

Valentina G. Kulpina

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, vgrkulpina@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the current problematic of dialogic cliché. Such type of phraseological language units is a sort of syntactic phraseologisms – so called phraseological schemes, the undivided communicative units. Their peculiarity of dialogic clichés of that type lies in the pronoun inclusions they contain, which stipulate certain specificity of such units. These language units are nowadays subjects of lexicographical, dictionaries' description. In the article the attention is paid to the parts of such phraseological units, e. g. the forms of Dativus Ethicus) in Slavic languages which succeed the Latin tradition, so that they are included into morphologic paradigms of pronouns. Such way they gain the status of grammar units, but not dictionary ones. On the base of the analysis it is asserted that apparent contradiction in the interpretation and qualification of such structures as objects of dictionary description and, at the same time, elements of grammar is caused by practical convenience and the existing pragmatics of their grammatical and linguodidactic description as the members of morphologic paradigms. In the central position are the issues of interpretation and qualification of such structures, differences of their types, the degree of their phraseological and grammatical content. In the article the material of Russian and some other Slavic languages is used.

Keywords: dialogic cliché, syntactic phraseologism, pronoun, case, lexicography, dictionary, Russian language, Slavic languages

For citation: Kulpina, V.G. (2024), "Defraseologization of dialogic cliché as a way to grammaticalization", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 166–180, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-166-180

1. Диалогические клише в нашей жизни и в словаре

Еще со школы помнится экспрессивное выражение «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», исторический факт превратился в крылатое выражение, означающее неожиданный разворот судьбы. Выражение воспринимается как некая целостность. Если сопоставить его с другими выражениями, строящимися по той же схеме (фразеосхеме), то в нем выделяется общая часть **Вот тебе... и**. Такого

рода языковые единицы зафиксированы в «Словаре экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» В.Ю. Меликяна¹ и являются предметом обсуждения в монографии этого же автора [Меликян 2019]. Фразеосинтаксическая схема (фразеосхема) – термин Д.Н. Шмелева (см.: [Шмелев 1976, с. 326–327]. Приведем дефиницию фразеосхемы:

...это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое понятийное смысловое содержание (т. е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и расширяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию².

Обратимся к примерам на фразеосхему *Вот тебе и...* из вышеуказанного словаря: (1) с положительной оценочностью: «*Ну и Павка! Вот тебе и шкет!* (Н. Островский. Как закалялась сталь)» (СЭУФ 2016); (2) с отрицательной оценочностью: «*Вот тебе и Светлое Христово воскресенье, – горестно воскликнул Сашок* (М. Горький)»³.

Фразеологизированный характер таких единиц проступает достаточно отчетливо.

2. Дательный этический как феномен фразеологии и грамматики

Хотя в приведенных выше и им подобных выражениях вполне рельефно выделяется общая фразеосхема *Вот тебе и*, тем не менее, не взирая на фразеологизированный характер, в этих структурах (синтаксических фразеологизмах) принято выделять так называемый дательный этический (dativus ethicus) в качестве элемента падежной парадигмы (с присущей ему специфической падежной

¹ Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 32 (далее отсылки на это издание – СЭУФ 2016 – даны в тексте в круглых скобках).

² Меликян В.Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 161–162.

³ Там же.

семантикой), что имеет приметы противоречия в плане одновременной принадлежности этих форм и грамматической системе, и фразеологическому фонду языка. Признаки этого падежа: экспрессивность, разговорность, оценочность (выражает отношение говорящего к происходящему – положительное или (чаще) отрицательное), возможность его изъятия из предложения без нарушения его структурно-семантической целостности. Главное здесь в том, что формы дательного этического относятся ко всему предложению и вместе с тем могут быть изъятые из него без нарушения его структурно-семантической целостности.

С.И. Соболевский называет этот падеж дательным нравственного участия⁴; польская исследовательница Х. Конечна определяет *dativus ethicus* как конвенциональный дательный [Konieczna 1938–39, с. 110], а чешские исследователи Я. Бауэр и М. Гремпл называют его *emocionální dativ* ‘эмоциональный дательный’ [Bauer, Grempl 1965, с. 140]. Г.И. Кустова считает, что его «правильнее было бы назвать экспрессивным дательным» [Кустова 2011].

Формы с подобной экспрессивной семантикой в русском языке связываются исключительно с дательным падежом. Его самой частотной реализацией являются формы местоимений 1-го и 2-го лица единств. числа (хотя могут встретиться и другие вариации форм лица и числа).

И таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с высокочастотными фразеосхемами, то есть с нечленимыми структурами. С другой же стороны, в них выделяется падежная форма, то есть часть морфологической парадигмы. О принципах и процедурах выделения падежа пишет А.А. Камынина в учебнике «Современный русский язык»⁵, а Е.Н. Лютикова в книге «Формальные модели падежа: Теории и приложения» описывает формирование падежа в терминах *приписывание падежа, механизмы приписывания падежа* [Лютикова 2017, с. 48–62].

По всей вероятности, выделение падежной формы в структурах фразеосхем есть результат вторичного процесса – процесса грамматикализации. Иными словами, фразеологизированная структура в связи со своим формальным сходством с падежной формой осмысливается как падеж и включается в морфологическую парадигму. Отметим, что выделяемое исследователями падежное

⁴ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Ч. 1: (Теоретическая). Морфология и синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. С. 140.

⁵ Камынина А.А. Современный русский язык: Морфология: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 59–62.

значение – дательный этический – является чисто местоименным, существительные в таковых не выступают. Отсюда формы дательного этического как бы естественным образом встраиваются в морфологическую парадигму личных местоимений.

При этом, если обратиться к системе склонения личных местоимений (без учета дательного этического) и сопоставить ее с системой склонения существительных, можно увидеть, что другие, базовые падежные значения личных местоимений имеют другую природу, не фразеологизированную, но вполне морфологическую, словоизменительную. Более того, возможность замены существительных личными местоимениями критериальна в том плане, что может выступать в качестве показателя и критерия принадлежности падежной формы или конструкции существительного к кругу собственно падежных, словоизменительных. Семантика падежных форм и конструкций личных местоимений однотипна, высокоабстрактна и выражает субъектный и объектный типы падежных отношений как отношений словоизменительных. На этом фоне фразеологизированные структуры дательного этического выступают как экстраординарные и «квазипадежные».

Примечательно в связи с вышесказанным, что круг падежных значений личных местоимений значительно уже, чем у существительных (см.: [Кульпина 1979, с. 36–46; Кульпина 2023, с. 81–87]). Отсюда морфологическая парадигма личных местоимений может быть охарактеризована как неполная, дефектная. Впрочем, явление неполноты морфологической парадигмы в принципе достаточно распространено. Подкрепить данное положение можно, сославшись на утверждение Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, что

...ни одно из русских существительных ни в единственном, ни во множественном числе не имеет парадигмы, состоящей из шести материально различимых падежных форм [Булыгина, Шмелев 1997, с. 354].

Данное утверждение в еще большей мере касается парадигмы склонения личных местоимений, которая по сравнению с существительными редуцирована и избирательна. Своим фразеологизированным характером дательный этический (как *квазипадеж*) выбивается за рамки системы склонения личных местоимений, а включение его в местоименную морфологическую парадигму является вторичным процессом грамматикализации в результате процедуры придания («приписывания») этим формам грамматических свойств падежа, исходя из формального сходства с падежными формами дательного падежа личных местоимений.

3. Процессы грамматикализации как смена лингвистического статуса

В связи с процессами грамматикализации следует иметь в виду, что

...при грамматикализации речь идет об изменении лингвистического статуса языковой единицы, т. е. о трансформациях как означающего, так и означаемого с опорой на ее концептуальное содержание [...]. Отсюда грамматикализация как процесс в когнитивном аспекте – это концептуальная транспозиция, т. е. перенос одной области опыта в другую... [Меликян 2022, с. 103].

В свете приведенных данных грамматикализация фразеосхем с местоимениями понимается нами в данном случае как обречение фразеологизированными структурами с местоименными включениями падежных форм, которые, выступают в едином фразеологизированном комплексе (фразеосхеме), воспринимаемом целиком, как единое целое. Продолжив этот ход рассуждений, приходим к выводу об изменении лингвистического статуса элемента фразеосхемы и обретения им статуса члена морфологической парадигмы.

Фразеосхем такого типа, как описанный выше, с местоименными включениями дательного этического, чрезвычайно много. Новые синтаксические фразеологизмы нередко строятся по уже известным моделям. См. ниже примеры:

– с семантикой осуждения и презрения:

(3) *«Тожe мне, подруга!»* [из устной речи] / *Тожe мне, артист нашелся!* [Меликян 2022, с. 110]:

– с семантикой заслуженного возмездия:

(4) *Так тебе и надо!* / *Поделом тебе!* (из устной речи).

– в случаях рукоприкладства в качестве текстового сопровождения:

(5) *Вот тебе, вот тебе!* / *На тебе, на тебе!* (из устной речи).

Фразеологизированный характер такого типа клише вполне ощутим, см. ниже др. яркие примеры диалогических клише с включениями местоименных конструктивных элементов с разнообразной семантикой, охватываемой дательным этическим:

- (6) **Вот тебе крест святой!** (Владимир Войнович. Москва 2024) (1986) (НКРЯ 2023)

См. примеры с фразеосхемой **нужно мне** с большой прагматической нагрузкой:

- (7) *Нужно мне это всё* (В. Гроссман. Жизнь и судьба)» (СЭУФ 2016, с. 123);
 (8) *Очень нужно мне раскаиваться! Не дожидется* (А. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино) (СЭУФ 2016, с. 123).
 (9) *Нужно мне такого! Захожу, в тысячу раз лучше твоего Васьки найду* (П. Мельников-Печерский. В лесах) (СЭУФ 2016, с. 125).

См. также в вопросительной версии с местоимением 2-го лица:

- (10) *«Нужно тебе это? Не-а, – согласился тепловик* (Д. Липскеров. Последний сон разума) (СЭУФ 2016, с. 124).

Сходной семантикой «ненужности» и ещё бóльшим прагматическим эффектом обладают распространенные фразеосхемы типа **на кой мне**:

- (11) *Бери. – На кой мне ваша картошка. Курицу гони.* (Юрий Коваль. Картофельная собака (1972) (НКРЯ 2023).

Итак, фразеосхемы с местоимениями в свете вышеприведенных примеров реализуют свою задачу служить грамматическим каркасом для презентации разнообразных жизненных ситуаций:

Фразеосхема в совокупности означающего и означаемого представляет собой грамматический знак, в который можно закладывать разнообразное содержание и получать изначально заданный результат [Меликян 2022, с. 105].

4. Процессы грамматикализации как продукт лингвокультуры и дидактики

Рассматриваемый тип диалогических клише с местоименными включениями характеризуется повышенным градусом экспрессивности. О словарной сущности таких клише свидетельствует их презентация в лексикографическом труде – в уже упоминавшемся «Словаре экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы

и устойчивые модели»⁶. Современных лексикографов во все большей мере интересует вопрос презентации в словарях класса местоимений (см.: [Шведова 1998; Ваїко 2001], в том числе местоименных словосочетаний и комплексов (см.: [Кульпина 2009])).

Вопреки этим трендам, в славистической традиции, наследующей латинскую⁷, местоименные включения в составе ряда клише принято рассматривать именно как падежные формы местоимений. Исследования таких форм с целью экспликации их семантико-грамматических особенностей предпринимаются и в наши дни; на материале русского языка (см.: [Машовец 2000; Филимонова 2021]). Так, Е.Н. Машовец свой исследовательский интерес к формам дательного этического связывает с их все большей распространенностью в бытовой сфере и в медийном дискурсе [Машовец 2000, с. 10].

Для сравнения обратимся к польскому языку и существующей здесь этнолингвистической традиции. В польской лингвистической литературе – давнишней и сегодняшней – представлены разные аспекты рассмотрения дательного этического. Так, А. Мирович в статье по проблемам лексикографии «Примечания на полях словарной работы» относит *dativus ethicus* к модальным словам: «Некой разновидностью модальных слов (аффектантов по Йодловскому) является также так наз. *dativus ethicus*» [Mirowicz 1950, с. 489] [[https:// bazhum>files>Pamiętnik Literacki/](https://bazhum.files.Pamiętnik Literacki/)] (статья оцифрована в XXI в.). С. Дакович предприняла межъязыковое сопоставление в статье «*Dativus Ethicus* в хорватском и польском языках» [Daković 2013].

Польские примеры форм дательного этического при переводе на русский язык нередко демонстрируют исчезновение таковых. Так, например, частотная структура польского языка ***To mi*** (букв. 'Это мне') или еще более эмоционально с усилительной частицей ***dopiero: To mi dopiero!*** (букв. 'Вот это мне!'), манифестирующая крайнее удивление, может быть переведена как 'Тоже мне!', но не менее точен перевод 'Это надо же!' или 'Что ж это такое!' или 'Как же так!'. Падежная форма, улетучиваясь при переводе, заменяется модальными выражениями с экспрессивной окраской, что позволяет увидеть со всей наглядностью, что мы имеем дело не с падежной формой, а с фразеосхемой. См. примеры с фразеосхемой ***to mi*** 'это мне' и ее вариантом ***to mi dopiero*** 'букв. вот это мне...'

- (12) *Mam się utopić? Nakłaniasz mnie do samobójstwa? To mi dopiero życzliwa rada* (Bajki robotów) (NKJP 2023) 'Я должна утопиться?

⁶ Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз...

⁷ Соболевский С.И. Указ. соч. С. 140, 142.

Склоняешь меня к самоубийству? **Вот это** (букв. 'это мне') доброжелательный совет'.

- (13) *za zadanie doprowadzić taki majątek do kwitnącego stanu. To mi dopiero robota, co mnie pęci* (Noce i dnie) (НКJP 2023)' задача привести такую усадьбу в цветущее состояние. **Вот это мне** работа, которая меня привлекает!'

Фразеосхемы **masz ci** 'букв. **вот тебе...**' и еще более эмоционально звучащую **masz ci los!** 'букв. **≈ вот тебе и на!**' Х. Конечна определяет как «не слишком элегантные» [Konieczna 1938, с. 110].

- (14) **Masz ci gościnność!** – *cicho roześmiał się Kazimierz* (Kordian i cham) (НКJP 2023)

'**Вот тебе и** гостеприимство, – тихо рассмеялся Казимеж'.

- (15) **No, masz ci los. Znowu pyta. A skąd ja tam wiedzieć?** (Gazeta Wyborcza) (НКJP 2023)

'**Вот тебе и на! / Ничего себе!** Опять спрашивает. А откуда мне знать?'

Сопоставление материала русского языка с данными по другим языкам показывает, что языковое явление формирования диалогических клише – с последующим их осмыслением в плоскости дефразеологизации и грамматикализации – является достаточно распространенным фактом славянских языков (см. напр.: [Кульпина 2022]), но не только. Такое переосмысление подхода к языковому материалу можно наблюдать среди прочего на материале литовского языка (см.: [Эльзбутас 1967]).

Если обратиться к падежу, близкому дательному этическому по своей экспрессивности – так наз. дательному выгоды/невыгоды (*dativus commodi et incommodi*), он же бенефактив у представителей прикладной лингвистики и типологии (см.: [Соломкина, Подлеская 2016] на материале японского языка), то здесь, как представляется, в целом ряде случаев также можно говорить о грамматикализации фразеологизированных структур (возможно, с меньшей наглядностью, однако при этом также с весьма широким репертуаром фразеосхем). См. далее пример с дательным выгоды/невыгоды русского языка:

- (16) **Ты мне не указывай!** (Михаил Шолохов. Они сражались за родину) (1975) (НКРЯ 2023).

От дательного этического формы дательного выгоды/невыгоды отличаются тем, что они являются полновесными членами

предложения и не могут быть из него исключены без изменения общего смысла предложения, а главное – они не прерогатива лишь местоимений: существительные в падеже с такой семантикой тоже могут употребляться.

Фразеологизированный характер диалогических клише просматривается достаточно рельефно, а именно можно ощутить не собственно падежный (не словоизменительный) характер этих форм. И в этом месте, наверное, стоило бы поговорить о том, что такое собственно падеж, собственно падежные формы как часть обеспечивающей текстовую связность системы словоизменения. Именно местоименный материал может здесь послужить надежным индикатором.

Сама падежная система флективных языков, ее парадигмы – это конгломерат явлений самой разной природы, разных разностей. В морфологической парадигме существительных, наряду с их формами и конструкциями, обеспечивающими связность текста через словоизменение таковых, представлены также результаты процессов лексикализации, адвербиализации, фразеологизации, метафоризации форм и конструкций существительных. В эту общую картину, по образцу существительных, формирующих парадигмы из столь разнообразного материала, вполне вписываются формы дательного этического. При этом дидактически удобно и экспланаторно целесообразно объединять указанные языковые явления в пределах морфологической парадигмы благодаря существенной объяснительной силе и наглядности парадигматической презентации материала.

Падеж местоимений являет собой – по сравнению с системой падежа существительных – нечто особенное, характеризующееся специфической, особого типа лакунарностью [Кульпина 1979, с. 43]. Он являет собой базисную основу падежной системы как словоизменительного феномена флективных языков, самое грамматичное из грамматичного. В то же время такой местоименный падеж, как дательный этический (существительные таковым не обладают) – это как бы и не падеж, а «квазипадеж», тип фразеосхемы, что показывает материал его употребления и лексикографическая фиксация его форм. Эти формы местоимений в составе диалогических клише с полным основанием включаются в словари, так как они есть принадлежность словаря, но не грамматики.

Достаточно очевидно, что составляющие падежной системы являются продуктом процессов разной природы – и в то же время, как можно наблюдать на примере ряда форм местоимений – нередко плодом вторичной грамматикализации.

Подчеркнем, что падеж местоимений во всех флективных славянских языках составляет костяк падежной системы. А в таких

славянских языках, как болгарский и македонский, утративших флексии существительных, собственно говоря, падеж *in principia* существует исключительно на базе местоимений. По поводу сохранения, хотя и в редуцированном виде, системы склонения личных местоимений в нефлексивных (а когда-то флексивных) языках В.А. Плунгян во «Введении в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира» отмечает:

...падежные системы (личных) местоимений (которые во многих языках мира имеют особый набор падежных граммем или вообще оказываются единственным классом склоняемых слов) могут существовать в «редуцированном» виде и достаточно длительное время [Плунгян 2011, с. 158–159].

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев в книге «Языковая картина мира на материале русской грамматики» пишут о разном устройстве парадигм для разных классов:

При описании морфологических парадигм лингвисты нередко сталкиваются с тем, что часть слов, принадлежащих к определенному классу, различает большее число форм, чем другая часть. Одним из возможных подходов к описанию данной ситуации является «дифференцирующий» подход, допускающий признание разного устройства парадигм для разных подклассов рассматриваемого класса [Булыгина, Шмелев 1997, с. 353].

Следует особо подчеркнуть, что наблюдается глубокое различие состава морфологических парадигм класса существительных и класса местоимений. Целый ряд форм и конструкций существительных не подлежит субституции личными местоимениями из-за типа и характера этих формаций и специфики местоименной семантики. Необходимость дифференцирующего подхода к падежным системам этих частеречных классов вытекает в том числе из рассмотренного материала.

Заключая анализ, отметим, что достаточно наглядно обнаруживает себя факт, что отнесение конструктивных элементов фразеосхемы к какому-либо падежу является вторичной процедурой, переосмыслением фразеологизированных структур, индикатором аналитического подхода к диалогическим клише, исходя из формальной узнаваемости и вычленяемости в них падежных форм и конструкций и в силу большой объяснительной и, соответственно, педагогической ценности такого подхода на основе составления

морфологической парадигмы. Дидактико-прикладная ценность такого подхода говорит сама за себя, она постоянно реализуется в практике преподавания как русского, так и других флективных языков.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая картина мира (на материале русской грамматики). М.: Школа: «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Кульпина 1979 – *Кульпина В.Г.* Сопоставление функционирования падежных форм существительных и личных местоимений (на материале польского языка) // Вестник Московского университета. 1979. № 3. С. 36–46.
- Кульпина 2009 – *Кульпина В.Г.* Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. С. 124–134.
- Кульпина 2022 – *Кульпина В.Г.* Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 111–135.
- Кульпина 2023 – *Кульпина В.Г.* Семантика и прагматика класса местоимений в трудах Ольги Павловны Ермаковой // Семантика и прагматика языковых единиц разных уровней : доклады Межд. научн. конференции, посв. памяти д.ф.н. проф. Ольги Павловны Ермаковой / Редкол. А.Н. Еремин (отв. ред.) и др. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. С. 181–187.
- Кустова 2011 – *Кустова Г.И.* Общая характеристика падежной системы: Проект корпусного описания русской грамматики ([http:// rusgram.ru](http://rusgram.ru)). М., 2011. URL: <https://rusgram.ru>chapter/label/Падеж> (дата обращения 20 сентября 2023).
- Лютикова 2017 – *Лютикова Е.А.* Формальные модели падежа. Теории и приложения. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 384 с. (Studia philologica).
- Машовец 2000 – *Машовец Е.Н.* Конструкции с дательным этическим в современном русском языке: Автореф дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 16 с.
- Меликян 2019 – *Меликян В.Ю.* Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы: Монография. Ростов н/Д: Дониздат, 2019. 268 с.
- Меликян В.Ю., Меликян А.В. 2022 – *Меликян В.Ю., Меликян А.В.* Фразеосхемы как результат процесса грамматикализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 102–114.
- Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

- Соломкина, Подлеская 2016 – *Соломкина Н.А., Подлеская В.И.* Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления // *Opuscula Iaponica et Slavica. Vol. III* / Ed. by Marek A. Iwanowski. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 23–36.
- Филимонова – *Филимонова Е.Ю.* Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке // *Rhema. Рема.* 2021. № 2. С. 149–170. URL: [elibrary.ru >xw6ppq rhema-journal.com](http://elibrary.ru/xw6ppq_rhema-journal.com)>*Rhema_2021_2_Filimonova.pdf* (дата обращения 11 ноября 2023).
- Шведова 1998 – *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с. (38 схем).
- Шмелев 1976 – *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: АН СССР, 1976. 148 с.
- Эльзбутас 1967 – *Эльзбутас Ю.В.* Дательный заинтересованного лица в современном русском и литовском языках // *Филологические науки.* 1967. № 3. С. 3–13.
- Bańko 2001 – *Bańko M.* Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa. Warszawa: Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2001. 336 s.
- Bauer, Grempl 1965 – *Bauer J., Grempl M.* Skladba spisovné češtiny. Praha: Statní pedagogické nakladatelství, 1965. 243 c.
- Daković 2013 – *Daković S.* Dativus Ethicus w języku chorwackim i polskim / Dativus ethicus in Croatian and Polish // *W dialogu języków i kultur III* / Redakcja naukowa tomu Krzysztof Fordoński, Łukasz Karpiński. Warszawa, 2013.
- Koneczna 1938 – *Koneczna H.* O celowniku konwencjonalnym w języku polskim // *Poradnik Językowy*, 1938–39. Nr. 7. S. 109–111.
- Mirowicz 1950 – *Mirowicz A.* Uwagi na marginesie pracy słownikowej. // *Pamiętnik Literacki.* 1950. S. 485–491. URL: [https://bazhum.muzhp.pl/media/files>](https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Pamiętnik_Literacki_nr_41_2_S_485-491) *Pamiętnik Literacki*, nr. 41/2. S. 485–491 (дата обращения 8 ноября 2023).

References

- Bańko, M. (2001), *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa* [From the boundaries of lexicography and linguistics], Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, Warsaw, Poland.
- Bauer, J. and Grempl, M. (1965), *Skladba spisovné češtiny* [Syntax of contemporary Czech language], Statní pedagogické nakladatelství, Prague, Czechia.
- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D. (1997), *Yazykovaya kartina mira (na materiale russkoi grammatiki)* [The linguistic worldview (on the material of Russian grammar)], Shkola: “Yazyki russkoj kul’tury”, Moscow, Russia.
- Daković, S. (2013), “Dativus Ethicus w języku chorwackim i polskim” [Dativus ethicus in Croatian and Polish], in Fordoński, K. and Karpiński, Ł. (ed.), *W dialogu języków i kultur III*, Warsaw, Poland.

- El'zbutas, Yu.V. (1967), "Dativus ethicus in contemporary Russian and Lithuanian language", *Filologicheskie nauki*, no. 3, pp. 3–13.
- Filimonova, E.Yu. (2021), "Ethical Dative and Prepositional Genitive in Conflict-inducing Phrases in Russian", *Rhema. Rema*, no. 2, pp. 149–170, available at: [elibrary.ru >xw6ppq](http://elibrary.ru/xw6ppq) rhema-journal.com>Rhema_2021_2_Filimonova.pdf (Accessed 11 November 2023).
- Koneczna, H. (1938), "About Dativus convencionalis in Polish language", *Poradnik Językowy*, no. 7, pp. 109–111.
- Kul'pina, V.G. (1979), "The comparison of functioning of substantives and personal pronouns' case forms (on the material of Polish language)", *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3, pp. 36–46.
- Kul'pina, V.G. (2009), "The contemporary trends in lexicography of the pronoun class (on the material of Polish and Russian languages)", Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. and Kul'pina, V.G. (eds.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. nauch. statei, posvyashchennyy pamyati zaslužennogo professora MGU Aleksandry Grigor'evny Shirokovoi* [Language, consciousness, communication. Collection of scientific articles commemorating Aleksandra Grigorievna Shirokova, Honored Professor of MSU], MAKS Press, Moscow, Russia, iss. 38, pp. 124–134.
- Kul'pina, V.G. (2022), "Pragmatics of personal pronouns in the structure of pronoun complexes and dialog unities", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 111–135.
- Kul'pina, V.G., (2023), "Semantics and pragmatics of pronouns' class in the works of Ol'ga Pavlovna Ermakova", Eremin, A.N. and others (ed. board), *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits raznykh urovnei: doklady Mezhd. nauchn. konferentsii, posv. pamyati d.f.n. prof. Ol'gi Pavlovny Ermakovo* [Semantics and pragmatics of linguistic units of different levels. Reports of the International Conference in Memory of Dr. Olga Pavlovna Ermakova], KGU im. K.E. Tsiolkovskogo, Kaluga, Russia, pp. 181–187.
- Kustova, G.I. (2011), *Obshchaya kharakteristika padezhnoi sistemy* [The general characteristics of case system], available at: [https://rusgram.ru>chapter/label/Padezh](https://rusgram.ru/chapter/label/Padezh) (Accessed 20 Sept 2023).
- Lyutikova, E.A. (2017), *Formal'nye modeli padezha. Teorii i prilozheniya* [The formal models of case. Theories and appositions], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia.
- Mashovec, E.N., (2000), *Constructions of dativus ethicus in modern Russian language*, Abstract of Ph.D dissertation. Saratov, Russia.
- Melikyan, V.Yu (2019), *Sintaksicheskie frazeologicheskie editsy: frazeosintaksicheskie skhemy, monograph* [The syntactic phraseological units. Phraseological schemes. Monograph], Donizdat, Rostov-on-Don, Russia.
- Melikyan, V.Yu. and Melikyan, A.V. (2022) "Fixed phrase schemes as the 'results' of grammaticalization process", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 102–114.
- Mirowicz, A. (1950), "Comments on the occasion of dictionary work", *Pamiętnik Literacki*, no. 41/2, pp. 485–491, available at: [https://bazhum.muzhp.pl>media>files>Pamiętnik Literacki](https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Pamiętnik_Literacki), (Accessed 8 November 2023).

- Plungyan, V.A. (2011), *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammatical systems of world languages], RGGU, Moscow, Russia.
- Solomkina, N.A. and Podlesskaya, V.I. (2016), "Benefactive constructions in Japanese language as a peculiarity of contemporary usage", Iwanowski, M.A.(ed.), *Opuscula Iaponica et Slavica*, vol. III. BEL Studio, Warsaw, Poland, pp. 23–36.
- Shvedova, N.Yu. (1998), *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and sense. Class of Russian pronouns and the meaning spaces they open up], Azbukovnik, Moscow, Russia.
- Shmelev, D.N. (1976), *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [The syntactic articulation of utterance in modern Russian], AN SSSR, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские Горы, д. 1; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234; vgrkulpina@mail.ru

Русская идиома *в никуда* как разговорное клише и поэтизм

Ирина В. Фуфаева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, iriel@inbox.ru*

Аннотация. На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) сравнивается функционирование идиомы *в никуда* в качестве поэтизма, с одной стороны, и разговорного клише – с другой. Исследуемая единица возникла в качестве поэтизма в нач. XX в. и встречается в произведениях поэтов всех направлений и школ, в том числе Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Слуцкого, Генриха Сапгира, Иосифа Бродского, Бориса Рыжего и пр. Проникнув с 1930-х гг. в разговорную речь и бытовой дискурс, она развивает функцию разговорного клише, продолжая активно употребляться и в функции поэтизма. Была поставлена задача исследовать семантику единицы в обоих случаях. Анализ поэтического и устного подкорпусов НКРЯ показал, что семантический потенциал идиомы реализуется в обоих случаях весьма отличающимся образом. Реализация семантического потенциала в поэтических текстах гораздо разнообразнее и сложнее, семантические параллели между разговорным и художественным использованием исследуемой единицы практически не выявляются. Таким образом, семантический потенциал идиомы *в никуда* позволил ей устойчиво функционировать в качестве поэтизма, несмотря на использование в разговорной речи.

Ключевые слова: русский язык, русская поэзия, поэтизм, идиома, языковые клише, субстантивация наречий

Для цитирования: Фуфаева И.В. Идиома *в никуда* как разговорное клише и поэтизм // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 181–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-181-192

Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as a colloquial cliché and poeticism

Irina V. Fufaeva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, iriel@inbox.ru

Abstract. The article, based on the material of the National Corpus of the Russian Language (NRC), compares the use of the Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as poeticism, on the one hand, and a colloquial cliché, on the other. The unit under study arose as a poetism in the beginning 20th century and is found in the works of poets of all directions and schools, including Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova, Boris Slutsky, Genrikh Saghir, Joseph Brodsky, Boris Ryzhy, etc. Having penetrated since the 1930s. into colloquial speech and everyday discourse, it develops the function of colloquial cliché, while continuing to be actively used in the function of poetism. The task was set to study the semantics of the unit in both cases. The analysis of the poetic and oral subcorpora of the NRC showed that the semantic potential of the idiom is realized in both cases in a very different way. The realization of the semantic potential of the idiom in poetic texts is much more diverse and complex; semantic parallels between the colloquial and poetic use of the idiom are practically not identified. Thus, the semantic potential of the idiom *v nikuda* 'to nowhere' allowed it to function consistently as poeticism, despite its use in colloquial speech. substantiation of adverbs.

For citation: Fufaeva, I.V. (2024), "Russian idiom *v nikuda* 'to nowhere' as a colloquial cliché and poeticism", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 181–192, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-181-192

Настоящая работа продолжает исследование идиомы *в никуда* [Фуфаева 2023], выявившее, что она возникла как поэтизм в начале XX в. и лишь с 1930-х гг. проникла в бытовые контексты; сейчас употребляется и в устной речи, и в медиа, функционируя как универсальное клише, но, судя по НКРЯ, до сих пор наиболее частотна в поэтической речи.

Среди авторов поэтических текстов, содержащих идиому, есть представители самых разных направлений, школ и эпох, от литераторов Серебряного века до советских поэтов и авторов андеграунда. Выражение употребляли традиционалисты и экспериментаторы: Марина Цветаева и Константин Симонов, Борис Слуцкий и Иван

Жданов, Иосиф Бродский и Борис Рыжий и множество других авторов. Поскольку поэтическая речь в целом противится использованию клише, в новом исследовании была поставлена задача выявить различия в функционировании идиомы в разговорной речи и в качестве поэтизма. Предполагается, что востребованность идиомы в поэзии обусловлена ее семантическим потенциалом, позволяющим вкладывать в нее разное содержание и передавать разные состояния мира и лирического героя, избегая клишированного употребления.

В никуда представляет собой редкий для русского языка случай языковой субстантивации наречия, проявляющейся в его сочетании с предлогом и ограниченной рамками идиомы. Принципиально важна семантика наречия: местоименного отрицательного наречия места. В этом отличие от немногочисленных книжных примеров контекстуальной субстантивации наречий в свободных словосочетаниях с прилагательными, приводимых, например, в примерах в статье [Петрова 2009]: *«Терпения и веры, любви и волшебства, трагическое после, счастливое сперва»* (Булат Окуджава «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...»), где наречие может быть любым (ср. *«трагическое скоро»*). Аграмматичное употребление *никуда* с предлогом и с глаголами без отрицательной частицы *не*: *уйду в никуда*, как *уйду в лес* (стандартно: *никуда не уйду*) отражает нарочитое нарушение логики: «двигаться никуда» невозможно, любое движение куда-то направлено – и создает языковую выразительность.

Семантический потенциал слова, что можно отнести и к идиоме, определяется как

...возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно «распространить» [Кустова 2004, с. 30].

В никуда может выражать ситуации движения в неизвестном направлении; в тупик, где движение уже невозможно; отсутствия направлений, по которым можно двигаться; отсутствия возможности осмысленного движения и т. д. Реализация семантического потенциала в поэзии должна отличаться от обычного употребления.

Исследование проводилось корпусными и источниковедческими методами, материалом послужили данные НКРЯ.

Употребление идиомы как разговорного клише анализировалось с помощью классификации содержащих идиому контекстов устного подкорпуса НКРЯ (39 шт.).

Контексты первой группы описывают бесполезные действия, когда усилия или вложенные ресурсы не достигают цели, которой может быть гол в футболе, попадание лекарства в организм, нахождение информации в интернете и т. д.:

Но нас ну в общем в никуда / нас прямо в руки бразильскому вратарю (Виктор Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия – Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. (2006))

Скажем / там есть отсылки в никуда/ когда говорят / «смотри статью такую-то» / а такой статьи нет / или у нее части такой нет [Беседа К. Лариной с С. Пашиным в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)].

Не достичь цели могут выделенные деньги, призывы, обращения, предложения:

А полтора миллиарда рублей списали в никуда/ в новое здание (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) (2003))

Мы их не просто там люди пособирались и это ушло в никуда/ то есть мы результаты форсайтов выносим на правительство и смотрим там (Алексей Цыденов, Анна Атанова. Врио Главы Бурятии Алексей Цыденов в программе «От первого лица» (2017)).

В этих случаях *в никуда* интенсивно выражает значение ‘зря, тщетно, впустую’ (более частные значения ‘мимо цели’, ‘без отклика’ и т. д.).

Вторая группа контекстов передает ситуацию, когда некое лицо покидает источник материальных благ: работу, жилье и др., не имея другого источника:

(Саша, муж, 25, бухгалтер) Не хочется уходить в никуда... но они обнаглели (Разговор друзей (2006)).

В этих случаях *в никуда* интенсивно выражает значение ‘наудачу, без подстраховки’.

Итак, разговорное клише идиомы *в никуда* полисеманлично, его значения достаточно четко очерчены и воспроизводятся в разных ситуациях.

Два отрывка из устных монологов-воспоминаний за рамками этих групп содержат признаки художественного произведения, идиомы в них является скорее художественным образом, чем разговорным клише, о чем ниже.

Что касается поэтических контекстов, анализ показал невозможность их жесткой классификации; идиома *в никуда* в них является частью сложных образов. Рассмотрим некоторые примеры из НКРЯ, в основном из поэтического корпуса, но также и тексты из основного корпуса, связанные с поэзией.

В сочетании с лексикой с семантикой взгляда идиома может быть частью образа бесцельного оцепенения. Впервые такое употребление встречается в романе «Проклятый род» поэта-символиста Ивана Рукавишникова, содержащем самые ранние на данный момент обнаруженные употребления идиомы; 9 контекстов из 10 описывают направление взгляда героя:

*И кричал гондольерам: – Subito! Subito! И мчались потом тихие. И вволю глядел на Юлию Степа. Она же **в никуда**. Околдовала сказка каналов. И другое что-то виделось, родное, печальное, влюбленное. Красиво, но не могла надолго быть в стенах (И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)).*

Стиль романа типичен для прозы поэтов-символистов:

Но духи крепости далекой под косым потолком в тучу сбились. Но смех, словами шутивными порожденный, тут же, над ними, над братом с сестрой порхает, смотрит.

Смех не случайно «смотрит», это действие очень значимо в романе и описывается подробно и метафорически:

*И скоро сидел, **глазами пил камни старины**, молчащий среди молчащих (И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)).*

Описание взгляда, важная часть образа героя, создается в том числе с помощью исследуемой идиомы:

*Дорофея лицо слезящееся покрасневшее тихо подняла. **В никуда** глядя глазами круглыми, как окнами тюрьмы башенной, заговорила себе ли, матери ли голосом полуживым, как колоколом надтреснутым, зазвонила над пустынею:*

– Вот умрет Сергей. Через неделю умрет. А может, завтра.

Глядеть в никуда – регулярная метафорическая характеристика бесцельного взгляда, симптома транса, оцепенения, охватывающего героев, поздних представителей «проклятого рода»:

*От берегов Невы огнистых взор отвел. Зою увидал, опять тоскливо
в **никуда** глядящую. На него не взглянув, сказала медленно:
– Мансарда? Мансарду хорошо.*

Транс и оцепенение демонстрируют отсутствие у героев видения перспектив и способности к действию, паралич воли, отличающий новое поколение от предков, создавших богатство рода. Он может сочетаться со страхом, ужасом:

*Не смотрит Виктор на Зою. **В никуда** смотрит с грустью забвенной, ужаснувшейся.*

Безволие и оцепенение, застывание в трансе – типичные черты персонажей и других авторов Серебряного века: Андрея Белого, Федора Сологуба, Алексея Ремизова и часть характеристики эпохи, какой она представлялась изнутри современникам.

Близкая специфика употребления оборота *в никуда* впоследствии используется различными авторами, чтобы выразить состояние отрешенности, которое может сочетаться с печалью, отчаянием, безысходностью:

*Там ждут отец и мать к себе немого сына, / А он глядит в окно
и **смотрит в никуда** (Иван Жданов. До слова (1978–1991 гг.))*

*Я, полон печали, / **Гляжу в никуда** (Борис Рыжий. С любовью (1996)) и др.*

В устных контекстах НКРЯ *в никуда* не сочетается со словами с семантикой взгляда, аналогичная роль у него отсутствует.

Частью метафоры освобождения от чего-то мучительного стала идиома у представителя следующего по отношению к символистам поколения, футуриста, затем имажиниста Вадима Шершеневича, которому принадлежит наиболее раннее употребление идиомы в собственно поэтическом подкорпусе НКРЯ: четырежды в цикле стихов 1918 г., включенном в книгу «Лошадь как лошадь» (1920 г.) (стихотворения «Принцип параллелизма тем», «Тематический круг» и «Принцип поэтической грамматики»). В цикле зашифрована ситуация, когда лирический герой надеется на освобождение от тяготящего чувства.

*Все исчезнет, как будто ты не был на свете,
Не вступал в мое сердце владеть и царить,
Все пройдет в никуда...*

(В.Г. Шершеневич. Принцип параллелизма тем: «Были месяцы скорби, провала и смуты...» (01.1918)).

«*Все исчезнет*» и «*Все пройдет в никуда*» в этом контексте синонимичны. Лирический герой восхищается усилиями своего «*разума*» и «*помыслов*», которые «*ринулись дружною ратью*», чтобы наваждение исчезло, и обращается к предмету страсти: «*ты сорвешься с престола, словно с губ проклятье*». В *никуда* интенсифицирует и в то же время «сдвигает», пользуясь термином А.Е. Крученых [Крученых 1922], выражение «*все пройдет*». В следующем стихотворении цикла идиома возникает в рефрене «*Все течет в никуда*», где «все» вновь обозначает тяготящее чувство:

*Все течет в никуда. С каждым днем отмирающим
Слабже мой вой <...>
И теперь мне кажутся малы до смешного
Все бывшие волнения, кипятившие сердце и кровь,
И мой трепет от каждого нежного слова,
И вся заполнявшая годы любовь* (В.Г. Шершеневич. «Тематический круг» (04.1918)]).

В стихотворении «Принцип поэтической грамматики» лирический герой продолжает добиваться свободы, обращаясь к собственному сердцу «*Наседкой страстей не клохчй*»; строка «*Эти нежные весны на крыльях вампира пролетают глядеть в никуда*» напоминает заклинание, которое должно побудить «нежные весны», очевидно, символизирующие время любовных переживаний, полностью исчезнуть.

В целом *в никуда* выступает в цикле как интенсификатор движения в направлении прочь от говорящего, придает максимальную степень семантике исчезновения чего-то, что в тексте не названо прямо.

Далее, за рамками поэзии, но в связи с нею, *в никуда* может метафорически выражать чью-то связь с нездешним, трансцендентальным началом. Эта роль возникает в документальных текстах разных авторов 1920–1930-х гг. при описании поэтов и мистиков. Например, журналист Владимир Рындзюн (псевдоним А. Ветлугин), бывший секретарь и переводчик Сергея Есенина, описывает его так:

Голова, запрокинутая в безбрежность, глаза не в небо и не в землю, а так, поверх присутствовавших, в «никуда»... (А. Ветлугин. Воспоминания о Есенине (1926)).

Упоминавшийся поэт Вадим Шершеневич с помощью идиомы характеризует также упоминавшегося поэта Ивана Рукавишников:

*Рукавишников всегда говорил трезво, но стоило вам прислушаться к тому, что он говорил, а не к тону его речи, и вы немедленно понимали, что это бред сумасшедшего. За всей трезвой логикой его рассуждений была какая-то грань пропадания **в никуда** (В.Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934–1936)) (мемуары не публиковались при жизни автора).*

Поэт-акмеист Михаил Кузмин передает самохарактеристику поэта-символиста Андрея Белого:

*...он «прыгает не **“в никуда”**, как уверяет, а в ту же литературу» (М.А. Кузмин. Мечтатели (1921)).*

Сам Андрей Белый использует идиому в мемуарах в отношении загадочной фигуры – Анны Минцловой, мистика, участницы «Башни» Вячеслава Иванова, таинственно и бесследно исчезнувшей в 1910 г.:

*Минцлова большеголовая, грузно-нелепая, точно пространством космическим, торичеллиевой своей пустотой огромных масштабов от всех отделенная, – в черном своем балахоне она на мгновение передо мною разрослась; и казалось: ком толстого тела ее – пухнет, давит, наваливается; и – выхватывает: **в никуда!** (Андрей Белый. Между двух революций (1934).*

Т. е. разные мемуаристы прибегали к одному и тому же выразительному средству для передачи принадлежности описываемого к иной реальности, помещая его в разные контексты: *глядеть в никуда, пропадать в никуда* и т. д., но во всех случаях противопоставляя материальному миру как таинственную область, недоступную непосвященным. В устном корпусе НКРЯ также нет контекстов с похожей семантикой.

В творчестве Анны Ахматовой поэтизм встречается пять раз в стихотворениях конца 1930-х – начала 1960-х гг., которые долго не могли быть не только опубликованы, но и записаны, и неразрывно связан с историческим и биографическим фоном, наиболее детально исследованным В.А. Черных [Черных 2008].

В строках «Реквиема» («*Семнадцать месяцев кричу, Зову тебя домой...*»), созданных в августе-сентябре 1939 г. в связи с арестом в марте 1938 г. Л.Н. Гумилева, речь идет не только о судьбе сына; лирическая героиня видит знамение собственной скорой гибели (известно, что следователь пытками добивался от Л.Н. Гумилева показаний на мать, от которых тот отказался на суде):

*Все перепуталось навек,
И мне не разобрать,
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.*

В следующем 1940 г. Ахматова пишет стихотворение «Один идет прямым путем...». В зашифрованных образах проглядывают намеки на судьбы близких людей. Идиома *в никуда* в паре с окказиональной конструкцией *в никогда* вновь характеризует путь лирической героини в неизвестность и неминуемую, как ей кажется, гибель:

*А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.*

Далее Ахматова использует идиому в 1956 г., спустя годы после войны и встречи в послевоенном Ленинграде с английским дипломатом Исайей Берлином, которой Ахматова придавала огромное, почти мировое значение, на фоне гонений, отсутствия публикаций, переживаний за находящихся в лагерях близких, болезни. В 1956 г. был осужден сталинский террор, вернулся из лагеря Л.Н. Гумилев, 67-летней Ахматовой обещают публикацию сборника; но, по воспоминаниям очевидцев, ей чужда вера в перемены; страх за сына заставляет отказать во встрече приехавшему и позвонившему Берлину. Стихотворение «*Меня и этот голос не обманет*» не закончено, события и лица зашифрованы; часть текста, в которой появляется поэтизм, по-видимому, возвращает лирическую героиню в момент гибели прежней России, разлома, выбора, расставания с друзьями и любимыми:

*Все уезжают – я должна остаться...
Стоят оледенелые года.
И с кем-то можно наспех попрощаться
У лестницы, ведущей **в никуда.***

Следующие два текста, в которых употреблена идиома, относятся к самому началу 1960-х гг. Стихотворение «Выход книги» посвящено публикации небольшого сборника. Ахматову в целом крайне редко публиковали; по идеологическим мотивам сборник готовился долго, пересоставлялся, сокращался, в итоге был снабжен послесловием, являвшимся, по мнению самой поэтессы, «просто пересказом приснопамятного Андрея Александровича <Жданова>» [Черных 2008, с. 557]. В стихах поэт, как хозяин, принимает гостей-читателей, ведя их не «*в хоромы*», не «*под своды шалаша*», не «*в ночь истомы*»: «*моим – и дыба хороша*».

*Зачем, какие и откуда,
И по дороге в никуда,
Что их влечет – какое чудо,
Какая черная звезда?*

Идиома характеризует судьбы читателей, похожие на судьбу автора.

Наконец, строчка «*в никуда слова мои ведут*» в «Стихах из ненаписанного романа», по-видимому, относится к публикационному безмолвию и огорчавшему Ахматову мнению, сформировавшемуся в тогдашней западной библиографии, о том, что она не писала после начала 1920-х гг. «Слова», т. е. творчество, уподобляются воротам в Коломенском, за которыми ничего нет, «*и это все совсем на смерть похоже*», т. е. *в никуда* вновь обозначает безвестность, литературную гибель.

Во всех случаях идиома характеризует направление движения: *иду в никуда, следы в никуда, лестница, ведущая в никуда, слова, ведущие в никуда*. Она включена в семантический ряд *казнь, гибель, дыба, беда, (крушение) поездов с откоса, грозит, опасно, убийца, труп, смерть* и метафорически выражает гибель, физическую или литературную, в связи с событиями XX в., жертвами которых был круг Ахматовой.

Близкий смысл в рамках иной поэтики обретает идиома в стихотворении Бориса Слуцкого «После реабилитации» (1956), описывающем самоубийство советского военного деятеля Яна Гамарника в Сокольниках в 1937 г. в ожидании неминуемого ареста, когда его «*история... с доски снимала, как пешку, и бросала в никуда*».

Два контекста устного подкорпуса НКРЯ, в которых идиома тоже выступает метафорой обреченного ухода, имеют, несмотря на устную форму, признаки литературного произведения (мемуаров), и роль идиомы в них близка к выразительному средству художественной речи. Пример – отрывок из монолога актрисы

А.В. Азарх-Грановской 1892 г. р., в котором она описывает уход Николая Гумилева после их встречи:

*И фигура Гумилева/ за которым я следила/ стала удаляться/
потом куда-то растворилась в этой темноте/ какая-то обреченная/
трагическая. И так и остался у меня Гумилев/ вот убегающий куда-то
в **никуда**/ в серую какую-то туманную массу. Так грустно стало от
его ухода. С тех пор всегда/ когда говорят о Гумилеве и сама я о нем
думаю/ я вижу эту фигуру/ тоскливую/ куда-то уходящую и опре-
деленно обреченную* (А.В. Азарх-Грановская, В.Д. Дувакин. Беседы
с А.В. Азарх-Грановской: Беседы 1–3 (1968)).

Итак, идиома *в куда*, появившаяся в русском языке как поэтизм и затем проникая в разговорную речь, по-разному функционирует в обоих дискурсах. Разговорное клише употребляется в значениях: ‘зря, тщетно, впустую’ (*нас в куда, предложение не уйдет в куда* и т. п.) и ‘наудачу, без подстраховки’ (*уйти из дома в куда*). Поэтизм выступает, напр., метафорой неподвижного, оцепеневшего взгляда, обреченности на гибель, связи с «потусторонним» и т. д., наполняясь в творчестве конкретного автора, в конкретном тексте разным содержанием. Приведенные примеры не исчерпывают семантического и образного потенциала идиомы в художественной речи, но демонстрируют их богатство, а также практическое отсутствие параллелей с употреблением *в куда* как разговорного клише. По-видимому, возможность выражать разнообразные сложные смыслы и обуславливает востребованность идиомы как поэтизма, несмотря на использование ее в качестве разговорного клише.

Литература

- Крученых 1922 – Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха. Тракта́т обижа́льный. М., 1922. 48 с.
- Кустова 2004 – Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славян. культуры, 2004. 472 с.
- Петрова 2009 – Петрова Н.Е. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 35–42.
- Фуфаева 2023 – Фуфаева И.В. В куда: от поэтизма до элемента быденного языка // Известия РАН, серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. 55–62.
- Черных 2008 – Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Индик, 2008. 768 с.

References

- Chernykh, V.A. (2008), *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966], Indrik, Moscow, Russia.
- Fufaeva, I.V. (2023), “*V nikuda* (“to nowhere”): from poeticism to the element of everyday language”, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk, seriya literatury i yazyka*, vol. 82, no. 4, pp. 55–62.
- Kruchenykh, A.E. (1922), *Sdvigologiya russkogo stikha. Traktat obizhal'nyi* [Shiftology of Russian verse. The offensive treatise], Moscow, Russia.
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmu yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and language extension mechanisms], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Petrova, N.E. (2009), “Substantivization and deadverbialization of adverbs in modern Russian language”, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, vol. 63, no. 1-2, pp. 35–42.

Информация об авторе

Ирина В. Фуфаева, кандидат филологических наук, Высшая школа экономики, Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva, Cand. of Sci. (Phylology), High School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000; iriel@inbox.ru

Гендерные стереотипы: *настоящий мужчина*

Елизавета О. Албей

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, liza.albey@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются коннотативные значения гендерного стереотипа *настоящий мужчина* и прагматика его использования. В работе отражена проблема определений «гендер», «стереотип» и «гендерные стереотипы»: рассмотрены ключевые положения о гендере и стереотипе в лингвистических исследованиях XX–XXI вв. Представлен анализ примеров употребления стереотипа *настоящий мужчина* в монологической и диалогической речи, собранных в Национальном корпусе русского языка языковой формулы. Примеры монологической речи раскрывают стереотипное представление носителей русского языка о том, какими качествами обладает идеальный мужчина, «мужской эталон». В диалогической речи формула *настоящий мужчина* используется в качестве аргумента при похвале, упреке, осуждении. Результаты анализа диалогических примеров позволили выявить, что фактор гендера в коммуникации не всегда бывает определяющим, гендерные различия проявляются в стратегиях выражения поощрения или порицания качеств мужчин.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, настоящий мужчина, эталонные качества, оценка, мужской эталон

Для цитирования: Албей Е.О. Гендерные стереотипы: *настоящий мужчина* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 193–204. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-193-204

Gender stereotypes: *a real man*

Elizaveta O. Albey

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, liza.albey@gmail.com

Abstract. The article discusses the connotative meanings of the gender stereotype “a real man” and the pragmatic peculiarities of its usage. The work reflects the definition issue of “gender,” “stereotype,” and “gender stereotypes”. The key gender and stereotype points in discourse are considered in linguistic literature of the 20th and 21st centuries. The article presents an analysis of examples for the use of the real man stereotype in monolog and dialogic speech, collected in the National Corpus of Russian Language Formula. The examples of monolog speech reveal the stereotypical representation of native speakers of the Russian language about what qualities an ideal man, a “male standard” possesses. Research on dialogic speech contexts revealed that the gender stereotype “a real man” is used as an argument for praise, reproach, or condemnation.

The analysis of dialogic examples revealed that the gender factor in communication is not always determinant, gender differences are manifested in the strategies of expressing approval or disapproval of men’s qualities.

Keywords: gender, gender stereotypes, a real man, the benchmark qualities, assessment, the male standard

For citation: Albey, E.O. (2024), “Gender stereotypes: *a real man*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 193–204, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-193-204

О гендерных исследованиях

В английском языкознании слово “gender” / «гендер» означает «грамматический род». В середине XX в. термин заимствуется другими гуманитарными науками, такими как социология, психология, философия и др., и в лингвистику приходит новое значение термина. Гендерные исследования активно развивались в конце 60–70-х гг. XX в. Это связано с появлением Нового женского движения в США и Западной Европе. Происходит студенческая революция 1968 г., развиваются идеи феминизма, появляются новые философские идеи, общество в конечном итоге демократизируется.

Для представителей Нового женского движения и других научных дисциплин было важно изучение вопроса о неравенстве

мужчин и женщин в обществе, и они видели причину этой проблемы в разном социальном статусе мужчин и женщин, то есть не в биологических различиях. И поэтому в исследованиях разных гуманитарных наук активно использовали термин «гендер». Однако в разных науках присутствует разное толкование термина «гендер», это зависит от того, с какой точки зрения ученые рассматривают отношения между представителями разных полов.

Социологи понимают гендер, или социальный пол, как

...организованную модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, определяющую их социальные отношения в обществе, характеризующую их межличностное общение и взаимодействие в семье¹.

Для психологов гендер – это

...социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии².

Введение в научный оборот термина «гендер» обусловлено социальным, культурным и политическим контекстом XX в. Исследование гендера вызвало большой интерес у ученых из разных областей науки, поэтому до сих пор нет единой точки зрения о значении этого термина. Таким образом, гендерные исследования носят междисциплинарный характер, так как гендер становится объектом изучения разных наук. Анализируя вышеперечисленные исследования, мы понимаем «гендер» как социокультурный пол с приписываемыми ему нормами поведения, качествами в зависимости от его биологического пола.

Гендерология, т. е. гендерные исследования – область междисциплинарного исследования, и изучение гендера в лингвистике происходит параллельно с другими науками – с 60-х гг. XX в. Изучение взаимосвязи языка и пола можно разделить на два периода, рубежом между периодами являются 60-е гг. XX в. Первый период характеризуется нерегулярными исследованиями, которые не были связаны с другими науками. Основой для этих исследований служили разрозненные наблюдения над фактами. Так, в начале XX в. в работах Э. Сепира [Sapir 2023], Ф. Маутнера [Maunthner

¹ Чекалина А.А. Гендерная психология: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2009. С. 8.

² Там же. С. 11.

1921], О. Есперсена [Jespersen 1922] отмечается не столько гендерное (социокультурное) различие языка и коммуникации, сколько половое. Второй период начинается с 60-х гг. и отличается широко-масштабными исследованиями. Эти исследования стали возможны благодаря развитию социолингвистики и социально-политическим изменениям. Так зарождается новое направление в лингвистике – феминистская лингвистика. Представители этого нового направления утверждали, что язык и коммуникация ориентированы на андроцентризм: преобладание мужских форм в языке, отождествление понятий «мужчина» и «человек» и т. д. Таким образом, язык обвинялся в сексизме и дискриминации, однако основная цель феминистской лингвистики состояла в борьбе с такими явлениями и изменении самого языка.

Гендерные исследования в России зарождаются только в 90-е гг. XX в. А.В. Кирилина и М.В. Томская в статье «Лингвистические гендерные исследования» [Кирилина, Томская 2005] выделяют несколько направлений гендерных исследований в России:

1) социолингвистические и психолингвистические исследования, в которых полемируют о роли как природного, так и социального пола;

2) лингвокультурологические исследования, где изучаются русские стереотипы феминности и маскулинности, концепты «женственности» и «мужественности», фразеологизмы с гендерной наполненностью;

3) коммуникативно-дискурсивные исследования, где рассматриваются особенности речевого поведения женщин и мужчин, влияние гендера в процессе коммуникации представителей разных полов в тех или иных ситуациях.

Социолингвистические и психолингвистические гендерные исследования представлены в работах Е.И. Горошко [Горошко 2002], А.В. Кирилиной [Кирилина 2005]. К лингвокультурным исследованиям гендера, в частности гендерного стереотипа, относится работа Е.А. Аносова [Аносов 2013]. В работах Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой [Земская и др. 1989], В.В. Потапова [Потапов 2002] и др. уделяется внимание анализу различий в вербальном поведении людей в зависимости от их пола. В настоящее время актуальными являются исследования, посвященные изучению создания гендерных ролей с использованием языковых средств в различных видах дискурса, в том числе работах А.О. Лалетиной [Лалетина 2007], И.В. Полевой [Полевая 2014] и других исследователей.

Представленное исследование связано со вторым и третьим направлениями, так как нам важно выявить, какие есть коннотации

у гендерного стереотипа *настоящий мужчина*, какую коммуникативную цель ставят перед собой женщины и мужчины и какую оценку дают себе и противоположному полу, когда употребляют эти гендерные стереотипы.

О гендерных стереотипах

Понятие «стереотип», как и «гендер», понимается по-разному теми или иными учеными в зависимости от той науки, где оно исследуется, поэтому также носит междисциплинарный характер. Для социологов стереотип важен, когда они рассматривают социальное поведение людей, и стереотип представляет собой определенную модель, которая связана с выбором определенного типа поведения в определенной ситуации. В работе Ю.Е. Прохорова [Прохоров 1997] отмечается важный аспект стереотипа: стереотип можно назвать стереотипом, если он актуализируется в действии (общении), а не бытует только в нашем сознании. Психологи рассматривают «стереотип» как систему суждений и оценок, связанных с психологическими особенностями поведения определенной группы людей, в рамках данной культуры³. Для этнолингвистов и культурологов «стереотип» представляет собой часть общей картины мира, которая существует в нашем сознании в виде устойчивого и минимизированного представления, обусловленного национально-культурными особенностями⁴.

Нами стереотип понимается как упрощенное и обобщенное представление о группе людей, основанное на предположениях, шаблонах и предрассудках. Они могут быть положительными или отрицательными, то есть содержат оценку; они могут влиять на наше восприятие, поведение и принятие решений. Одним из важных свойств стереотипов является их связь с языком: стереотип становится стереотипом, когда имеет вербальное выражение и проявляется в речевом поведении человека.

Гендерные стереотипы являются частным проявлением стереотипов вообще. Гендерные стереотипы были предметом изучения разных исследователей: Е.М. Бакушевой [Бакушева 1995], А.В. Кирилиной [Кирилина 1999], А.А. Романова [Романов 2000]

³ Психологический словарь / Под ред. Р.С. Немова. М.: Владос, 2007. 559 с.

⁴ *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М., 2002. 282 с.

и др. Исследователи отмечают несколько важных аспектов гендерных стереотипов. Изучив их работы, мы пришли к следующему пониманию гендерных стереотипов: под гендерными стереотипами понимаются культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерные стереотипы выражают категории *феминности/женственности* и *маскулинности/мужественности* в языке. Основными свойствами и особенностями гендерных стереотипов являются: нормативность (регулирование поведения, в том числе речевое, женщин и мужчин), эмоционально-оценочная установка (суждения о качествах женщин и мужчин), устойчивость и динамика (в разных культурах и языках представления о поведении и качествах женщин и мужчин могут меняться со временем, но в какой-то период будут устойчивыми). Для анализа гендерных стереотипов в статье рассматривается стереотипная единица: *настоящий мужчина*.

Языковая формула *настоящий мужчина* является гендерно маркированной единицей, так как отражает категорию маскулинности. Эта единица является гендерным стереотипом, потому что устанавливает определенные ожидания и нормы для поведения и роли мужчины обществе; этот гендерный стереотип предполагает, что у мужского пола должны быть определенные характеристики и интересы, которые соответствуют традиционным представлениям данной культуры об идеальном мужчине. Также этот стереотип имеет эмоционально-оценочный характер, так как соответствие или несоответствие качеств идеала может привести как к положительной, так и к отрицательной оценке. Нормативность, оценка, их изменение отражены в языке.

Слово *настоящий* имеет несколько значений. *Настоящий* – обозначение чего-то реального, существующего в данный момент времени. Это слово описывает объект, явление или ситуацию, которые действительно существуют или имеют место в настоящее время. Для нас актуально значение, связанное с истинностью, подлинностью. Так, в словарях фиксируется следующее значение: «соответствующий определенным требованиям, представляющий собой образец, идеал кого-, чего-л.»⁵; «соответствующий высоким требованиям, представляющий собой

⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 15 июня 2023).

образец кого-, чего-л.»⁶; «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л.»⁷

Таким образом, одно из значений слова *настоящий* – это представляющий собой идеал, соответствующий его требованиям. В гендерном стереотипе *настоящий мужчина* отражаются представления носителей русского языка об идеальном образе мужчины, его соответствие присущим ему качествам. Поиск языковой формулы *настоящий мужчина*, выражающей стереотипное представление носителей русского языка о том, какими качествами обладает идеальный мужчина, производился в Национальном корпусе русского языка⁸ (далее – НКРЯ). Запрос выдал 237 примеров из 196 источников. Было отобрано 167 примеров, так как не всегда был ясен левый контекст. Примеры были распределены на две группы: монолог и диалог. Монологические примеры отражают представления абстрактного образа идеального мужчины и описывают конкретного *настоящего мужчину*, обладающего соответствующими качествами. Диалогические примеры демонстрируют, с какой целью адресат сообщает адресанту что-то о *настоящем мужчине*, так как в таких высказываниях отражается стереотипное представление о мужчине.

Монологическая речь отобразила универсальные признаки, которыми наделен настоящий мужчина. Универсальность этих признаков отразилась в частотности употребления этих признаков в речи. Монолог (122 примера) позволил выявить, что для носителей русского языка образ *настоящего мужчины* состоит из следующих параметров:

- сила (40 примеров);
- нравственность (34 примера);
- решительность (21 пример);
- сексуальность (13 примеров);
- самообладание (8 примеров);
- умение пить, не теряя головы (6 примеров).

⁶ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. Исслед.; [ред.: Л.И. Балахонова]. Т. 11. М.: Наука, 2008. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/361> (дата обращения 02 октября 2023).

⁷ Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополн.. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/?ysclid=lpmtk4gjmr227875346> (дата обращения 12 июня 2023).

⁸ Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru

Выявленные качества, которыми обладает эталон *настоящего мужчины*, проявляются не только в монологической речи, но и в диалогической речи. В диалогической речи были проанализированы ситуации, позволяющие понять причины обращения к гендерному стереотипу. Собеседники используют эталонный образ мужчины в качестве аргумента для положительной или отрицательной оценки поведения мужчины через ее соответствие или несоответствие эталону.

При положительной оценке события адресант использует:

- **сравнительные обороты**, часто употребляются с глагольными формами прошедшего времени (*поступил(и), помог, был*):

- *Но мне так хочется рассказать. Меня всю так...*
- *Не надо, – сказал Гога.*
- *Но ведь вы поступили как **настоящий мужчина!***
[В. Черных. Москва слезам не верит].

- **личные местоимения + *настоящий мужчина*** (*ты настоящий мужчина, он настоящий мужчина, я настоящий мужчина*). Также часто употребляются слова с похвальной семантикой (*молодец, молодец, храбрец*):

[Молодой человек продолжает драться на пределе физических сил, проявляя бесстрашие в бою]

- *Стой! Динька лежал на траве, Ислам стоял, держа рукой выбитую челюсть, вся компания стояла кругом и смотрела на происходящее в полном недоумении.*
- *Это очень храбрый русский. Я таких раньше не видел. Он **настоящий мужчина**, – высказался Адам (Герман Садулаев. Когда прогнулись танки (2010)).*

При положительной оценке используется похвала: адресант использует прямые речевые акты, чтобы аргументировать, почему адресат или третье лицо повел/ведет себя как *настоящий мужчина* (сравнительный оборот) или таковым является (в утвердительных предложениях, при восклицании).

При отрицательной оценке события адресант использует:

- **конструкцию *настоящий мужчина должен Р***

- *Скажи, ты дрался когда-нибудь по-настоящему? – неожиданно спрашивает она.*

- Ну, я не помню... наверно, нет, – несколько озадаченно отвечаю я.
- Что – совсем никогда не дрался? – она возмущённо приподнимается на локтях.
- Да вроде никогда... – я присаживаюсь на край кровати.
- А почему? Я думаю, что **настоящий мужчина** обязательно должен драться, чтобы заслужить уважение (Семен Каминский. Драка // «Ковчег», 2014).

- **сослагательное наклонение (придаточные условия):**

*Если б ты был **настоящий мужчина**, так ты приехал бы ко мне в тот же день и прощения попросил. Я целый вечер тебя ждала и даже приготовилась обморок разыграть...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).

- **конструкцию *настоящий мужчина не Р*:**

- Да кто же мы, в конце концов, по-твоему, друг для друга, черт побери?! Да не крестись, не раздражай меня! Надо же договориться!
- **Настоящий мужчина**, Афанасий Иванович, никогда заранее ни о чем не договаривается...
(Б.Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова (1980)).

- **сопоставление адресата с другим лицом: *он настоящий мужчина, а ты...***

– Он по крайней мере содержит свою жену, и хорошо содержит, – едко сказала Полина, – в отличие от некоторых, которые шляются без дела, пока я работаю... Он по крайней мере **настоящий мужчина**, а ты кто?! (Е.В. Колина. Дневник измены (2011)).

При отрицательной оценке используется упрек, если адресант обращается к адресату, или осуждение, если адресант говорит о третьем лице, он может быть выражен как прямым речевым актом (сравнение, сослагательное наклонение (придаточные условия), так и косвенным речевым актом (использование конструкций *настоящий мужчина должен Р, настоящий мужчина не Р*).

Гендерное распределение участников диалога показало следующие результаты:

1. Похвала *настоящий мужчина* употребляется чаще при коммуникации двух мужчин (12 примеров), реже – в смешанной коммуникации (7 примеров).
2. Мужчина хвалит мужчину за великодушные, самоотверженное поведение по отношению к другим людям (3 примера).

3. Женщина упрекает мужчину за неподобающее отношение к ней и/или к другим женщинам (4 примера).
4. Храброе поведение или храбрые поступки являются объектами похвалы как со стороны мужчин, так и женщин. Отсутствие таких качеств у адресата является объектом упрека независимо от гендера адресанта (всего 7 примеров за похвалу и упрек – в мужском дискурсе); (всего 6 примеров за похвалу и упрек – в смешанном диалоге).

Таким образом, гендерный стереотип *настоящий мужчина* используется в различных коммуникативных ситуациях в качестве аргумента соответствия или несоответствия модели поведения эталона. В диалогах между женщинами и мужчинами женщины чаще упрекают мужчин, что они не соответствуют эталону, или сравнивают адресатов-мужчин с третьими лицами, которые выступают эталонами. В диалогах между мужчинами мужчины чаще хвалят собеседников за их соответствие эталону. Также в диалогах между мужчинами и женщинами мужчины могут хвалить самих себя или упрекать женщин за их ложные представления об эталоне. Результаты исследования показали, что при апеллировании к мужскому эталону фактор гендера в коммуникации не всегда бывает определяющим: представления о соответствующем эталоне не отличаются ни у женщин, ни у мужчин, однако отличаются стратегии выражения поощрения или порицания тех или иных качеств мужчины.

Литература

- Аносов 2013 – Аносов Е.А. Лингвистические репрезентации константных / динамических гендерных стереотипов в русской и англоязычной лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 174 с.
- Бакушева 1995 – Бакушева Е.М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины: На материале фр. яз.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 193 с.
- Горошко 2002 – Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй Междунар. конф. М., 2002. С. 77–86.
- Земская и др. 1989 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. О чем и как говорят женщины и мужчины // Русская речь. 1989. № 1. С. 42–46.
- Кирилина 1999 – Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
- Кирилина 2005 – Кирилина А.В. Гендер и язык. М., 2005. 624 с.

- Кирилина, Томская 2005 – Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya.html?ysclid=lp1rtbyjr6685854867> (дата обращения 20 июня 2023).
- Лалетина 2007 – Лалетина А.О. Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни (на материале англ.языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 25 с.
- Полевая 2014 – Полевая И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в Российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 204 с.
- Потапов 2002 – Потапов В.В. Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах // Гендер как интрига познания. М., 2002. С. 94–117.
- Прохоров 1997 – Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997. 215 с.
- Романов 2000 – Романов А.А. Гендерная компонента в лингвистике: проблемы объекта и предмета исследования // Animus et anima: языковые картины мира и формы речевого поведения. Москва; Тверь, 2000. С. 4–20.
- Jespersen 1922 – Jespersen O. Language, Its Nature, Development, Origin. London: George Allen & Unwin Ltd, 1922. 367 p.
- Maunthner 1921 – Maunthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), Auflage. Stuttgart, Berlin, 1921.
- Sapir 2023 – Sapir E. Male and Female Forms of Speech in Yana // Selected writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Los Angeles, 2023. P. 206–212.

References

- Anosov, E.A. (2013), *Linguistic representations of constant/dynamic gender stereotypes in Russian and English linguo-cultures*, Ph.D. Thesis, Chelyabinsk, Russia.
- Bakusheva, E.M. (1995), *Sociolinguistic analysis of male and female speech behavior. On the material of French*. Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Goroshko, E.I. (2002), “Features of male and female verbal associations (Experience of qualitative interpretation)”, *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: Doklady Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii*, [Gender. Language, culture, communication. Proceedings of the Second International Conference], Moscow, Russia, pp. 77–86.
- Jespersen, O. (1922), *Language, Its Nature, Development, Origin*, George Allen & Unwin Ltd, London, UK.
- Kirilina, A.V. (1999), *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender. Linguistic aspects], Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia.

- Kirilina, A.V. (2005), *Gender i yazyk* [Gender and language], Moscow, Russia.
- Kirilina, A.V. and Tomsкая, M.V. (2005), "Linguistic gender studies", *Otechestvennye zapiski*, no. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya.html?ysclid=lprrtbyjr6685854867> (Accessed 20 June 2023).
- Laletina, A.O. (2007), *Gender linguistic construction in lifestyle magazines (based on English language)*, Abstract of Ph.D. dissertation, Nizhny Novgorod, Russia.
- Maunthner, F. (1921), *Beiträge zu einer Kritik der Sprache, Band 1 (Zur Sprache und Psychologie)*, Auflage. Stuttgart, Berlin, Germany.
- Polevaya, I.V. (2014), *Speech gender stereotypes and their realization in the Russian analytical television discourse (based on the talk shows "Dialog" and "In Focus" of the RBC-TV channel)*, Ph.D. Thesis, Philological Sciences, MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.
- Potapov, V.V. (2002), "Current state of gender studies in English-speaking countries", Khaleeva, I.I. (ed.), *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as an intrigue of cognition], Rudomino, Moscow, Russia, pp. 94–117.
- Prokhorov, Yu.E. (1997), *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian language to foreigners], Moscow, Russia.
- Romanov, A.A. (2000), "Gender component in linguistics. Issues of object and subject in research", Romanov, A.A. (ed.), *Animus et anima: yazykovye kartiny mira i formy rechevogo povedeniya* [Animus et anima. Language pictures of the world and forms of speech behavior], Moscow, Tver, Russia, pp. 4–20.
- Sapir, E. (2023), "Male and Female Forms of Speech in Yana", *Selected writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*, University of California Press, Los Angeles, USA, pp. 206–212.
- Zemskaya, E.A., Kitaigorodskaya, M.V. and Rozanova, N.N. (1989), "What Women and Men Talk About and How", *Russkaya rech* [Russian Speech], Nauka, Moscow, Russia, pp. 42–46.

Информация об авторе

Елизавета О. Албей, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125037, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; liza.albey@gmail.com

Information about the author

Elizaveta O. Albey, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; liza.albey@gmail.com

Часть 3

Теоретические вопросы клишированности речи и текста

УДК 81'27

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

Прагматические рестрикции

Владимир И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия, vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются прагматические рестрикции, понимаемые как границы нормальной коммуникации в рамках определенных ситуаций. Нарушения таких границ ведут к коммуникативному сбою либо представляют собой перевод общения в сферу шуток. Эти рестрикции соотносятся с формально-структурными и семантическими языковыми нормами, имеют градуальный характер и варьируют от абсолютных запретов до приемлемых, но не рекомендуемых поступков. Прагматические рестрикции отражают этнокультурную специфику общения, определяя границы приемлемости и допустимости тех или иных коммуникативных действий в определенной культуре. Такие рестрикции подвержены изменениям, возникают новые ограничения и упраздняются прежние. Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций: 1) этикетные, состоящие в фиксации принятых канонов доброжелательного уважительного общения, 2) фундаментальные, суть которых сводится к поддержанию важнейших форматов коммуникации, это в первую очередь относится к религиозным предписаниям и запретам, 3) продиктованные здравым смыслом в обиходных ситуациях, 4) ритуальные, представляющие собой автоматическое соблюдение традиционных примет, 5) политкорректные, являющиеся реакцией на нарушения прав угнетаемой или ранимой части населения, 6) дискурсивно-стилистические, характеризующие ситуативно определенные нормы коммуникативного поведения.

Ключевые слова: рестрикция, прагматика, коммуникативная норма, речевой поступок, этнокультурная специфика

Для цитирования: Карасик В.И. Прагматические рестрикции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 205–218. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

© Карасик В.И., 2024

Pragmatic restrictions

Vladimir I. Karasik

*Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia, vkarasik@yandex.ru*

Abstract. The paper deals with pragmatic restrictions treated as limits of normal communication within certain situations. Violations of such limits result in communicative failure or switch the communication into a sphere of jokes. Such restrictions correlate with formal and semantic linguistic norms, they have a gradual nature and vary from absolute prohibitions to admissible, but not recommendable communicative actions. Pragmatic restrictions are ethno-culturally bound. They change in time, as new norms emerge and previous rules function no longer. Several types of pragmatic restrictions may be singled out in communication: 1) etiquette rules which fix the canons of demonstrating good will and respect; 2) fundamental norms of behavior which keep the most important communicative formats, mainly concerning religious prescriptions and prohibitions; 3) common sense rules in everyday personal communication; 4) ritual automatic adherence to traditional beliefs; 5) politically correct, which is a reaction to violations of the rights of an oppressed or vulnerable part of the population; 6) discourse and style norms characterizing situationally defined norms of communicative behavior.

Keywords: restriction, pragmatics, communicative norm, speech action, ethno-cultural specificity

For citation: Karasik, V.I. (2024), "Pragmatic restrictions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"* Series, no. 8, pp. 205–218, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-205-218

Введение

В коммуникативной практике и языковой системе существуют определенные рестрикции – ограничения и запреты на использование тех или иных языковых форм и коммуникативных поступков. Так, например, странно звучат фразы «У меня не есть терпение», «Я на маму разозлила», «Я пришел просить руки вашей жены». Неестественность этих и подобных высказываний обусловлена различными причинами – нормами фонетики, лексики и грамматики, особенностями речи детей или людей, плохо владеющих языком, непониманием культурных установлений или намеренным стремлением нарушить те или иные правила поведения чаще всего с игровой целью. Хрестоматийно известна фраза *"Colorless green"*

ideas sleep furiously” – «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», придуманная с целью демонстрации расхождения между логико-семантической несостоятельностью высказывания и его грамматической правильностью.

Языковые рестрикции неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов, рассматривающих языковую норму и отклонения от нее¹ [Булыгина, Шмелев 1990; Граудина 1996; Ильин, Сидорова 2021; Кронгауз 2008; Крысин 2008; Лаптева 1999; Мурзин 1989; Норман 1989; Разинкина 1982; Сиротинина 2000; Скворцов 1980]. Семантические рестрикции относятся к сфере номинации – если нет коммуникативной потребности называть что-либо, то такие окказиональные языковые единицы выглядят неестественно («клополюб», «стыдыня», «оказать участие» и др.). Вместе с тем подобные слова или фразы могут быть легко построены, поскольку создаются по определенным моделям языка. Прагматические рестрикции касаются различных запретов или непринятых поступков в сфере коммуникативного поведения («упасть ниц перед деканом для демонстрации уважения»). Прагматические рестрикции представляют собой реализацию коммуникативных постулатов, нарушение которых делает общение бессмысленным [Грайс 1985; Lakoff 1973; Leech 1983]. Изучение таких ограничений позволяет увидеть нормы поведения, принятые в той или иной культуре и требующие объяснения в межкультурной коммуникации [Воркачев 2014; Дементьев 2016; Карасик 2019]. Принципиально важно то, что прагматические рестрикции могут быть значимыми в одной культуре и незначимыми в другой по разным причинам.

Типы прагматических рестрикций

Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций в общении.

К первому типу можно отнести этикетные рестрикции. В наши дни в России и во многих других странах странно будут выглядеть глубокие поклоны и реверансы при встрече людей, неравных по социальному статусу. Такого рода этикетные рестрикции обусловлены требованиями эпохи. Если мы видим подобное поведение в кино или на сцене, то мы принимаем его нормативность в соответствии с нашими представлениями об этой эпохе. Сюда же относятся и вербальные формулы этикета. Например, *Свидетельствую*

¹ Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1981. 208 с.

Вам мое почтение, милостивый государь. Вместе с тем такие рестрикции носят градуальный характер. Фраза в конце личного письма «*Ваш покорный слуга*» может встретиться в переписке людей старшего возраста, но будет выглядеть иронично в сетевом дискурсе и, по-видимому, исключена в текстинге (обмене смс). Нарушения подобных этикетных запретов свидетельствуют о стремлении коммуниканта перевести общение в игровой формат. Этикетные рестрикции своеобразны для разных типов дискурса. В частной переписке возможны завершения писем словами «*Обнимаю*» или «*Целую*». Но подобные фразы в конце официального отчета превращают любой отчет в буффонаду. Соответственно, официальные традиционные завершения в переписке «*С искренним уважением*» будут выглядеть странно в личностном молодежном дискурсе.

Современное электронное общение внесло ощутимые изменения в нормы коммуникативного поведения. Показательно использование точки в смс – этот пунктуационный знак приобрел дополнительный смысл увеличения дистанции между участниками диалога. Вместе с тем такая рестрикция является относительно свободной, многие коммуниканты по-прежнему ставят знаки препинания в смс.

Назначение этикета, как известно, состоит в нейтрализации возможных коммуникативных сбоев и затруднений, и прежде всего в демонстрации доброго отношения к партнерам по общению. Некоторые этикетные рестрикции носят характер строгих запретов. Это касается использования местоимений второго лица в русском языке. Показательно точное определение функции неуместного сокращения дистанции при употреблении несимметричного общения на «Ты» – «Ты» хамское. Известно, что в некоторых семьях в России дети должны были обращаться на «Вы» к своим родителям. В Сербии использование местоимения второго лица при обращении к ровеснику имеет четко выраженную гендерную специфику: «Ты» – распространенный вариант обращения мужчины к мужчине и редкое исключение из общего узуса обращения мужчин к женщинам. В целом коммуникативная дистанция между людьми в Сербии короче, чем в России², и это существенным образом влияет на нормы общения и актуальные ограничения в выборе языковых средств. Своеобразны этикетные рестрикции в обращениях. Например, в Мали жена не имеет права обращаться к мужу по имени, используется ласкательное обращение. В ряде культур категорически запрещено не только обращаться к родителям мужа, но и даже инициировать общение с ними.

² Я благодарен А.Н. Матрусовой за комментарий.

Второй тип рестрикций касается фундаментальных установок в мировосприятии. Сюда относятся прежде всего правила поведения, обусловленные религиозными предписаниями и запретами. Например, студентки из стран исламского мира, приехавшие в нашу страну, отвечают в своих анонимных анкетах на вопрос *«Что показалось Вам наиболее странным в поведении современных жителей России?»* так: *«Мужчины могут дотрагиваться до женщин в разговоре»*. Гражданам нашей страны в свою очередь странными представляются таблички с выражением благодарности Богу, прикрепленные к стенам или к полу в католическом храме. Так, в одном из храмов Вены я увидел серию подобных табличек с благодарностью за чудесное выздоровление и спасение. Более всего меня поразила следующая табличка: *«Спасибо Тебе! Я знал, что Ты меня не подведешь»*. Аналогичное несовпадение жизненных установок имело место при разговоре с немецкими инженерами-нефтяниками, работавшими в совместном предприятии с российскими сотрудниками в нашей стране. У одного из наших сотрудников, весьма пожилого человека, умерла жена, и немецкие коллеги посчитали необходимым участвовать в церемонии похорон. При личной встрече они мне сказали, что были поражены тем, что во время этого печального ритуала никто не произнес речи у гроба. Произнесение речи у гроба в русской лингвокультуре обязательно при прощании с людьми, имевшими определенный публичный статус, в других случаях такое коммуникативное действие факультативно. В Германии отсутствие такого прощального слова воспринимается как резкое нарушение социальных норм.

Рестрикции третьего типа можно назвать ограничениями, закрепляющими нормы здравого смысла. Нарушения таких норм свидетельствуют о том, что субъект страдает определенными психическими отклонениями или имитирует их. Таковы, например, высказывания людей с аутистическим спектром. Главное отличие этих высказываний – наделение значений слов произвольными смыслами: *«Город уже сварился, можно его выпускать на волю»*. Подобная криптосемантика в обиходной ситуации общения обращена в никуда. Отметим, что в художественной речи сильным приемом является авторская метафора, смыкающаяся с катахрезой – использованием слов в произвольном значении. Заслуживают внимания фразы детей, для которых таких рестрикций не существует³: *игра – взнаправдашняя понарошность; спираль – застывшая в танце прямая; шар – куб без углов и рёбер*. Сюда же относятся

³ Афоризмы Сони Шаталовой – девочки, страдающей аутизмом. URL: <https://dzen.ru/a/Y2F71bDwUhUm1t0K> (дата обращения 15 июня 2024).

коммуникативные действия, нарушающие общепринятые правила поведения: нельзя в магазине взять товар и уходить, не расплатившись; нельзя обнимать или обнюхивать незнакомых людей; нельзя спрашивать прохожих, где находится ближайший космодром и т. д. Отметим, что виртуализация общения в определенной мере способствует размыванию таких рестрикций и принятию мысли о том, что данный мир является не более чем иллюзией.

Отдельную разновидность намеренного нарушения здравого смысла составляют поступки людей, стремящихся карнавально перевернуть (и тем самым подтвердить) принятые нормы поведения. Таковы, например, монстрации – художественные акции для самовыражения, обычно с плакатами, на которых написаны абсурдные лозунги. Например: «*Ад наш!*», «*Пора окститься*», «*Мам, купи мне динозавра!*».

К четвертому типу коммуникативных рестрикций можно отнести соблюдение определенных норм обиходного поведения, зафиксированных в приметах и суевериях. Так, во многих сообществах по-прежнему боятся сглаза, и поэтому люди избегают говорить кому-то при встрече: «*Какой у тебя красивый и здоровенький ребенок!*». Если это все же будет сказано, то в ответ прозвучит заклинание: «*Тьфу-тьфу-тьфу!*», и нужно постучать по дереву. Многие запреты касаются видов деятельности, сопряженных с риском. Летчики избегают словосочетания «*последний полет*», нужно использовать прилагательное «*заключительный*». В актерской среде иногда действует запрет поднимать с пола упавший во время репетиции сценарий спектакля – сначала нужно сесть на него. Студенты не хотят сообщать точной даты экзамена. Раньше считалось, что перед экзаменом нельзя мыть голову. Аналогичный смысл имеет диалогическое клише «*Ни пуха, ни пера!*» – «*К черту!*». В Италии с целью преодоления сглаза иногда используется «*джеттатура*» – жест в виде мизинца и указательного пальца, в то время как средний и безымянный прижаты к ладони. В наши дни такую джеттатуру могут держать за спиной. В нашей стране этот жест называется «*коза*» и имеет другие значения – либо это угроза, распространенная на зоне («*Я тебе глаза выколю!*»), либо так называемая «*распальцовка*», шутливая демонстрация своего высокого статуса, распространенная в 90-е гг. прошлого века. В России держат кукиш в кармане, чтобы избежать сглаза, отсюда и шутовское понимание этого жеста – быть против, но не показывать этого. Существует множество подобных примет в разных культурах. Во Вьетнаме студенты избегают есть яйцо перед экзаменом, поскольку по форме оно напоминает ноль – отрицательную оценку. Многие приметы в русской лингвокультуре обозначают возможность потери денег – нельзя

свистеть в доме, нельзя выносить мусор вечером, нельзя передавать деньги, стоя на пороге. В культуре народов банту в Африке нарушение некоторых запретов имплицитно подразумевает вероятность рождения больного ребенка – например, нельзя нести на голове наполовину наполненное ведро или заключать брак с родственником. У этих рестрикций есть культурологические объяснения, но в данном случае нужно подчеркнуть идею запрета, который для определенных людей императивен, а для других является просто традиционной автоматической формой реакции на то или иное действие.

Пятый тип коммуникативных рестрикций получил распространение в современной западной цивилизации под рубрикой «политическая корректность». Эта тема неоднократно привлекала внимание исследователей [Ларина 2009; Леонтович 2005; Палажченко 2004; Панин 2004; Стернин 1998; Тер-Минасова 2000]. Исходный смысл такого коммуникативного поведения состоит в стремлении избежать нанесения морального ущерба тем, кого раньше считали людьми, относящимися к низшему слою общества, либо тем, кто имеет определенные дефекты внешности или отстает в развитии. Это прежде всего коснулось гендерных вопросов, неpolitкорректными стали слова, выдвигавшие мужчин на первое место или закреплявшие за женщинами тот или иной вид деятельности: нельзя говорить и писать *“sportsman, housewife”*, нужно использовать лексические единицы *“sports lover, home keeper”*, изменились нормы грамматики, вместо местоимения третьего лица единственного числа *“he”* во многих случаях стали использовать либо сочетание *“he / she”*, либо множественное число *“they”*. В русском языке это выразилось в активно продвигаемых в социальных сетях феминитивах *«авторка, режиссерка, сценаристка»* и др. Аналогичное коммуникативное поведение наблюдается при упоминании чернокожих жителей США: сначала стало запретным исходное слово *“negro”*, затем *“Black”* и *“Afro-American”*. Английское коммуникативное поведение, как известно, тяготеет к косвенному и эвфемистическому обозначению различных явлений или характеристик объектов. Люди низкого роста стали обозначаться как *“vertically challenged”*, те, чья фигура не соответствует стандарту внешности, – как *“horizontally challenged”*, ученики с низким уровнем интеллектуального развития – как *“slow learners”*. Непolitкорректным в наши дни стало обозначение *«даун»*, принято говорить *«солнечные дети»*. Это же относится и к обозначению людей преклонного возраста, не рекомендуется использовать слова *«старый, пожилой»*, хорошим тоном стал их эквивалент *«взрослые граждане»*. Прямое обозначение национальности в определенный момент стало восприниматься как неудобное, поэтому появились канцеляризмы *«граждане еврейской национальности, кавказской национальности»*.

В рамках этого типа рестрикций можно выделить те обозначения, которые обусловлены рекламной тенденцией продвижения определенных товаров или стиля жизни. В англоязычной рекламе не используются прилагательные *“little, artificial”* (маленький, искусственный), вместо этих слов употребляются их функциональные синонимы *“fun-sized, hand made”*. Есть вагоны первого класса, но нет вагонов второго класса, используется словосочетание *“standard class”*. Эвфемистически заменяются наименования непрестижных профессий: вместо *“nightman”* (ассенизатор) используется сочетание *“sanitation engineer”*. Изменилось и обозначение кладбища: вместо прежнего слова *“graveyard”* используется словосочетание *“memorial park”*.

Шестой тип прагматических коммуникативных рестрикций составляют различные ограничения, касающиеся стилистики речи. Такого рода рестрикции обусловлены здравым смыслом и требованием ситуативного соответствия речи обстоятельствам общения. Это требование было сформулировано Цицероном как принцип уместности речи. В постулатах общения известна формула:

Don't use fourteen letter words with your child and four letter words with your mother-in-law

Не используйте слова из четырнадцати букв в разговоре с ребенком и слова из четырех букв (вульгаризмы) в разговоре с тещей.

Такая уместность имеет как дискурсивную, так и регистровую специфику.

Дискурсивная специфика прагматических рестрикций

В дискурсивном плане необходимо соблюдать жанровые каноны устной и письменной речи в различных ситуациях. В научном дискурсе считается серьезным нарушением коммуникативных норм несоблюдение регламента во время устного доклада на конференции. В современном письменном научном дискурсе отсутствие аннотации и ключевых слов в научной статье является формальным основанием для отказа в публикации. Интересен факт, относящийся к дипломатическому и политическому дискурсу: известно, что президент Франции Шарль де Голль, выходя на трибуну во время официальных мероприятий, доставал из кармана сложенный листок и делал вид, что зачитывает подготовленный текст. Выступление без подготовленной речи в тех культурно-исторических условиях, видимо, не одобрялось. Неприемлемым

в публичных жанрах политического дискурса является оскорбление оппонентов, хотя существуют определенные уловки, позволяющие обойти этот запрет. Показателен фрагмент дебатов в Британском парламенте в ноябре 1984 г.⁴:

Mr. Dennis Skinner. On a point of order, Mr. Speaker. ... I should have thought that it was taking things a little too far even for this pompous sod down here –

Mr. Speaker. Order. I must ask the hon. Gentleman immediately to withdraw that word, which I will not mention again.

Mr. Skinner. I withdraw the word “pompous”.

Скиннер. Относительно порядка, г-н Председатель. ... Я бы сказал, что это несколько выходит за рамки даже для такого напыщенного содомита здесь...

Председатель. Порядок. Я должен призвать уважаемого господина немедленно аннулировать это слово, которое я не буду повторять.

Скиннер. Я аннулирую слово «напыщенный».

Фактически член Палаты общин нанес серьезное оскорбление своему коллеге.

В академическом дискурсе есть множество правил поведения, несоблюдение которых ведет к прекращению общения и последующим институциональным действиям, например использование шпаргалок на экзамене. Рестрикциями для медийного дискурса являются нормы, сформулированные в законодательстве (например, нельзя разглашать государственные секреты или призывать к национальной розни) и составляющие суть массмедиа (нельзя тиражировать информацию массам, не являющуюся актуальной для широкой аудитории, например, личную информацию рядового гражданина, нельзя распространять недостоверную информацию). Распространение фейков стало в наши дни частотным приемом средств массовой информации. Не случайно существует жанр «опровержение» как выработанный инструмент социального контроля и противодействия в медийном дискурсе.

Заслуживают внимания прагматические рестрикции в сетевом дискурсе. Опрос участников этого вида общения (студенты Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина) показал, что наши современники считают недопустимым следующее:

⁴ Points of order. Vol. 67: Debated on Monday 12 November 1984. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1984-11-12/debates/9e427e19-589b-44c9-8d1c-6457f17d6ef6/PointsOfOrder?highlight=pompous%20sod> (дата обращения 15 июня 2024).

распространять личные данные; оскорблять участников коммуникации; призывать к противоправным действиям (травле, насилию, терроризму и т. д.); переходить по непроверенным ссылкам (есть опасность попадания вирусов на компьютер / гаджет / ноутбук); употреблять в общении обценную лексику (брань, вульгаризмы, мат, дисфемизмы); отправлять денежные средства и иную помощь в непроверенные фонды, ассоциации, приюты (есть риск столкнуться с мошенничеством); притеснять / высмеивать людей по признакам пола, расы, нации, вероисповедания и т. д.; предоставлять информацию о своих документах, накоплениях, месте нахождения; распространять спам (рекламные, агитационные тексты); выкладывать фото и видео без разрешения правообладателя; нарушать авторские права.

Подобные рекомендации прослеживаются в ответах других информантов:

не указывать личные данные на сомнительных сайтах; быть аккуратным в общении с незнакомыми лично людьми, не делиться личными данными, важной информацией, которой лучше остаться конфиденциальной (например, домашним адресом); не верить всей информации, публикуемой в интернете, всегда мыслить критически и проверять информацию; не ставить геолокацию при публикации фото в блоге или социальной сети; не доверять сомнительным названиям сайтов, дабы не стать жертвой фишинга; не указывать одинаковые, простые пароли на разных сайтах; быть аккуратными с совершением интернет-платежей, не переводить деньги сомнительным лицам, знать принципы работы интернет-мошенников; соблюдать сетевой этикет, не оскорблять собеседников, с уважением относиться к чужому мнению, не участвовать в сетевом буллинге, в специализированных обсуждениях не отходить от темы – не «флудить».

Приведенные примеры показывают, что прагматические рестрикции в сетевом дискурсе сводятся к соблюдению юридических, моральных и утилитарных правил общения.

Заключение

Прагматические рестрикции представляют собой осознаваемые участниками общения границы нормальной коммуникации, нарушение которых ведет к коммуникативному сбою либо представляет собой перевод общения в сферу шуток. Эти ограничения имеют градуальный характер, они варьируют от абсолютных запретов

до приемлемых, но nereкомендуемых поступков. Прагматические рестрикции отражают этнокультурную специфику общения, то, что неприемлемо в одной культуре, может быть допустимо в другой. Такие рестрикции подвержены изменениям, возникают новые ограничения и упраздняются прежние. Можно выделить несколько типов прагматических рестрикций: 1) этикетные, состоящие в фиксации принятых канонов доброжелательного уважительного общения, 2) фундаментальные, суть которых сводится к поддержанию важнейших форматов коммуникации, это в первую очередь относится к религиозным предписаниям и запретам, 3) продиктованные здравым смыслом в обиходных ситуациях, 4) ритуальные, представляющие собой автоматическое соблюдение традиционных примет, 5) политкорректные, являющиеся реакцией на нарушение прав угнетаемой или ранимой части населения, 6) дискурсивно-стилистические, характеризующие ситуативно определенные нормы коммуникативного поведения.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1990 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 94–106.
- Воркачев 2014 – *Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: Монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
- Грайс 1985 – *Грайс П.* Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- Граудина 1996 – *Граудина Л.К.* Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 177–199.
- Дементьев 2016 – *Дементьев В.В.* Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
- Ильин, Сидорова 2021 – *Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г.* Вариативность языковой нормы при функционировании топонимов: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 17 (4). С. 615–632.
- Карасик 2019 – *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
- Кронгауз 2008 – *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
- Крысин 2008 – *Крысин Л.П.* Кодификация нормы и языковые традиции // Русский язык в школе. 2008. № 7. С. 77–82.

- Лаптева 1999 – *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 1999. 520 с.
- Ларина 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Леонтович 2005 – *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Мурзин 1998 – *Мурзин Л.Н.* Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 5–13.
- Норман 1989 – *Норман Б.Ю.* К типологии речевых ошибок (на синтаксическом материале) // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 14–22.
- Палажченко 2004 – *Палажченко М.Ю.* Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 28 с.
- Панин 2004 – *Панин В.В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
- Разинкина 1982 – *Разинкина Н.М.* О понятии языковая норма применительно к функциональному стилю // Основные понятия и категории лингвостилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1982. С. 98–102.
- Сиротинина 2000 – *Сиротинина О.Б.* Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. статей. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 240–248.
- Скворцов 1980 – *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
- Стернин 1998 – *Стернин И.А.* Американские коммуникативные табу // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 1998. С. 65–66.
- Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
- Lakoff 1973 – *Lakoff R.* The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting / Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.
- Leech 1983 – *Leech G.N.* Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

References

- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D. (1990), “Anomalies in the text. Issues of interpretation”, *Logicheskii analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language. Contradictions and anomalies of text], Nauka, Moscow, Russia, pp. 94–106.

- Grice, H.P. (1985), "Logic and Conversation", *Lingvisticheskaya pragmatika: Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Linguistic Pragmatics. New trends in foreign Linguistics], Progress, Moscow, Russia, iss. 16, pp. 217–237.
- Graudina, L.K. (1996), "Challenges of norms in the Russian language. Reality and prognosis", *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya* [Russian speech culture and communication efficiency], Nauka, Moscow, Russia, pp. 177–199.
- Dement'ev, V.V. (2016), *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i noveishikh sferakh russkoi rechi: monografiya* [Speech genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech. A monograph], Izd-vo Sarat. un-ta, Saratov, Russia.
- Il'in, D.Yu. and Sidorova, E.G. (2021), "Variability of the language norm in the functioning of toponyms: problems and contradictions", *Vestnik of Saint Petersburg University Language and Literature*, no. 17 (4), pp. 615–632.
- Karasik, V.I. (2019), *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral. Values, signs, motifs], Gnozis, Moscow, Russia.
- Krongauz, M. (2008), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of nervous breakdown], Znak: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Krysin, L.P. (2008), "Codification of norm and language traditions", *Russian Language at School*, no. 7, pp. 77–82.
- Lakoff, R. (1973), "The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's", *Papers from the 9th Regional Meeting*, Chicago Linguistic Society, Chicago, USA, pp. 292–305.
- Lapteva, O.A. (1999), *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana: Razgovornyy plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte* [A living Russian speech from TV screen. A colloquial layer of TV speech in the normative aspect], URSS, Moscow, Russia.
- Larina, T.V. (2009), *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [A category of politeness and communication style. A comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Leech, G.N. (1983), *Principles of pragmatics*, Longman, London, UK.
- Leontovich, O.A. (2005), *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: monografiya* [Russians and Americans. Paradoxes of intercultural communication. A monograph], Gnozis, Moscow, Russia.
- Murzin, L.N. (1989), "Norm, speech technique and error from a dynamic point of view", *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya, funkcionirovanie: Sb. nauch. trudov*. [Speech technique and errors. Typology, derivation, functioning, A collection of articles], In-t yazykoznaniya, Moscow, Russia, pp. 5–13.
- Norman, B.Yu. (1989), "On a typology of speech errors (on the syntactic material)", *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya, funktsionirovanie: Sb. nauch. trudov* [Speech technique and errors. Typology, derivation, functioning, A collection of articles], In-t yazykoznaniya, Moscow, Russia, pp. 14–22.
- Palazhchenko, M.Yu. (2004), *Political correctness in linguistic and cultural tradition (on the English and Russian material)*, Abstract of the PhD dissertation, Moscow, Russia.

- Panin, V.V. (2004), *Political correctness as a cultural, behavioral and linguistic category*, Abstract of the PhD dissertation, Tyumen', Russia.
- Razinkina, N.M. (1982), "On the notion of linguistic norm relating to a functional style", *Osnovnye ponyatiya i kategorii lingvostilistiki: Mezhdvuz. sb. nauch. tr.* [Basic concepts and categories of linguistic stylistics. Interuniversity collection of articles], Perm, Russia, pp. 98–102.
- Sirotinina, O.B. (2000), "The Russian language in various types of speech cultures", Krysin, L.P. (ed.), *Russkii yazyk segodnya. Vyp.1: Sb. statei* [The Russian language today, iss. 1, A collection of articles], Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 240–248.
- Skvortsov, L.I. (1980), *Teoreticheskie osnovy kul'tury rechi* [Theoretical foundations of speech culture], Nauka, Moscow, Russia.
- Sternin, I.A. (1998), "American communicative taboo", *Yazyk i natsional'noe soznanie*. [Language and national consciousness], Istoki, Voronezh, Russia, pp. 65–66.
- Ter-Minasova, S.G. (2000), *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication], Slovo / Slovo, Moscow, Russia.
- Vorkachev, S.G. (2014), *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya*. [Implementation of meaning. Conceptualia selecta. A monograph], Paradigma, Volgograd, Russia.

Информация об авторе

Владимир И. Карасик, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. академика Волгина, д. 6; vkarasik@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Karasik, Dr. of Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485; vkarasik@yandex.ru

Функционирование клише в ироническом дискурсе

Ксения М. Шилихина

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия, shilikhina@rgph.vsu.ru

Аннотация. В статье анализируется одна из социальных функций клише в дискурсе – выражение иронической оценки. Принято считать, что клише не несут новой информации и, тем самым, ухудшают качество коммуникации. Однако использование клишированных фраз для создания иронии – это пример творческого использования различных «готовых» речевых оборотов для выражения имплицитной негативной оценки и маркирования социальных отношений между говорящим и адресатом. Для иронической оценки могут использоваться этикетные фразы, риторические вопросы, пословицы и поговорки, мемы, устойчивые словосочетания и прецедентные высказывания с исходной положительной оценочностью. Будучи легко узнаваемыми, с когнитивной точки зрения клише являются наиболее удобным способом создания иронии, который гарантирует распознавание интенции говорящего адресатом, поскольку ирония возникает в результате «замены знака», т. е. положительная оценка меняется на отрицательную. Ирония «считывается» адресатом, если нарушается смысловая целостность высказывания или очевидно притворно-игровое поведение говорящего. При условии частого использования клише для имплицитного выражения критического отношения они могут становиться конвенциональными способами выражения иронии в дискурсе, и в таком случае возможность иронического употребления должна фиксироваться словарями дискурсивных формул, этикетных средств и т. д.

Ключевые слова: юмор, ирония, клише, оценка, дискурс

Для цитирования: Шилихина К.М. Иронические клише // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 219–229. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229

The functioning of clichés in ironic discourse

Ksenia M. Shilikhina

Voronezh State University,

Voronezh, Russia, shilikhina@rgph.vsu.ru

Abstract. The article analyzes one of the social functions of clichés in discourse – the expression of irony. It is generally believed that clichés do not convey new information and, consequently, worsen the quality of communication. However, the use of clichés to create irony is an example of the creative use of various “ready-made” patterns to express an implicit negative evaluation and mark social relationships between the speaker and the addressee. Etiquette phrases, rhetorical questions, proverbs and sayings, memes and idioms with initial positive evaluative meaning can be used to express irony. Being easily recognizable, from a cognitive point of view, clichés are one of the most convenient ways to create irony, since it guarantees recognition of the speaker’s intention by the addressee as irony emerges as a result of “sign substitution”, i.e. a positive evaluation is changed to a negative one. Irony is “read” by the addressee if the semantic coherence of the utterance is violated or the speaker’s fake-playful behavior is obvious. Provided that clichés are often used to implicitly express a critical attitude, they can become conventional ways of expressing irony in discourse, and in such a case the possibility of ironic use should be mentioned by dictionaries of discursive formulas, etiquette tools, etc.

Keywords: humour, irony, cliché, evaluation, discourse

For citation: Shilikhina, K.M. (2024), “The functioning of clichés in ironic discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 219–229, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229

Внимание, которое в современной лингвистике уделяется различным прагматически значимым средствам коммуникации, объясняется их важной ролью в организации дискурса [Рахилина и др. 2021; Шаронов 2020]. Для описания и создания таксономий этих единиц помимо традиционных терминов *клише*, *речевой штамп* используются и другие варианты: *коммуникативы* [Шаронов 2020], *дискурсивные формулы* [Яскевич и др. 2022], *речевые формулы* [Баранов, Добровольский 2008] (о различиях терминов и обозначаемых ими единиц см. [Рахилина и др. 2021]). Создаются ресурсы, которые предлагают пользователям подробные описания

семантических и прагматических характеристик этих единиц [Яскевич и др. 2022; Эндерсен и др. 2020]. Поскольку в данном исследовании речь пойдет о различных по своим свойствам идиоматизированных конструкциях, выполняющих в дискурсе особую функцию – выражение иронической оценки, – мы будем пользоваться термином *клише* как «зонтиковым» термином.

Термин «клише» часто используется для обозначения любого явления, которое воспринимается как банальное и даже нежелательное из-за своей частой встречаемости. Так, Collins English Dictionary определяет клише следующим образом:

A cliché is an idea or phrase which has been used so much that it is no longer interesting or effective or no longer has much meaning¹.

Такая дефиниция отражает негативное отношение к клише, которое сложилось среди носителей языка. В СМИ также часто воспроизводится стереотипное негативное восприятие клише. Например, в 2008 г. корпорация BBC выпустила статью “20 of your most hated clichés”², в которой собраны комментарии носителей английского языка, которых раздражают дискурсивные формулы *to be fair, to be honest, the fact of the matter is* и т. д. Помимо вербальных клише существуют и мультимодальные варианты: в интернете существует множество списков клише из фильмов или мемов, которые попадают в категорию «ненавистных». Такое негативное отношение связано с тем, что смысл штампов (независимо от того, с помощью каких знаковых систем они созданы) уже стал конвенциональным и (слишком) легко опознается в любом контексте, не вызывая интереса или удивления.

По иронии судьбы, практика использования клишированных фраз в устной и письменной речи показывает, что это же свойство в ряде ситуаций делает клише удобным и эффективным способом кодирования социальных смыслов (например, упрощает научную, деловую или дипломатическую коммуникацию). Поскольку клише выражают общепринятые идеи, которые часто высказываются в однотипных ситуациях, они становятся маркерами соответствующих институциональных дискурсов, где такие однотипные ситуации составляют значительную часть общения [Bullo, Bousfield 2023]. К тому же язык клише динамичен и меняется в соответствии

¹ Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 2 ноября 2023).

² McGregor P. 20 of your most hated clichés. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/7733264.stm> (дата обращения 2 ноября 2023).

с потребностями говорящего; его функции и границы могут отличаться в зависимости от различных переменных и контекстов, в которых используются клише. Поэтому словарная дефиниция, приведенная выше, не полностью отражает суть клише как многофункциональных коммуникативных формул, которые способны не только ухудшать качество коммуникации, но и во многих случаях, напротив, улучшать его.

Вообще, само существование клише позволяет задать вопрос: что представляет собой процесс коммуникации? Еще в 1968 году Делл Хаймс писал о том, что наша речь – это повторение определенных конструкций (паттернов), которые могут быть конвенционально связаны с говорящим, сообществом или целой культурой [Hymes 1968]. Такая связь делает клише не просто устоявшейся речевой формулой, но семиотическим инструментом, который может быть использован для достижения различных коммуникативных целей. Например, клише может быть направлено на повышение эффективности коммуникации, и в таком случае оно выражает информацию наиболее экономным способом, поскольку для его понимания адресаты используют уже имеющуюся в их сознании когнитивную модель. Эти модели разделяются членами языкового сообщества и принимаются именно потому, что они вызывают к знакомому, известному и, в силу своей узнаваемости, гарантируют правильное понимание.

Обобщая все многообразие явлений, которые относят к клише, под клише в данном исследовании мы предлагаем понимать высказывание (конструкцию, словосочетание), которое многократно используется в дискурсе как готовый семиотический инструмент, позволяющий говорящему не только сообщать некоторую информацию, но и создавать и / или регулировать социальные отношения через имплицитное выражение оценки. В частности, клише – удобный инструмент для того, чтобы сделать дискурс менее формальным, объяснение сложного – более понятным. С помощью клише говорящий может убедить аудиторию, что разговор ведется на одном языке [Nargraves 2014].

Лингвисты неоднократно предпринимали попытки классифицировать клише. Так, Т.М. Николаева и И.А. Седакова, анализируя функционирование клише в речи москвичей в 1990-х годах с точки зрения социально ориентированных ситуаций и социальной стратификации общества, выделили:

- 1) старые, общеизвестные фразеологизмы, пословицы и крылатые выражения, не соотносимые с какой-либо исторической эпохой;
- 2) фразеологизмы неясного или авторского происхождения, многие из которых относятся к просторечию (*ему все до лампочки*);

- 3) выражения «нелитературного» характера (*к чертовой матери*), а также речевые обороты, выступающие в роли междометия (*обалдеть, с ума сойти, ни фига себе*);
- 4) советизмы, т. е. идеологические клише, характерные для определенной эпохи (*ум, честь и совесть*);
- 5) постсоветские клишированные выражения (*процесс пошел*) [Николаева, Седакова 1994].

Одной из самых детальных таксономий является классификация Барбары Киркпатрик [Kirkpatrick 1996], которая включает в себя 14 типов клише (от клишированных сравнений и заимствованных устойчивых выражений до внутригрупповых и внутрисемейных клише). Проблема с этими и другими таксономиями заключается в том, что ни одна из них не является бесспорной: каждый раз исследователи сталкиваются с проблемой разграничения клише и идиом, клише и прецедентных высказываний; кроме того, типы клише выделяются на различных основаниях (формальных, семантических или функциональных). В результате классификации включают в себя явления разных порядков, между которыми трудно провести границу. По нашему мнению, таксономия клише с точки зрения происхождения или степени устойчивости высказываний и конструкций в принципе затруднительна, поскольку «речевой формулой» может стать практически любая единица дискурса при наличии соответствующей коммуникативной потребности у носителей языка. Гораздо интереснее проанализировать функции, которые выполняют клише в дискурсе, и, возможно, именно функции могут стать основанием для дальнейшей классификации клише.

Как уже упоминалось выше, основная функциональная нагрузка клише не ограничивается выражением некоторого устойчивого смысла, а дополняется установлением и регулированием социальных отношений между участниками дискурса. Т.М. Николаева и И.А. Седакова отмечают:

...за каждым клише стоит целый комплекс коннотаций, коррелирующих в каждом конкретном случае с целевой установкой говорящего [Николаева, Седакова 1994].

Такое использование клише связано в первую очередь с передачей имплицитных социальных смыслов. Понимание этих скрытых смыслов возможно, если клише анализируется с учетом коммуникативной ситуации на уровне целей общения и ролей, которые выполняют участники.

Одним из вариантов использования клише является выражение иронической оценки в дискурсе. Возможность использования

клишированных фраз для создания иронии – это пример творческого использования готовых речевых формул, опровергающий тезис об их шаблонности и предсказуемости.

Для иронического дискурса в целом характерны следующие черты:

- 1) ирония – это способ выражения оценки, как аксиологической (в терминах *хорошо* – *плохо*), так и деонтической (в этом случае задействуется противопоставление реально-го положения дел тому, как *должно быть*);
- 2) ирония в дискурсе часто создается за счет намеренного нарушения смысловой целостности высказывания, для которого адресат должен найти рациональное объяснение. Вообще, умение устанавливать отношения когерентности между воспринимаемыми объектами окружающего мира или между единицами текста является одной из важнейших когнитивных способностей человека. «Оборотной стороной медали» можно считать нашу способность намеренно нарушать смысловую целостность высказывания или текста с целью передачи имплицитных социальных смыслов;
- 3) существует большое разнообразие языковых способов создания некогерентности, и это объясняет трудность описания иронии как дискурсивной практики. Однако в самом общем виде сигналом иронического смысла часто является нетривиальное использование языка (нарушение лексической сочетаемости, необычная категоризация объекта, нарушение логической связности в тексте и т. д.);
- 4) ирония в дискурсе предполагает игровое поведение говорящего.

Обобщая, можно говорить о том, что ирония – это дискурсивная практика, не зависящая от конкретной сферы общения. Она направлена на трансляцию определенных социальных отношений и характеризуется правилами создания и интерпретации высказываний, которые отличаются от правил *bona fide* дискурса [Шилихина 2014].

Возможность использования клише для создания иронии связана в первую очередь с тем, что многие речевые формулы используются для выражений оценки, поэтому потенциально любые клишированные высказывания с исходной положительной оценкой, которая может легко быть заменена на оценку отрицательную, могут употребляться иронически. Ироническое значение конвенционализируется и легко распознается адресатами даже в тех случаях, когда у них недостаточно коммуникативного опыта (здесь речь идет о детях и тех, для кого язык не является родным). Можно

говорить о том, что конвенциональные иронические клише – это пример того, как в дискурсе соблюдаются и интересы говорящего, и интересы адресата, поскольку иронический смысл легко «считывается» адресатом высказывания и гарантирует правильное понимание интенции говорящего.

Можно выделить несколько групп речевых формул, которые конвенционально используются именно для выражения иронии:

1) Этикетные фразы, выражающие притворное согласие, притворную похвалу, притворную положительную оценку:

(ну да) конечно, как смешно, прекрасно, люблю такое, поздравляю, yeah, right, of course, great, nice и т. д.

Обычно эти дискурсивные формулы употребляются как реакция на предыдущее высказывание. Примеры из Национального корпуса русского языка иллюстрируют ироническое употребление некоторых из них:

*(Хакамада, жен, политик) Смотрите/ на пейджере/ «Господа/ вас начали глушить. **Поздравляю***» (Беседа И. Хакамады со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004))

*А нам-то **как смешно!** Бедняги уже давно из ползунков выросли, а читать не научились*

(iOS (iPhone/iPad). telegram iOS (iPhone/iPad) (04.09.2021)).

*Тут про 24 тыщи зарплаты интересно пишут. **Люблю такое.** Бгг*
(Крым – обсуждение (без призывов к действию) (2) (2017–2021)).

В «Прагматиконе» дискурсивные формулы *да конечно / ой да конечно* описываются как способы выражения удивления и недоверия, однако они также могут служить сигналом иронии:

– *Да не съест она тебя.*

– ***Да / конечно*** (Беседа участников реалити-шоу «Дом-2», ТНТ (2005)).

Такие клише позволяют говорящему формально оставаться вежливым, однако притворная вежливость в таких контекстах распознается как ирония, направленная на выражение отрицательной оценки и управление межличностными отношениями.

2) Остроумные высказывания, растиражированные благодаря интернету и превратившиеся в мемы:

Cancel my subscription because I don't need your issues.

*Ага, так я тебя и послушалась. **Сейчас шнурки поглажу.** Вы этот двор купили, что ли? – съехидничала Майка, подходя ближе (Тамара Крюкова. Стражи порядка // Наука и жизнь. 2008).*

В первом случае ирония возникает в результате параллельной активации двух значений слова issues – «выпуски (журнала или газеты)» и «проблемы». Во втором случае клише можно считать конвенциональным способом выражения иронии, основанном на противоречии высказывания здравому смыслу.

3) Риторические вопросы, негативно оценивающие значимость адресата, его интеллектуальный уровень и внешний вид:

Что бы я без тебя делал(а)?

Ты такой умный, тебе череп не жмет?

И в кого это ты у нас такой умный?

Если ты такой умный, то почему такой бедный?

Откуда ты такой (красивый и умный) взялся?

Вот и старость, а где же мудрость?

Такие иронические клише хорошо иллюстрируют притворство говорящего.

Ну если Матя у нас такой умный, как он себя представляет, то пусть нам тупым поведаст жанр этих фильмов (У нас и у них (2019–2021)).

*– У нас преподавательница была, она сумкой билa тех, кто у неё за спиной вставал. – А я думаю, **откуда ты такой взялся**, видать, часто ты вставал (vk (10.03.2015))*

К этой же группе можно отнести школьный штамп «А голову ты дома не забыл?» и риторический вопрос «Да неужели?», выражающий притворное удивление говорящего:

*В Воронеже установили камеры, которые фиксируют пересечение сплошной, выезд на встречу и превышение скорости. **Да неужели?** Толку-то? (Контроль за нарушением ПДД с видеофиксацией камерами ГИБДД (пост) (2013–2021)).*

4) Использование пословиц и поговорок с некоторыми игровыми изменениями их формы, в результате чего возникает эффект обманутого ожидания:

*Яблоко от яблони недалеко гниет.
Извините, что я говорю, когда вы перебиваете.*

В таких случаях намеренное нарушение смысловой целостности за счет изменения ожидаемой формы высказывания и является основным сигналом иронии.

5) Идеологические клише, которые приобретают иронический оттенок при смене идеологии, когда то, что раньше оценивалось положительно, приобретает негативную оценку:

*Орден представляет собой отлитый из серебра позолоченный крест с российским гербом на лицевой стороне и девизом «Польза, честь и слава» – на оборотной. (В эпоху развитого социализма в цене, помнится, были «ум, честь и совесть». В демократическом обществе, стало быть, выжила только честь). Разница лишь в том, что президентский символ красуется на золотой цепи, а орден, которым наградили Ельцина, надобно крепить к специальной шелковой ленте. Так что, **кроме цепей**, Борис Николаевич в этом смысле ничего **не потерял** (Заслужил – получи! // Комсомольская правда. 15.06.2001).*

Использование клише для создания иронии указывает на то, что функции клише выходят за рамки локального уровня дискурса, поскольку говорящие могут целенаправленно использовать их для достижения определенных коммуникативных целей и выражения имплицитных социальных смыслов.

Клише снижают когнитивную нагрузку и для говорящего, и для адресата, поскольку они задают определенную когнитивную модель, удобство которой заключается в легкости ее распознавания. Однако ироническое использование клише связано с намеренным отступлением от этой когнитивной модели. В результате адресат высказывания должен выйти из «коммуникативной зоны комфорта», чтобы понять, что говорящий использовал клише для создания иронии.

Литература

- Баранов, Добровольский 2008 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Николаева, Седакова 1994 – Николаева Т.М., Седакова И.А. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // *Revue des études slaves*.

1994. Vol. 66. No. 3. Organisation sémantique de la phrase dans les langues slaves. P. 607–625.
- Рахилина и др. 2021 – Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.
- Шаронов 2020 – Шаронов И.А. Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии. Сер. «Научное издание». М., 2020. С. 217–231.
- Шилихина 2014 – Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.
- Эндерсен и др. 2020 – Эндерсен А., Жукова В., Мордашова Д., Рахилина Е., Ляшевская О. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). М.: РГГУ, 2020. С. 241–255.
- Яскевич и др. 2022 – Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2. С. 45–63.
- Bullo, Bousfield 2023 – Bullo S., Bousfield D. Talking in Clichés: The Use of Stock Phrases in Discourse & Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
- Hargraves 2014 – Hargraves H. It's Been Said Before: A Guide to the Use and Abuse of Clichés. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hymes 1968 – Hymes D. The Ethnography of Speaking // Readings in the Sociology of Language. 1968. No. 2. P. 99–138.
- Kirkpatrick 1996 – Kirkpatrick B. Clichés: Neither defense nor a condemnation // English Today. 1996. No. 12 (3). P. 16–25.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the phraseology theory], Znak, Moscow Russia.
- Bullo, S. and Bousfield, D. (2023), *Talking in Clichés: The Use of Stock Phrases in Discourse & Communication*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Endersen, A., Zhukova, V., Mordashova, D., Rakhilina, E. and Lyashevskaya, O. (2020), “The Russian Constructicon: a new linguistic resource, its design and key characteristics”, *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Moskva, 17–20 iyunya 2020 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Proceedings of the annual international conference “Dialogue” (Moscow, June 17–20, 2020)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 241–255.

- Hargraves, H. (2014), *It's Been Said Before: A Guide to the Use and Abuse of Clichés*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Hymes, D. (1968), "The Ethnography of Speaking", *Readings in the Sociology of Language*, no. 2, pp. 99–138.
- Kirkpatrick, B. (1996), "Clichés: Neither defense nor a condemnation", *English Today*, no. 12 (3), pp. 16–25.
- Nikolaeva, T.M. and Sedakova, I.A. (1994), "Attitudinal orientation of clichés and speech formulas in the modern Russian discourse", *Revue des études slaves*, vol. 66, no. 3, Organisation sémantique de la phrase dans les langues slaves, pp. 607–625.
- Rakhilina, E.V., Bychkova, P.A. and Zhukova, S.Yu. (2021), Speech acts as a linguistic category. The case of discourse formulae", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27
- Sharonov, I.A. (2020), "Communicative Function of Language and Communicatives", *Rusistika i komparativistika*. Collection of scientific works on philology. Ser. "Nauchnoe izdanie", iss. 14, Moscow, Russia, pp. 217–231.
- Shilikhina, K.M. (2014), *Semantika i pragmatika verbal'noj ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony], Nauka-Unipress, Voronezh, Russia.
- Yaskevich, A.A., Bychkova, P.A., Slepak, E.A. and Rakhilina, E.V. (2022), "Pragmaticon. The Database of the Russian Discourse Formulas", *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, no. 2, pp. 45–63.

Информация об авторе

Ксения М. Шилихина, доктор филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1; shilikhina@rgph.vsu.ru

Information about the author

Ksenia M. Shilikhina, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia; bld. 1, Universitetskaya Square, Voronezh, Russia, 394018; shilikhina@rgph.vsu.ru

Концепт «отвращение» I: общая характеристика и стимулы отвращения

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Аннотация. В работе обсуждается общая характеристика концепта «отвращение», рассматриваются некоторые русские вербальные и невербальные знаковые средства, обслуживающие этот концепт. Из всех видов эмоций «отвращение» выделяется рядом особенностей. К ним относятся: (1) глубинная биологическая основа, под которой я имею в виду большое число разнообразных, даже для отдельно взятой культуры, знаковых и незнаковых, то есть чисто физиологических, телесных проявлений эмоции отвращения у человека; (2) относительная стабильность телесных проявлений этой эмоции в пространстве, во времени и в культуре. Имеются в виду сравнительно небольшие пространственный, временной и культурный разбросы таких проявлений по соответствующим областям; 3) разнообразная по содержанию и близкая по форме связь телесных и языковых манифестаций эмоции, которая обнаруживается, в частности, в тесных корреляциях единиц языка тела с языковыми единицами ментальной и психологической сфер человека; (4) высокая значимость культурного, когнитивного и социального аспектов отвращения.

Основное внимание в нашей статье уделено различным объектам, людям и ситуациям, которые получили название *стимулы отвращения*. Выделены и охарактеризованы разные виды стимульных объектов, такие как продукты животного и растительного происхождения, отходы жизнедеятельности человека и животных, человеческие уродства, отдельные артефакты. В конце статьи формулируются законы, известные в антропологии и этнографии под именами *закон сходства* и *закон заражения (контагиозности)*, которые действуют в пространстве разных стимулов отвращения.

Ключевые слова: концепт, отвращение, телесный, языковой, манифестация, стимулы отвращения, закон сходства, закон заражения

Для цитирования: Крейдлин Г.Е. Концепт «отвращение» I: общая характеристика и стимулы отвращения // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 230–239. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-230-239

The concept “otvrashchenie” (disgust) I. General characteristics and stimuli of disgust

Grigory E. Kreydlin

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, gekr@iitp.ru

Abstract. The work discusses the general characteristics of the concept “otvrashchenie” and considers some Russian verbal and nonverbal sign means that cater for the concept. Of all the various emotions, “disgust” is distinguished by a number of features, which include: (1) a deep biological basis, by which I mean a large number of diverse, even for a single culture, verbal and nonverbal (that is purely physiological, bodily) manifestations of disgust in a human being; (2) the relative stability of body manifestations of disgust in space, time and culture. I have in mind a relatively small spatial, temporal and cultural dispersion of such manifestations across the relevant areas; (3) diverse in content and close in form connection of bodily and linguistic manifestations of emotion, which is found, in particular, in the close correlations of body language units with linguistic units related to the mental and psychological spheres of a person; (4) the high significance of cultural, cognitive and social aspects of disgust.

The main attention is paid to various objects, people and situations, which are called *disgust stimuli*. Different types of stimulus objects are identified and characterized: products of animal and plant origin, human and animal waste, human deformities, some artifacts. At the end of the article, the two laws are formulated, which are known in anthropology and ethnography under the names *the law of similarity* and *the law of infection* (contagiousness), which operate in the space of different stimuli of disgust.

Keywords: concept, disgust, bodily, language, manifestation, disgust stimuli, law of similarity, law of infection (contagiousness)

For citation: Kreydlin, G.E. (2024), “The concept ‘otvrashchenie’ (disgust) I. General characteristics and stimuli of disgust”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 230–239, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-230-239

Из всех видов эмоций «отвращение» выделяется рядом особенностей¹. К ним относятся:

¹ Сразу же подчеркну, что речь пока что идет именно об эмоции отвращения, а не о словах естественных языков, обозначающих или выражающих ее. Впрочем, о некоторых таких русских словах я еще скажу дальше.

- (1) глубинная биологическая основа, под которой я имею в виду большое число разнообразных, даже для отдельно взятой культуры, знаковых и незнаковых, то есть чисто физиологических, телесных проявлений эмоции отвращения у человека;
- (2) относительная стабильность телесных проявлений этой эмоции в пространстве, во времени и в культуре. Имеются в виду сравнительно небольшие пространственный, временной и культурный разбросы таких проявлений по соответствующим областям;
- (3) разнообразная по содержанию и близкая по форме связь телесных и языковых манифестаций эмоции. Эта связь обнаруживается, в частности, в тесных корреляциях единиц языка тела с языковыми единицами ментальной и психологической сфер человека;
- (4) высокая значимость культурного, когнитивного и социального аспектов отвращения.

Из типичных телесных проявлений эмоции отвращения выделяю особые выражения лица, известные под названием *grimасы отвращения*. Этот класс невербальных знаков, по наблюдениям ряда авторитетных западных исследователей, таких как психологи, кинезиологи и эмоциологи П. Экман [Ekman 1984], К. Изард [Izard 1971], П. Розин [Rozin et al. 1994], имеет много общих характеристик в известных мировых этносах и культурах. Grimасы отвращения складываются в единое целое, в, так сказать, единый гештальт, который образуется из комбинации отдельных структурных телесных элементов. Среди них: а) (при)открытие рта, когда опускается нижняя челюсть и иногда высовывается наружу язык, б) подъем верхней губы и в) сморщенный нос. В русском языке комплекс таких разнородных лицевых знаков часто передается с помощью таких глаголов, как *скривиться*, *искривиться*, *перекошиться*, *исказиться*, *передернуться*, *сморщиться*.

Помимо лицевых проявлений, к биологическим характеристикам отвращения относятся также **поведенческие элементы**. В русском языке и русской культуре они связаны прежде всего с самим телом, отдельными телесными объектами и с телесным поведением человека, ср., например, глаголы *сжежиться*, *поежиться* и *повернуться*. Об этом говорит также морфологическая структура слова *отвращение*, отглагольного имени от глагола *отвратиться*. Отвращение соотносится с пространственным, временным или социальным **отдалением** человека, испытывающего отвращение, **от** некоторого «заразного» **объекта**, **контактирующего** с человеком, или **от самого человека**.

В англосаксонской культуре, где отвращение обозначается прежде всего словом *disgust*, дистанцирование человека от заразных объектов или ситуаций происходит не всегда с телом как таковым. Чаше эмоция *disgust* возникает при контакте заразного объекта с отдельными телесными объектами человека, главным образом с органами перцепции, такими как нос, рот и глаза. При этом человек, испытывающий отвращение, пытается освободиться от раздражающего его стимула, перекрывая канал восприятия и контакт со стимульным объектом, см. также французское слово *dégoûter*, этимологически соотносимое с *disgust*. С этой целью человек *затыкает нос* в случае неприятного запаха, пытается *сплонуть, выплюнуть, вымыть рот* или *вызвать у себя рвоту*. Он *закрывает глаза* или *прикрывает* их, чтобы разорвать зрительный контакт со стимулом, наконец, полностью отворачивается от объекта, тем самым выводя его за пределы своего личного пространства, ср. русское слово *отвращение* или польское слово *wstręt* (букв. 'отстранение').

Стимулом, вызывающим отвращение, может быть не только объект или человек, но и некоторая ситуация. В этом случае человек стремится изменить характер ее протекания или прекратить ее протекание. Например, в ситуации диалога он пытается изменить речевое или невербальное знаковое поведение партнера, поменяв тему беседы или стиль разговора, а в предельном случае вообще выходит из диалога, избегая конфликта.

Эмоция отвращения возникает у человека, фактически, вследствие, так сказать, намеренного или ненамеренного нападения на него. Человек чувствует, что некое неприятное событие только что произошло или происходит сейчас в пределах его личной сферы, в личном пространстве, то есть что-то идет не так, как это обычно бывает или как должно быть. Возникает неприятная ситуация или появляется неприятный объект, которые вторгаются в его личное пространство, вследствие чего они становятся для человека помехой в текущей жизни. Это всё чужие, инородные объекты, нарушающие привычные для человека мироощущение, мировосприятие или жизнедеятельность. Поэтому отвращение – это эмоция, от которой человек стремится сразу же избавиться, и делает он это по возможности быстро и решительно.

Есть еще две особенности эмоции отвращения, которую испытывает человек. Отвращение, возникающее у человека при первой встрече с незнакомым ему «заразным» объектом, длится относительно недолго, а интенсивность отвращения по сравнению с такими эмоциями, как злоба, страх, гнев, презрение или радость, воодушевление, относительно слабая. Впрочем, память о первой встрече с объектом, вызвавшим отвращение, у человека обычно остается

надолго, а потому человек по возможности избегает встречи с этим объектом, ср., например,

Если люди начинают испытывать отвращение к чужакам, они уже не могут воспринимать их как людей, чувствовать к ним жалость или сострадание.

Подкладывание головы свиньи к дверям ненавистной квартиры или к зданию редакции газеты случайным быть не может, а появление на пути человека рвотной массы или блевотины может быть как намеренным, так и ненамеренным. В любом случае человек хочет понять, кто, почему и зачем вторгся таким образом в его личную сферу, кто, почему и зачем хочет, так сказать, «заразить» его.

Источником неприятного запаха может быть сгнивший в доме продукт, причиной противного вкуса может оказаться попавшая в рот некачественная пища, на земле могут лежать экскременты, которые не вызывают у человека желания их видеть. Однако и сами люди могут быть, так сказать, *заразными*, когда они ведут себя в обществе таким образом, что их поведение вызывает у «зрителей» *брезгливость*, *омерзение* или *отвращение* (в этом месте я осознанно пользуюсь русскими словами, выражающими эмоции из класса «отвращение»).

Изучение и классификация стимулов, вызывающих отвращение (далее часто – **стимулы отвращения**), является одной из тем, издавна привлекавших внимание эмоциологов, антропологов, культурологов и психологов. Гораздо меньше внимания уделяли ей лингвисты и семиотики, хотя языковые способы номинации стимулов отвращения и номинации различных характеристик отвращения как особые темы исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение. В связи с ними встают, например, вопросы, какими бывают стимулы отвращения в том или ином этносе или культуре, каковы типовые их обозначения и как влияет конкретный стимул на особенность восприятия и интенсивность эмоции. Попытаюсь далее ответить на некоторые из них.

Стимулы отвращения могут быть разной природы и происхождения. И прежде всего следует назвать продукты животного и растительного происхождения.

В повседневной жизни мы чаще всего сталкиваемся именно с такими стимулами, если на время оставить в стороне экскременты и другие отходы человеческой деятельности. Информационные опросы и анализ лабораторных экспериментальных ситуаций (см. об этом, в частности, работу [Rozin et al. 1994]) показали, что большинство испорченных, протухших или сгнивших продуктов,

которые вызывают отвращение у людей разных культур, имеют животное происхождение, в то время как отношение людей к испорченным растительным продуктам, таким как подгнившие овощи или червивые фрукты, более терпимое. Последние вызывают у людей не столько отвращение, сколько чувства, близкие к отвращению, но всё же другие. Это *брезгливость, неприятие, отталкивание* (а червивость яблока или груши, например, вообще не вызывала у человека столь отрицательных эмоций, даже когда во время поедания фрукта из него выползал червяк).

Как полагают некоторые люди, в основном коммерсанты, имеющие дело с куплей, продажей и распространением в обществе продуктов питания, различие в эмоциональном восприятии животных и растительных продуктов вызвано тем, что продукты животного происхождения гораздо более контагиозные, заразные. Испорченные мясо или рыба очень быстро и интенсивно заражают все продукты, причем даже те, которые находятся от них на сравнительно большом расстоянии. Вообще, контагиозность – это существенный признак эмоции отвращения, характерный также для многих других ее стимульных областей.

К стимулам отвращения относятся и объекты телесного выделения, различные нарушения гигиены или целостности тела. К такого рода объектам жизни тела относятся, например, пот, невымытые или плохо вымытые тело или его части, телесная грязь, гнилые или нечищенные зубы, фурункулы, сопли. К ним примыкают выделения сексуального характера и экскременты людей и животных.

К стимулам отвращения принадлежат мертвые тела и воспринимаемые глазами или носом гноящиеся и кровоточащие соматические объекты, какие-то места на теле и в теле человека. У некоторых людей вызывают отвращение даже искусственные заменители естественных органов или частей тела, разные манифестации уродства или, обобщая, анатомические и физиологические отклонения патологического характера, подробно изучаемые в тератологии (науке об уродстве). К языковым обозначениям таких объектов относятся русские слова и словосочетания *культя, хвост* <у человека>, *шестипалый, трехгрудый, заячья губа, сямские близнецы, люди-обрубки (люди-самовары* – по М. Веллеру). Отмечу, что номинации таких соматических объектов и номинации их признаков – это тоже одна из плохо изученных лингвистических проблем.

Еще одной важной областью стимулов отвращения являются межличностные отношения. Поведение человека другой культуры или другого социального слоя, какие-то произносимые им слова или какие-то иные речевые продукты тоже могут быть

стимульными объектами, вызывающими отвращение или сходные эмоции. Как *отвратительное* может оцениваться, например, такое поведение взрослого человека за столом в обществе других людей, как еда руками, срыгивание или сплевывание, чавканье, сморкание, вытирание испачканных пиццей губ рукавами одежды, или чрезмерно громкая речь, ругань, плоские и злые шутки. Подобно тому, как вызывают у человека отвращение определенные пищевые продукты или какие-то свойства продуктов (а отсюда нежелание вступать с такими продуктами в перцептивный контакт), не меньшее отвращение у человека может вызвать и невербальное поведение другого человека, например, его жесты, мимика, позы и др., речь и даже «неприемлемый», неэстетичный внешний вид.

Наличие данной группы стимулов показывает, что между эмоцией отвращения, с одной стороны, и моральными принципами и нормами общественного поведения, с другой, существует несомненная и притом тесная связь.

Дети способны отличать плохие запахи от хороших, и многие ученые считают эту их способность врожденной. С раннего возраста ребенка обучают тому, что есть можно, а что нельзя, и такие, уже приобретенные, навыки обладают вполне достаточной для его последующей жизни широтой и гибкостью. Впрочем, жизнь и жизнедеятельность человека в норме не зависят от внешних источников токсичных запахов или продуктов. Конечно, на своем жизненном пути человек встречается с новыми для себя объектами, в том числе контагиозными, он сталкивается с новыми запахами и продуктами, на собственном опыте познавая то, что вызывает у него неприятие и отвращение.

Человек не только стремится избежать гастического или гаптического соприкосновения с заразным объектом, а именно избавиться от вида, запаха или вкуса этого стимульного объекта. В силу известного с древних времен принципа, или закона, контагиозной магии (см., о нем, например, в работах [Fraser 1890 / 1959; Tylor 1871 / 1974]), «заразный объект, вступивший в контакт с другим объектом, продолжает и впоследствии определенное время воздействовать на него» (цит. по [Fraser 1890 / 1959, р. 35]). Контагиозный объект заражает нейтральный даже на относительно большом расстоянии, и такая цепочка заражения напоминает социальный процесс распространения слухов или апостольскую последовательность в католичестве (см. об этом в работах [Крейдлин, Самохин 2003] и [Крейдлин 2002]).

Еще один универсальный закон, касающийся связи объектов друг с другом, выдающийся этнограф и антрополог Д. Фрэзер называет *законом сходства* (law of similarity). Этот закон относится

к объектам произвольной природы и говорит о том, что, если объекты похожи друг на друга в существенных отношениях, они являются попросту схожими (*fundamentally similar*, р. 35) или даже тождественными (*identical*).

Так, законом сходства можно объяснить то, что люди, долго живущие вместе, например муж и жена, становятся со временем даже внешне похожими друг на друга. Или то, что люди, ставшие близкими друзьями благодаря наличию важных общих жизненных принципов и правил поведения, за многие годы общения становятся похожими и в целом ряде других отношений. Долгие годы живший среди волков Маугли приобрел много общих черт с волками.

Закон сходства, как и закон контагиозной магии, как мне представляется, объясняет некоторые факты, связанные с возникновением у людей эмоции отвращения. Так, было замечено, в частности, что если у папы и мамы внешний вид бомжей на улице или в транспорте вызывает отвращение, то точно такое же отвращение он вызывает у их ребенка. Если живущие вместе с ребенком родители не любят запах или вкус чеснока, то и ребенок говорит, что он чеснок *не переваривает*. Иными словами, эмоция отвращения способна, подобно многим моделям поведения, *передаваться*.

В заключение отмечу, что еще Ч. Дарвин писал об эмоции отвращения, что она предстает, или, как сейчас сказали бы многие ученые, *концептуализуется*, в виде защитного механизма, который предохраняет человека от воздействия на него заразных объектов [Darvin 1872/1965]. В этом, по мнению ученого, состоит едва ли не самая важная функция отвращения.

В упомянутой книге Ч. Дарвин выделил некоторые характерные для отвращения знаковые выражения лица, выдвинув предположение, что эти выражения являются универсальными для всех культур. Дальнейшие исследования в области невербальной семиотики и эмоциологии показали, что гипотеза Дарвина, скорее всего, с некоторыми оговорками, справедлива, хотя отдельные из выделенных ученым лицевых знаков являются компонентами также и других эмоций. Например, сморщенный нос и приподнятая верхняя губа характерны также для эмоций негодования и злости, см. об этом, например, в [Ekman 1984]. Во всяком случае, в проведенных на Западе многочисленных анализах фотографий и видеофильмов однозначно определить испытываемую людьми эмоцию по указанным признакам лица информантам из самых разных этносов и культур не удалось.

Благодарности

Я выражаю глубокую признательность неизвестному рецензенту за внимательное отношение к моей статье и ценные замечания, которые я постарался учесть в окончательной версии.

Acknowledgements

I express my deep gratitude to the unknown reviewer for his careful attention to my article and valuable comments, which I tried to take into account in the final version.

Литература

- Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Крейдлин, Самохин 2003 – *Крейдлин Г.Е., Самохин М.В.* Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка: Космос и хаос / Ред. Н.Д. Арутюнова и Т. е. Янко. М.: Языки русской культуры, 2003. С. 117–157.
- Darvin 1872 / 1965 – *Darvin Ch.* The Expression of the Emotions in Man and Animals. New York: Philosophical Library, 1872 / 1965.
- Ekman 1984 – *Ekman P.* Expression and the nature of emotion // Approaches to Emotions / Eds. K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984.
- Fraser 1890 / 1959 – *Fraser J.G.* The Golden Bough: The Study in Magic and Religion. New York: Macmillan, 1890 / 1959. [Рус. перев.: Фрэзер Джеймс Джордж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии.]
- Izard – *Izard C.E.* The Face of Emotion. New York: Appleton-Century-Crofts, 1971. 468 p.
- Rozin et al. 1994 – *Rozin P., Lowery L., Ebert R.* Varieties of disgust faces and the structure of disgust // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. № 66. P. 870–881.
- Tylor 1871 / 1974 – *Tylor E.B.* Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom. New York: Gordon, 1871 / 1974.

References

- Darvin, Ch. (1872 / 1965), *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. Philosophical Library, New York, USA.
- Ekman, P. (1984), “Expression and the nature of emotion”, Scherer, K. and Ekman, P. (eds.), *Approaches to Emotions*, Erlbaum, NJ, USA.
- Fraser, J.G. (1890 / 1959), *The Golden Bough: The Study in Magic and Religion*, Macmillan, New York, USA.
- Izard, C.E. (1971), *The Face of Emotion*. Appleton-Century-Crofts, New York, USA.

- Kreidlin, G.E. (2002), *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics. The body language and the natural language], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E. and Samokhin, M.V. (2003), "Rumors and gossip, hearsay – harmony and mess", in Arutyunova, N.D. and Yanko, T.E. (eds.), *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos* [The logical analysis of language. Cosmos and chaos], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Rozin P., Lowery L. and Ebert, R. (1994), "Varieties of disgust faces and the structure of disgust", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 66, pp. 870–881.
- Tylor, E.B. (1871 / 1974), *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom*. Gordon, New York.

Информация об авторе

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; grigory.e.kreydlin@gmail.com

Information about the author

Grigory E. Kreydlin, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia 125047; grigory.e.kreydlin@gmail.com

Проблемы исследования невежливости в современной коммуникации

Вассили Блаженной Гомес Диас

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vassiliblajenoi.dias@mail.ru*

Аннотация. Изучение основ гармоничной коммуникации в современном коммуникативном взаимодействии получило в последние десятилетия серьезную теоретическую основу в работах П. Браун и С. Левинсона, трудах Дж. Лича и других известных лингвистов. Однако их теории были подвергнуты критическому анализу исследователей дискурсивного анализа Дж. Калпепера, Дж. Илена, Р. Уотса, Д. Бусфилда и М. Лочера, Х. Спенсер-Оути, В.И. Жельвиса, С.Н. Засыпкина, В.В. Леонтьева, Н.Г. Брагиной и И.А. Шаронова, А.Д. Шмелева и др. Научная полемика высветила новую область исследований, получивших наименование «невежливость». В статье проведена оценка классических и современных научно-теоретических положений по теории невежливости. Было выявлено, что невежливость и вежливость связывают между собой аспекты языковой и культурной составляющей общения, их оценка способствует выделению основ грубого коммуникативного поведения и специфической эмоциональной окраски общения. Поэтому данные понятия следует рассматривать в качестве конструкторов человеческого сознания и отношения к оценочным мнениям о поведении в конкретном контексте.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, коммуникация, агрессия, конфликт, оппонент, адресант

Для цитирования: Гомес Диас В.Б. Проблемы исследования невежливости в современной коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 240–249. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-240-249

Challenges of researching impoliteness in modern communication

Vassili Blajenoi Gomes Dias

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vassiliblajenoi.dias@mail.ru*

Abstract. The study of the basics of harmonious communication in modern communicative interaction has gained in recent decades a serious theoretical basis in the works of P. Brown and S. Levinson, the writings of J. Leech and other famous linguists. However, their theories have been critically analyzed by discourse analysis researchers J. Culpepper, G. Eelen, R. Watts, D. Bousfield and M. Locher, H. Spencer-Oatey, V.I. Zhelvis, S.N. Zasytkin, V.V. Leontiev, N.G. Bragina and I.A. Sharonov, A.D. Shmelev and others. The scientific polemic has highlighted a new direction of research, which was named “impoliteness”. The article evaluates classical and modern scientific-theoretical provisions on the theory of impoliteness. It is revealed that impoliteness and politeness connect aspects of the linguocultural component of communication, their evaluation contributes to the identification of the bases of rude communicative behavior and specific emotional coloring of communication. Therefore, those concepts should be considered as constructs of human consciousness and attitudes to evaluative judgments about behavior in a particular context.

Keywords: politeness, impoliteness, communication, aggression, conflict, opponent, addressee

For citation: Gomes Dias, V.B. (2024), “Challenges of researching impoliteness in modern communication”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 240–249, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-240-249

Введение

Аспекты исследования эффективной межкультурной коммуникации в лингвистике начинались с 70-х гг. XX в. Они связаны в первую очередь с принципами построения вежливых высказываний, которые основаны на уважении и взаимопонимании собеседников между собой. Описанные в качестве концепции социального взаимодействия принципы вежливости с каждым годом расширяют отрасли применения, проникая в различные типы наук: гендерную психологию, этнографию, социологию и т. д. Целью исследования является выделение основных теорий, связанных с темой невежливости в коммуникативном взаимодействии.

Теоретической базой исследования послужили работы Дж. Калпепера, Дж. Илена, Р. Уотса, Д. Бусфилда и М. Лочера, Х. Спенсер-Оути, В.И. Жельвиса, С.Н. Засыпкина, В.В. Леонтьева, Н.Г. Брагиной и И.А. Шаронова, А.Д. Шмелева и др. В статье использована методика анализа и синтеза мнений.

История формирования теории вежливости имеет несколько периодов. «Классический» этап [Leech 1983; Leech 2014; Brown, Levinson 1987; Lakoff 1989] рассматривает теорию вежливости в качестве тактики межкультурной коммуникации, которая направлена на бесконфликтное взаимодействие, основанное на определенных требованиях к говорящему. Максимум теории вежливости, которые описаны классическими исследователями [Brown, Levinson 1978; Brown, Levinson 1987; Leech 1983; Leech 2014] и др. представляют собой универсальные особенности толерантного речевого общения, что составляет основу различных моделей коммуникативных лингвокультур.

Данные концепции вызвали большой интерес и получили положительные отзывы, что позволило им и по сей день применяться для описания межкультурной коммуникации. Одновременно они стали объектом критического анализа со стороны исследователей дискурсивного анализа. В.В. Леонтьев отмечает, что интерес к феномену невежливой стратегии стал проявляться с конца XX в., когда были опубликованы монографии и специализированные выпуски журналов “Journal of Politeness Research” и “Pragmatics”, посвященные детальному исследованию невежливости в коммуникации [Culpeper 1996; Bousfield, Locher 2008; Bousfield, Locher 2011; Eelen 2001; Spencer-Oatey 2005; Watts 2003]. Критика классической теории вежливости основана, в частности, на универсальности ее применения в конкретной социальной ситуации, а также за отсутствие описания невежливых тактик взаимодействия, агрессии и грубости. Исследователи подвергли сомнению способность этих теорий объяснять агрессивные или грубые формы коммуникации, отмечая отсутствие в них анализа невежливости и конфликтных ситуаций.

Дж. Калпепер [Culpeper 1996; Culpeper 2011] пишет, что характеристики невежливости в классических работах через отрицание характеристик вежливости малоинформативны. Дж. Илен [Eelen 2001] в своих работах рассматривала различные формы межкультурной коммуникации и выяснила, что обнаружение точного числа критериев невежливости по отношению к вежливости не представляется возможным, поскольку зависит не от речевого поведения говорящего, а от оценки этого поведения собеседником. Дискурсивный анализ устных текстов и опросов демонстрирует,

что адресат высказывания может расценивать формально нейтральные выражения как обидные, а формально резкие – как уместные в контексте ведущегося разговора [Locher, Watts 2005]. В целом исследователи дискурсивного метода описания языка утверждают, что невежливые стратегии никак не могут быть противопоставлены стратегиям теории вежливости, так как грубое, конфликтное общение не может быть сопоставимо с гармонией и толерантностью. Критика классических подходов описания категории вежливости выявила необходимость более глубокого изучения невежливости как активного компонента социального взаимодействия. Исследователи настаивают на гипотезе, что невежливость не просто отсутствие вежливости, а отдельная динамичная категория, которая может использоваться как средство достижения определенных коммуникативных целей, таких как утверждение власти или создание социальной дистанции [Watts 2003; Spencer-Oatey 2005] и др.

В.В. Леонтьев описывает теорию вежливости в качестве сложного социокультурного явления, которое соизмеримо с аспектами нравственной специфики общества. Вежливость может иметь разные основы для интерпретации. Практика показывает, что однотипные синтаксические структуры могут как выражать вежливое, так и невежливое обращение к оппоненту. Это в большей мере зависит от оценки коммуниканта, который руководствуется общими культурно-специфичными нормами. Даже учтивый разговор может быть расценен в качестве агрессивного поведения, качество коммуникации зависит от воспитания, уровня внутренней цивилизованности и так далее [Леонтьев 2016, с. 71–72]. Автору представляется оправданным употребление зонтичного термина «лингвистическая (не)вежливость», широко применяемого в зарубежной лингвистике для обозначения всех видов оценочных значений относительно коммуникативного поведения адресанта: от оценки данного поведения адресатом как сердечного, одобрительного, тактичного, вежливого, уважительного, почтительного до его оценки адресатом как высокомерного, пренебрежительного, агрессивного, грубого.

Ю.А. Белютина отмечает разделение невежливой стратегии по критериям целесообразности. Выделяется мотивированная и немотивированная теории вежливости. Первый тип определен намеренным желанием говорящего казаться грубым и агрессивным, а второй тип связан с нарушениями основ коммуникации по причине незнания конкретных основ теории вежливости в той или иной стране. Причины невежливой стратегии могут крыться в несдержанности индивида, неспособности сдерживания эмоций, кратковременной агрессии, что связано с сопряжением с определенными

событиями неблагоприятного спектра и неспособностью справиться с ними. В аффективной речи невежливым поведением считается негативный ответ на определенный раздражитель [Белютина 2015, с. 216].

Научная полемика вокруг вежливости и невежливости привела к более детализированному пониманию того, как эти понятия функционируют в различных культурных контекстах. Исследователи отмечают важность культурно-национальной специфики по отношению к понятию вежливости. Например, в русской культуре большое значение имеют такие качества, как близость и доброта по отношению к ближнему. В просторечии распространено использование вокативов типа «брат, земляк, друг», которые могут быть применимы даже в общении с незнакомцами. В англо-саксонской культуре принято сохранять дистанцию с собеседником. Понимание невежливой стратегии может быть связано с несоблюдениями культурно-специфичных тактик речевого поведения. Невежливый субъект тот, кто не соблюдает дистанции и принятых в конкретном обществе норм по отношению к другому лицу [Леонтьев 2018, с. 142]. Исследователи опираются на контекстуально обусловленный подход к анализу коммуникативного поведения, где вежливость и невежливость рассматриваются как переменные, зависящие от конкретных социальных и культурных обстоятельств.

В русской коммуникативной культуре значима в первую очередь мотивированная невежливость: агрессивная грубость. А.А. Петрова проводила ассоциативный эксперимент в рамках изучения невежливой стратегии. По результатам были выделены основные лексико-семантические категории воссоздания невежливой стратегии в языковой картине мира современных представителей русской национальности [Петрова 2021, с. 1481]. Наиболее частой ассоциацией со словом «невежливость» были слова *хамство, грубость, невоспитанность*. К видам невежливости чаще всего были отнесены слова *агрессия, оскорбление, резкость, проявление неуважения, мат*.

В. И. Жельвис под грубостью понимает процесс формирования определенных тактик коммуникативного характера, которые могут быть использованы в процессе реального взаимодействия и имеют цель создание конфликта [Жельвис 2011, с. 258]. Сопоставление теории вежливости и теории грубости раскрывает социально-нравственную составляющую любой конфликтной ситуации – неразрывной части жизни любого живого существа, в той же мере, как и мирное сосуществование [Жельвис 2011, с. 258–259]. Автор описывает общность христианских понятий «клясться», «божиться», «скверна» в русском и английском языке. Он отмечает, что

в каждой национальной культуре имеются одинаковые «монологические» ругательства, которые не адресованы конкретному лицу [Жельвис 2008, с. 112]. Изучением проблем инвективизации занимался С.Н. Засыпкин [Засыпкин 2010, с. 35–36]. Исследователь указывает, что инвективы встречаются в любой языковой культуре. Они используются для намеренного нарушения правил речевого поведения. Многие инвективные формулы – устойчивые конструкции и обороты, сохраняющиеся в языке из поколения в поколение [Mehl, Pennebaker 2003 p. 84].

Исследование одного из невежливых типов конструкций русского языка проводится в статье «Педагогическая агрессия в русской бытовой коммуникации» [Брагина, Шаронов 2019, с. 975–993]. Авторы рассматривают адаптацию теории вежливости к русскому языковому контексту. В частности, они описывают две возможные стратегии речевого поведения в ответ на нарушение коммуникативных норм: «эмпатийную» и «агрессивно-педагогическую» стратегии. Эмпатийная стратегия основана на желании говорящего скрыть промах собеседника, в то время как агрессивно-педагогическая стратегия часто включает использование разных языковых средств для высвечивания промаха с тем, чтобы собеседник обнаружил его и больше не совершал такой коммуникативной ошибки. Авторы отмечают любовь простых русских людей отмечать ошибки в коммуникативном поведении собеседника, в частности через игровые ответы на их вопросы. В работе рассматриваются типовые риторические и псевдовопросы, передразнивающие цитаты и рифмованные псевдоответы.

Риторические вопросы, такие как *“Кто тебе сказал такую ерунду?”* или *“Тебе какое дело?”*, часто используются не для получения информации, а для выражения неодобрения или удивления. Эти вопросы грубо указывают на ложные предположения собеседника, на основании которых он произвел неудачный речевой акт.

Передразнивающие цитаты включают в себя ироническое повторение высказываний собеседника с изменением интонации или контекста, что может использоваться для подтрунивания над собеседником. Например, если кто-то говорит: *«Я всегда плачу вовремя»*, а другой человек ответит: *«Да, ‘всегда плачу’, конечно!»*, ставя утверждение собеседника под сомнение.

Рифмованные псевдоответы на вопросы, которые, с точки зрения говорящего, собеседник не должен, не имеет права задавать, должен сам понимать. Это такие клише, как:

Где она? Где, где... – В Караганде!; Зачем? – Затем!; Куда? – Туда!; Чего? – Того! и т. д.

- *Зачем президенту Ельцину учить эстонскую грамматику? – **Затем!** Иначе с работы погонят!* (В. Левашов. «Заговор патриота»).
- *Куда? – **Туда!** Остонадоели!* (А. Измайлов. «Трюкач»).
- *Геннадий, откуда у вас самолет? – **От верблюда!** Вот этого! – с улыбкой отвечает Геннадий и показывает для рекламы пачку сигарет «Кемел».* (Г. Горин. Иронические мемуары).
- *Есенин был запрещенный?.. Почему? – **По кочану**, – отшутилась она и строго сказала: – Мог бы, между прочим, и написать сочинение: <...> «За что я люблю свою Отчизну»*
[Брагина, Шаронов 2019, с. 984].

Псевдоответы используются как способ легкого укола в адрес коммуникативно неопытного собеседника. При неформальных отношениях общий тон разговора может оставаться дружелюбным или шутливым. Это особенно видно в культурах, где такие формы общения воспринимаются как часть обычного дружеского взаимодействия. Но в ситуациях с незнакомыми людьми такие вопросы жестко указывают на агрессивный характер взаимодействия. При конфликтности разговора рифмованные псевдоответы могут использоваться в качестве механизма разрыва отношений или перехода на другой способ межкультурной коммуникации, который потребует от оппонента быстрого выполнения команды.

Заключение

Универсальная теория вежливости является основополагающей категорией, однако требует корректировки, с одной стороны, при применении ее для межкультурной коммуникации ввиду наличия национально-культурных особенностей регуляции взаимоотношений в социуме. Невежливые стратегии выполняют в коммуникации свои функции и в зависимости от конкретных коммуникативных ситуаций и отношений между коммуникантами могут оцениваться как приемлемые, игровые, так и агрессивные, требующие от собеседника внимательности и исполнительности.

Литература

- Белютина 2015 – *Белютина Ю.А.* Коммуникативные стратегии взаимодействия и воздействия в дихотомии «вежливость – невежливость» // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3 (31). С. 210–219.

- Брагина, Шаронов 2019 – *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993.
- Жельвис 2011 – *Жельвис В.И.* Грубость как регулятор коммуникативного поведения // *Бытие в языке: Сб. науч. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 258–289.
- Жельвис 2008 – *Жельвис В.И.* «Грубость»: проблемы классификации лексики // *Вопросы психолингвистики*. 2008. № 7. С. 109–113.
- Засыпкин 2010 – *Засыпкин С.Н.* Инвектива: концептуальный анализ // *Alter Idem*. Вып. 3: Тотальность философского дискурса: проблема самоопределения современной философии: Сб. науч. трудов и переводов. М., 2010. С. 32–37.
- Леонтьев 2016 – *Леонтьев В.В.* Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 1 (6). С. 70–83.
- Леонтьев 2018 – *Леонтьев В.В.* «Темная сторона» вежливости: историко-прагматический анализ номинаций ее субъектов в русской лингвокультуре // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2018. № 54. С. 132–162.
- Петрова 2021 – *Петрова А.А.* Основные семантические составляющие концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской лингвокультуре: лексикографический анализ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 5. С. 1478–1485. DOI: 10.30853/phil210242.
- Bousfield, Locher 2008 – *Bousfield D., Locher M.* (eds.) *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2008. 346 p. DOI: 10.1017/S0047404509990674
- Brown, Levinson 1978 – *Brown P., Levinson S.* *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena* // *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction* / Ed. by E. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56–310.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Culpeper 1996 – *Culpeper J.* *Towards an anatomy of impoliteness* // *Journal of Pragmatics*. 1996. № 25. P. 349–367.
- Culpeper 2011 – *Culpeper J.* *Impoliteness. Using Language to Cause Offence*. Cambridge University Press, 2011. 292 p.
- Eelen 2001 – *Eelen G.* *A critique of politeness theories*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2001. 280 p.
- Lakoff 1989 – *Lakoff R.T.* *The limits of politeness: Therapeutic and courtroom discourse* // *Multilingua-Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*. 1989, № 8 (2-3). P. 101–130.
- Leech 1983 – *Leech G.* *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman, 1983. 257 p.
- Leech 2014 – *Leech G.* *The Pragmatics of Politeness*. Oxford University Press, 2014. 369 p.

- Locher, Watts 2005 – *Locher M., Watts R.J.* Politeness theory and relational work // Journal of Politeness Research. 2005. № 1 (1). P. 9–33. DOI: 10.1515/jplr.2005.1.
- Mehl, Pennebaker 2003 – *Mehl M., Pennebaker J.* The sounds of social life: A psychometric analysis of student's daily social environments and natural conversations // Journal of personality and Social psychology, 2003. № 84. P. 857–870.
- Spencer-Oatey 2005 – *Spencer-Oatey H.* (Im)Politeness, face and perceptions of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships // Journal of Politeness Research, Language, Behaviour, Culture. 2005. № (1). P. 95–119.
- Watts 2003 – *Watts Richard J.* Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p.

References

- Belyutina, Yu.A. (2015), “Communicative strategies of interaction and manipulation in binary opposition ‘politeness – impoliteness’”, *Izvestia of Smolensk State University*, vol. 31, no. 3, pp. 210–219.
- Bragina, N.G. and Sharonov, I.A. (2019), “‘Pedagogical’ aggression in Russian everyday communication”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993.
- Bousfield, D. and Locher, M. (eds.) (2008), *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*, Mouton de Gruyter, Berlin and New York, DOI: 10.1017/S0047404509990674.
- Brown, P. and Levinson, S. (1978), “Universals in Language Usage: Politeness Phenomena”, E. Goody (ed.), *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 56–310.
- Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness: Some Universals in Language Usage*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Culpeper, J. (1996), “Towards an anatomy of impoliteness”, *Journal of Pragmatics*, no. 25, pp. 349–367.
- Culpeper, J. (2011), *Impoliteness. Using Language to Cause Offence*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Eelen, G. (2001), *A critique of politeness theories*, St. Jerome Publishing, Manchester, UK.
- Lakoff, R.T. (1989), “The limits of politeness: Therapeutic and courtroom discourse”, *Multilingua-Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, vol. 2–3, no. 8, pp. 101–130.
- Leech, G. (1983), *Principles of Pragmatics*, Longman, London, New York.
- Leech, G. (2014), *The Pragmatics of Politeness*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Leont’ev, V.V. (2016), “Linguistic (im)politeness: On the issue of category content”, *Ecology of Language and Communicative Practice*, vol. 6, no. 1, pp. 70–83.
- Leontiev, V.V. (2018), “‘The Dark Side’ of politeness. Historico-pragmatic analysis of the nominations of its subjects in the Russian lingua-culture”, *World of linguistics and communication. Electronic scientific journal*, no. 54. pp. 132–162.

- Locher, M. and Watts, R.J. (2005), "Politeness theory and relational work", *Journal of Politeness Research*, no.1, pp. 9–33. DOI: 10.1515/jplr.2005.1.
- Mehl, M. and Pennebaker, J. (2003), "The sounds of social life: A psychometric analysis of student's daily social environments and natural conversations", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 84, pp. 857–870.
- Petrova, A.A. (2021), "Basic semantic components of the concept IMPOLITENESS in Russian linguistic culture. Lexicographic analysis", *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, no. 5, pp. 1478–1485, DOI: 10.30853/phil210242.
- Spencer-Oatey, H. (2005), "(Im)Politeness, face and perceptions of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships", *Journal of Politeness Research*, vol. 1, no. 1, pp. 95–119.
- Watts, R.J. (2003), *Politeness*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Zhel'vis, V.I. (2011), "Rudeness as a regulator of communicative behavior", *Bytie v yazyke: Sb. nauch. trudov k 80-letiyu V.I. Zhel'visa*, [Being in language. Collection of scientific works on the 80th anniversary of V.I. Zelvis], Izd-vo YaGPU, Yaroslavl, Russia, pp. 258–289.
- Zhel'vis, V.I. (2008), "Rudeness". Issues of vocabulary classification", *Journal of Psycholinguistics*" no. 7, pp. 109–113.
- Zasyrkin, S.N. (2010), "Invective. Conceptual analysis", *Alter Idem. Vyp. 3: Total'nost' filosofskogo diskursa: problema samoopredeleniya sovremennoi filosofii*, *Sb. nauch. trudov i perevodov* [Issue 3: Totality of philosophical discourse. The issue of self-determination in modern philosophy. Collection of scientific works and translations], Moscow, Russia, pp. 32–37.

Информация об авторе

Вассили Блаженной Гомес Диас, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vassiliblajenoi.dias@mail.ru

Information about the author

Vassili Blajenoi Gomes Dias, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vassiliblajenoi.dias@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 8
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность – 10 раз в год

Подписано в печать 11.10.2024

Выход в свет 17.10.2024

Формат 60×90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 14,0. Усл. печ. л. 15,8

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2050

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru